

Д-17 (P5) - 155

ШОТА РУСТАВЕЛИ

А. ДАНДУРОВ

журнально-газетное
объединение
москва
1937

Д-17

Шота Руставели

А. ДАНДУРОВ

10₁₀₆₁
выпуск

83.3 (5ГР5)

Д 17

Отв. редактор ИОСИФ ГЕНКИН

43 | ОМСКАЯ
Ц Б им. Ленина

Обложка Г. С. БЕРШАДСКОГО
Гравюра на дереве А. М. КРИТСКОЙ
Техредактор И. Г. УМАНСКИЙ
Корректор И. Я. СЛОНИМСКИЙ

Издатель Журналоведение
Уполномоченный Главлита Б—15923
Тираж 40 000. Зак. тип. 390. Изд. № 183
Сдано в набор 23/V. 1937 г.
Подписано к печати 2/VII. 1937 г.
Формат бумаги 72x105/32
3/4 бум. листа. 106.624 зн. в бум. л.

Типография и цинкография
Журналоведения, Москва, 1-й Самотечный, 17

МЭБ Централизованная
система муниципальных
библиотек г. Омска

185426-1

Шота Руставели

Шота Руставели

ГРУЗИНСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ ЭПОХИ РУСТАВЕЛИ

поха Руставели является венцом и завершением большого периода грузинской истории, о котором, к сожалению, сохранилось очень мало исторических данных. Правда, лучшим памятником этой эпохи является бессмертная поэма Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре», или, как мы дальше будем ее называть, «Вепхисткаосани», которая изобилует массой характерных черт грузинского феодального быта; однако одних этих данных недостаточно для характеристики феодальных отношений Грузии XII века. Но поэма, как и жизнь великого творца ее, приобретает совершенно исключительное значение живого, яркого, художественного свидетельства, когда, на основании сохранившихся исторических памятников, удастся восстановить хоть в некоторых отношениях картину феодального строя этой эпохи.

Грузинский феодализм имеет свои исторические особенности, которые необходимо иметь в виду при изучении эпохи Руставели и тех иноземных влияний, под знаком которых развивалась грузинская государственность и культура. Тот факт, что жизнь Грузии протекала на стыке Европы и Азии, имеет не только географическое значение, но и большой социально-исторический смысл. В Азии кипела борьба между кочевниками и народами оседлыми, переходившими к земледелию. Эта борьба затихала, когда земледельче-

ским народам удавалось упрочить государственную власть и подчинить себе кочевников. Но новые волны их, вышедшие из глубины Азии, вступали в борьбу с земледельческими народами. Сельское хозяйство разрушалось, культурные земли обращались в пастбища, а затем вновь повторялся процесс оседания на землю и перехода к земледелию.

Смена народов и систем хозяйства в Передней Азии находила свой постоянный отзыв в Грузии. Каждое появление на исторической арене нового народа неизменно кончалось тем, что его завоевательные стремления обрушивались на Грузию. Так было с иранцами, арабами, турками, монголами, которых привлекали привольные степи Закавказья.

Положение для Грузии не менялось даже в том случае, если кочевой народ переходил к земледелию. Осевший на землю народ был заинтересован в том, чтобы отвести кочевников подальше от центров сельскохозяйственной культуры, и государственная власть направляла их в пограничные с Грузией степи, стремясь одновременно занять и обеспечить за собой важнейшие выходы из Грузии в степи и, в частности, Тбилиси — политический и экономический центр Грузии.

В случае победы нападавшие вторгались в глубь страны, разрушали все до основания, уничтожали население и все то, что не могли унести или увести с собою, и, оставив Грузию в развалинах, уходили в уверенности, что страна не скоро оправится после опустошения и не сможет угрожать степи.

Сама Грузия не представляла интереса для кочевников. Горы Грузии, изрезанные глубокими ущельями и покрытые лесами, были совершенно непригодны для кочевников и сюда они не могли направлять ле-

том свои стада. Неизмеримо ценнее для них была Армения с ее плоскогорьями, покрытыми альпийскими пастбищами, и потому Армении было труднее возрождаться после поражений; ее земли прочно удерживались кочевниками за собою.

Грузия в своих лесистых ущельях находила защиту для возрождения и накопления сил, чтобы в удобный момент вступить в борьбу с кочевниками и поддерживавшими их государствами. В этой борьбе она имела прочных, хотя и не всегда верных союзников в лице Византии, а до нее в лице Римской империи, которые в последовательной борьбе с иранцами, арабами, а позднее турками видели в маленькой, но мужественной Грузии государство, которое нависало на фланге и даже угрожало тылу всякого государства Передней Азии, желающего продвинуться в **глубь** малоазиатских владений западных держав.

История Грузии складывалась так, что ее возрождение после опустошений и последующий расцвет были тесно связаны с успешной борьбой против кочевников. Когда походы крестоносцев отвлекли военные силы сельджуков к югу и кочевники Закавказья были предоставлены самим себе и тем незначительным силам, которые могли оставить здесь турки, Грузия умело использовала создавшееся положение и начала постепенно продвигаться к степям.

Особую тактику здесь выработал Давид Восстановитель. Он давал кочевникам спокойно спускаться на зиму с гор в Закавказские степи, а затем неожиданно нападал на них, забирал весь скот, лишая кочевников основы их существования и подрывая этим самую возможность их нового появления в границивших с Грузией степях. Он проявлял большую осторожность в борьбе с кочевниками, что вполне по-

нятно, если учесть, что турки владели Тбилиси до 1122 года и только в этом году Давиду удалось его взять.

Свои успехи он стремился закрепить и дипломатически, вступая в родственные отношения с отдельными владетельными родами Закавказья. Свою младшую дочь он отдал за Шарвашу, правителя Ширвана, и этим обеспечил за собой его помощь. Когда в 1123 году в Грузию явился турецкий султан, мстивший за потерю Тбилиси, он отправил к Давиду посла с письмом: «Ты — царь лесов и не спускаешься в долину. Правителя твоего Шарвашу пленил и требую от него подчинения и дани». Эта тактика отсиживания в лесах и изнурения наступающего противника с тем, чтобы в решительный момент нанести ему поражение, давала свои положительные результаты. Уже в следующем 1124 году Давид появился под Дербентом, пройдя Закавказские степи, взял этот город и в качестве трофея привез в Грузию знаменитые дербентские ворота.

Покрытые лесами горы и прорезывающие их ущелья служили не только местом обороны. Здесь протекала вся история Грузии и складывались те социальные отношения, на которых покоилась жизнь грузинского народа. В одном из древнейших памятников грузинской письменности — сигели царя Баграта IV от 1040 года, — дошедшей до нас, находим этому прямое подтверждение. К этой сигели, дающей, как ни один другой памятник, ясное свидетельство о существовавших в Грузии в начале XI века отношениях, мы еще вернемся; здесь же необходимо отметить, какая роль отводится в ней ущельям. Царь Баграт IV говорит о том, что он собрал большое государственное совещание для разбора тяжбы между

двумя монастырями — Миджнадзорским и Опиразским — о владении смежными землями. Перечисляя участников совещания, Баграт говорит, что в числе других он созвал сведущих дворян «всех ущелий верхних и нижних». Грузия подразделялась на Верхнюю и Нижнюю, и, значит, когда потребовалось участие сведущих в судебных делах дворян, они были вызваны из «всех ущелий», как основных административно-территориальных единиц страны.

Как же складывались социальные отношения в ущельях? На совещание были вызваны из ущелий дворяне — «азнаури», представители землевладельческого класса; но каково было положение крестьян и какова была зависимость их от дворян? От этой эпохи осталось слово «мхевали», давно вышедшее из употребления и однозначное со словом «мона» — раб, крепостной. «Мхевали» означает служанку, рабыню, а «мхевлоба» — рабство. Корень этого слова происходит от «хеви» — ущелье, и его социальный смысл надо искать в тех отношениях, которые существовали в Грузии в период господства ущелий.

Грузинский писатель V века Яков Хуцеси в «Житии св. Шушаники» пишет, что поклониться ей пришли и дворяне и не дворяне («азнаурни дид-дидни, азнаурни да уознони соплиса картлисани»). Это древнейшее известие о том, что в деревнях, называющихся «сопели», жили «большие» дворяне и просто дворяне, а наряду с ними были незнатные, не дворяне, но и не рабы, — имеет большое значение для характеристики средневековой Грузии.

Что такое «сопели»? Когда грузины пришли на свою нынешнюю территорию, они были объединены в роды — «сахли», во главе которых стояли «мама-сахлисы». Такими родами грузины осели на землю.

Первоначально у них господствовало родовое владение землею, при котором распоряжался землею род, а не отдельные его члены. Пашня называлась «даба», а земли, которые не обрабатывались — «удабно». «Даба» — термин чисто земельный и не обозначает организацию, которая владеет землею. Таковою оставался «сахли» — род.

С течением времени родовая организация начинает распадаться, и распоряжение землею переходит к общине, земельному объединению, которое наделяет землею всех своих членов на равных основаниях. Возникает «сопели» — община (от слова «упали» — господин), когда каждая семья уже не связана родом, а ведет самостоятельное хозяйство. «Соуплеба», «соупали», «сопели» — выражают переход от стеснительности рода к более свободному общинному владению землею.

«Сопели» становится основной организацией грузинской жизни, в его недрах происходят процессы, которые приводят к образованию, с одной стороны, «азнауоров», с другой — «мхевали», — помещиков и крепостных. Из той же сигели Баграта IV видно, что в начале XI века родовая организация, хотя и не в чистом виде, уцелела в Тао-Кларджетии, во главе которой стоял не «мепе» — царь и не «эристав» — правитель, как в остальной Грузии, не «мамасахлис» — глава народа или племени, а «мампал», название которого происходит от «мама-упали» — верховный отец; главами же отдельных родов или, вернее, больших патриархальных семей являются «танутеры».

В этой сигели содержится характерное место. Баграт IV решил тяжбу тем, что для примирения сторон отдал опираццам принадлежавшее ему село Баревани, обязанное мамасахлисской службой —

«самамасахлисоиса самсахуребелиса». Это выражение, кажется, надо понимать в том смысле, что «мама-сахлисы», как главы народа, исчезли уже давно, но при дворе, как исторический обломок, сохранялась почетная должность «мамасахлиса», содержание которой возлагалось на определенные села. Повидимому, этот придворный чин быстро исчез; по крайней мере, в источниках он нигде больше не встречается. После исчезновения родового строя и власти «мамасахлисов» это название, как пережиток древности, сохранилось за выборными должностными лицами, сельскими и городскими.

При родовом строе руководители и главы родов образовывали особую знать — «сене», остальное же население носило название картвелов или «сахликаци» — члены рода. Эта родовая знать при новых отношениях уступила свое место «азнаурам»; возможно, что часть старой знати растворилась в среде новых землевладельцев. Во всяком случае «сене» сохраняется как понятие знати долго, несмотря на возникновение новой аристократии, азнаурской.

Из свидетельства Якова Хуцеси видно, что были азнауры «большие» и просто азнауры, — высшая знать и дворянство. Это и был землевладельческий слой, несший военную службу, которая в многострадальной истории Грузии имела большое значение. Постепенно военное сословие приобрело власть над всеми землями и их населением. Возникли отношения владельцев и крестьян, помещиков и крепостных. Процессы расслоения привели к тому, что в среде владельцев возник слой высшего дворянства («азнаурни дид-дидни») и подчиненного ему дворянства («азнауров»). Здесь, как и везде, имелись крупные феодалы и зависимые от них вассалы. С дру-

гой стороны, в среде крестьянства имелись, как мы видели, «уазнони» — незнатные; это означает, что и здесь происходили процессы расслоения, и община также распадалась, а из среды крепостного крестьянства — «мхевали» — выделялись группы свободных, носивших общее наименование «уазнони».

Но распад общины связан с тем, что все ее члены делаются собственниками чересполосных и разбросанных в разных местах земельных наделов. Это, однако, не значит, что крестьяне делаются свободными. Они продолжают числиться крепостными своих помещиков, так как земля, фактическими обладателями которой сделались крестьяне, юридически принадлежит не им, а помещику. Они так же, как и при общине, несут свои обязанности перед помещиком в виде барщины или оброка; разница только в том, что теперь помещику приходится иметь дело с каждым крестьянским двором в отдельности, а раньше община несла перед помещиком ответственность за всех своих членов.

В сигели Чиабера, о которой будет говоритья ниже, встречается свидетельство, что Чиабер освобождает отдельный крестьянский двор из нескольких братьев от крепостной зависимости и со всем их имуществом уступает Шно-Мгвимскому монастырю, у которого они будут на положении монастырских купцов. Они должны были отдавать в монастырь четыре пуда воску в год, оставаясь на своем старом месте в Живанах со всем своим имуществом. Эта семья крепостных крестьян была, повидимому, с достатком, но все же назвать ее членов принадлежащими к категории «уазно» — нельзя. «Уазно», видимо, были те крепостные, которые, обладая некоторой имущественной обеспеченностью, поступали на государственную

службу, приобретая этим независимость от своего господина.

В древних памятниках имеется указание на то, что крепостной мог пойти в священники или монахи только с согласия своего помещика. Возможно, что такое же согласие требовалось и при поступлении на государственную — военную и гражданскую службу. Но более вероятно, что при той борьбе, которую в эту эпоху государственная власть вела с феодалами, направлявшими всю свою ненависть против «уазно», последние автоматически освобождались от крепостной зависимости при поступлении на государственную службу, хотя бы даже без согласия помещика.

«Уазно» мы видим в Грузии на протяжении нескольких столетий, начиная с конца VI и до XII века. Очевидно, в течение всего этого периода продолжалось существование крепостного права, и основная масса крестьянства оставалась на положении крепостных — «мхевали». Но наряду с этим слоем в Грузии существовал класс рабов («мона»), который образовался главным образом из военнопленных.

«Мхевали» были крепостными, но положение их все же не было положением полных рабов. Крепостные, прежде всего, несли наряду с другими повинностями также и военные обязанности; участвуя в походах, они наравне со всеми могли обращать в рабство захваченных ими в плен врагов. Будучи сам крепостным, «мхевали» мог иметь раба. Аналогичное положение наблюдалось и в древней Руси, когда смерды, основная масса крестьянства, бывшая в положении крепостных, могли иметь холопов, называвшихся «смердинами холопами». Постепенно крепостные теряли это право и сами обращались в рабов. Они стали называться «мона», а «мхевали»

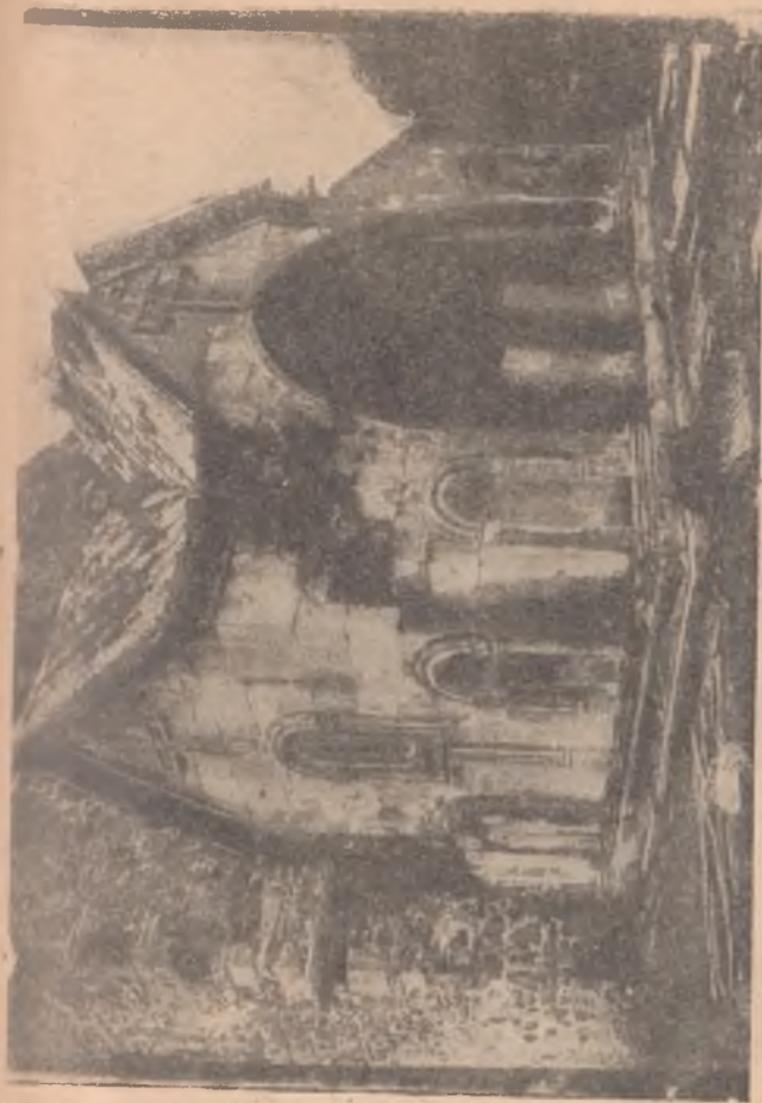
исчезло, так же как исчезло в России понятие «смерда», и крестьяне стали называться холопами.

Крестьянская масса была объединена в общины, называвшиеся «сопели». Как и русская община и общины других народов, грузинская община при натуральном хозяйстве делается самодовлеющим организмом, удовлетворяющим сама в себе нужды своих членов. Община делается замкнутым миром, и наименование ее — «сопели» — означает не только собственно общину, но и мир, страну, вселенную.

У Руставели встречается постоянное употребление «сопели», «сопелман» в смысле страны, общества, света. Наряду с этим, в том же почти значении света, вселенной, в его поэме встречается «квекана». Вот наиболее яркий пример: Автандил перед отъездом обращается с молитвой к богу, установившему любовь, и жалуется владыке «квекана» — вселенной, что его разлучил свет, общество — «сопелман» — с его возлюбленной.

Существование двух слов с одним и тем же значением, в одну и ту же эпоху представляет собой интереснейшее явление грузинской жизни. Как было отмечено, общины, возникшие в ущельях, носили наименование «сопели». Но, кроме ущелий, в Грузии было много долин, куда в первое время население не решалось выселиться на постоянную оседлую жизнь, опасаясь нападений кочевников, конница которых непрочь была во время зимних стоянок в степях совершать набеги на Грузию. Поэтому грузины обрабатывали равнины случайно, наездами. Такие поля получили наименование «квекана», от слов «кве» — низовые и «кана» — нива, посев.

С течением времени, когда в Грузии установилась сравнительная безопасность, население стало высе-

Архитектура городища Дманиси эпохи Руставели

Из материалов археологической экспедиции юбилейной выставки "Шота Руставели"

Орнамент одного из зданий в Дманиси

ляться из ущелий в долины на постоянное жительство, и здесь стали организовываться общины, получившие наименование «квекана», по названию, которое установилось за пахотными землями равнин. «Квекана» стала существовать наряду с «сопели», и эти два названия сохранились за общиной, существо которой не менялось от того, была ли она расположена в ущелье или в долине. Оба эти наименования имели одно и то же значение — общины, мира, света, вселенной.

С течением времени наименование «сопели» в значении мира, вселенной стало отмирать и осталось в качестве понятия просто деревни. От этой эпохи язык сохранил такое выражение, как «цуги-сопели» — краткая жизнь. По мере отмирания «сопели», значение мира, вселенной сохранилось за «квекана», но во времена Руставели «сопели» еще продолжало сохранять свое первоначальное, но уже несколько суженное значение. Руставели обычно обозначает этим словом общество, свет, употребляя для выражения вселенной «квекана». Несколько позднее, при Георгии V, мы видим в его законе точное юридическое определение слова «сопели». Статья 2-я гласит: «Если правителя убьет «квекана» или одна деревня — «сопели», или хотя бы один человек»... и т. д. Юридическое соотношение между этими двумя институтами ясно: «квекана» — это волостная, крупная община, «сопели» — только деревня, часть волостной общины.

В эпоху Руставели грузинский феодализм находился в процессе глубочайшей ломки, и это его состояние прекрасно отражено в гениальной поэме. Но прежде, чем выяснить, в чем заключалась эта ломка, необходимо остановиться на тех признаках, которые

являются характерными для наличия феодализма вообще и грузинского в частности.

Ничто не характеризует так существа феодализма, как французское выражение, сложившееся уже в X веке: «Нет земли без сеньора («Nulle terre sans seigneur»)). При феодализме вся страна разделена между сеньорами-землевладельцами в качестве фео-дов, т. е. земель, на которых лежали определенные повинности. Земель, свободных от таких повинностей (аллодов), было очень мало. Главной повинностью была военная служба. Сеньоры обязаны были служить королю; в свою очередь, сеньорам обязаны были служить их вассалы, получившие от них земли под условием службы. Образовалась целая иерархия землевладения, во главе с князьями светскими и духовными, имевшими обширные земли с замками и крепостями, разделенные на особые округа, во главе которых стояли бароны, лорды, которые в свою очередь имели мелких вассалов-ленников и рыцарей. Феодальная иерархия держалась на крепостном крестьянстве, объединенном в общины.

Кроме военной повинности, на землевладельцах лежали обязанности отправления суда и некоторые административные функции. Население платило помещикам оброк или несло барщину, а во время войны выставяло ополчение. Все эти основные элементы феодализма можно найти также и в Грузии эпохи Руставели.

Из грузинских источников видно, что различались владения, жалованные царями за службу, и родовые поместья. Было бы, однако, ошибочно думать, что только первые имения, аналогичные западно-европейским бенефициям, и есть феодальные поместья. Их давали под условием верности и службы, но если по-

лучивший имение после своей смерти оставлял наследников, которые продолжали так же, как отец, служить королю, они, конечно, не лишались владения. Пожалованное данному лицу феодальное поместье превращалось в наследственное имение данного рода, и по названию всего владения или его укрепленного центра его обладатель с потомками и носил фамилию. Всякое пожалованное имение превращалось в родовое, и между ними не было никакой разницы в смысле несения всех тех повинностей, и в первую очередь военных, которые лежали на владельцах феодальных имений.

Как бы долго ни находилось такое имение во владении данного рода, в случае измены или непослушания, оно отбиралось у него и передавалось новым владельцам.

Для терминологии грузинского феодализма характерны некоторые названия, встречающиеся в сигели Чиабера. Он пишет, например, что в своем Жинванском имении он сделал доклад царице Тамаре и получил разрешение на пожертвование. Видимо, Тамара посетила своего военного министра и главнокомандующего в Жинванском дворце. Чиабер свое имение называет «кунеба», но под это понятие подходят как недвижимое имущество, так и движимое, в то время как «мамули» означает землю, недвижимость. Применяя название «кунеба» к своему имению, земли жертвуемых им крепостных он называет «мамули». Это указывает на пожалованный характер его имения. Сегодня имение—его, а завтра могут отобрать, в то время как крестьянин прикреплен к земле, к его «мамули».

Наряду со светскими феодалами огромную роль играли феодалы духовные. Монастыри были крупней-

шими владельцами земель, и организация их управления ничем не отличалась от помещичьих земель. Они имели только ряд преимуществ перед светскими поместьями, пользуясь более льготным податным обложением. Баграт IV, жертвуя в середине XI века Шио-Мгвимскому монастырю деревни, освобождает их от ряда налогов: государственного, эриставского, азнаурского, цихис-тавского, хевис-упальского и др. Точно так же Давид Восстановитель в начале XII века освободил тот же Шио-Мгвимский монастырь от ряда податей. Но в обоих документах ничего не говорится об освобождении от военных повинностей.

Духовные феодалы, как и светские, обязаны были в случае войны выставить войска и даже предводительствовать ими. Одной из ответственных должностей при грузинских царях была должность «чкондидели» — начальника всего государственного писмоводства, обычно предоставлявшаяся епископу Мартвильскому в Мингрелии. На эту должность обычно назначались лица самые близкие к царю. Во время похода «чкондидели» шел впереди армии с крестом, а с началом боя отходил в тыл и брал под свое начальство арьергард.

Духовенство сосредоточивало в своих руках всю письменность, занимаясь переводами и составлением духовной литературы. Естественно, что руководителя ведомства, управлявшего письменными делами государства, царь приглашал из среды духовенства. На это лицо, близкое к царю, возлагалось также предводительствование теми вооруженными силами, которые выставляли монастыри. Монастыри имели своих вассалов, азнауров, которым они отводили определенные земли под условием службы; при об'явлении войны монастыри организовывали из своих крестьян войска,

во главе которых становились монастырские вассалы и сами епископы. Эти отряды, наряду с отрядами светских феодалов, поступали под общее командование царя или его амирспассалара.

Азнаури существовали и в духовных имениях — это с бесспорностью видно из сигели царя Баграта IV, освобождавшего деревни, жертвуемые монастырю, от азнаурского налога. Отмена азнаурского и других налогов не означает того, что монастырские крестьяне не платили никаких налогов. С них снимались все общие налоги (кроме военной повинности), и монастырем устанавливался особый монастырский налог, за счет которого, видимо, содержались и азнаури.

Самостоятельные светские и духовные феодалы на протяжении многовековой истории Грузии часто сталкивались с объединительными стремлениями царей из династии Багратидов. Шота Руставели жил как раз в ту эпоху, когда борьба между ними приняла особенно острый характер, дойдя до высокой степени социального напряжения. Именно эта социальная обстановка нашла свое художественное отображение в «Вепхис ткаосани».

Структура государственной власти при феодализме отличается своеобразными особенностями. Центральная власть на местах опирается не на свой, государственный аппарат, а на тех же феодалов.

В истории Грузии существовал своеобразный институт эриставов, не встречавшийся ни в одном феодальном государстве средневековой Европы. Первые упоминания об эриставах находим в грузинских летописях IV века до нашей эры, когда грузинский царь Фарнаваз разделил страну на восемь эриставств. С тех пор эриставы не сходят со страниц грузинских

лотожисей. Конечно, в разные эпохи эриставы имели разное влияние. Первоначально они были введены, видимо, под влиянием иранского административного устройства; монархия Дария была разделена на сатрапии, и эриставства по объему своей власти и значению в государстве во многом, очевидно, походили на свои иранские прототипы.

В период господства арабов, обложивших Грузию данью и управлявших ею через своего представителя, эриставства не потерпели изменений. Арабы сохранили существующее в стране устройство и ограничились только тем, что назначили эристами преданных им лиц. Когда господство арабов кончилось, как и кратковременное господство сельджуков, начавшая возрождаться страна имела готовый институт эриставов. На них и стали опираться грузинские цари.

Кто же были эриставы? Чиновники ли, назначавшиеся государством из центра, или те же феодальные землевладельцы, которых центральная государственная власть облакала известными функциями как своих представителей? Нет никакого сомнения, что эристами назначались местные же владельцы, именно те из них, кто заявляли себя сторонниками центральной власти.

Можно подумать, что такие местные феодалы были плохой опорой для центральной власти. Часто, конечно, это было так. Но на этот случай корректив вносился угрозой конфискации. Всякий непослушный феодал мог поплатиться всеми имениями и быть совсем изгнанным из страны. Правда, к этому способу воздействия цари прибегали не очень часто, — это указывает, что феодалы были достаточно сильны и, чтобы расправиться с кем-нибудь из них, надо было заручиться согласием других феодалов и полу-

чить от них военную силу. Борьба с феодалами шла успешно в тех случаях, когда цари имели наемную иноземную силу, как это было при Давиде Восстановителе, пригласившем до 50 тысяч кипчаков (половцев), в большинстве, повидимому, конных, к себе на службу.

В период господства в Восточной Грузии арабов, а затем сельджуков, а также нахождения Западной Грузии под сильным влиянием Византии, эриставская власть, по всем данным, сильно дробилась и мельчала. Очевидно, иноземцы предпочитали иметь дело с большим количеством эриставов, чтобы не сосредоточивать власть в руках немногих и не создавать условий, при которых могло бы начаться национальное освобождение под руководством выросшего в своем авторитете эристава.

В приводившейся выше сигели Баграта IV по поводу спора опиразцев с миджнадзорцами перечисляются лица, приглашенные для решения спора; в числе их сигель упоминает «эристав-эриставов» и «эриставов». Позднее только карталинский эристав считался «эристав-эриставом» и «амирспассаларом», и существование нескольких «эристав-эриставов» при Баграте IV указывает, что при многочисленности эриставов потребовалось учреждение объединяющего их института из эристава над эриставами, которых, видимо, было несколько. Но уже в сигели епископа Василия от 1180 года говорится, что Абуласан является «эристав-эриставом»; следовательно, эта должность с течением времени сильно централизовалась, и носителем ее сделался глава правительства. Число эриставов сильно сократилось, и в эпоху Руставели их, видимо, было в Абхазии и Карталинии восемь, а в Кахетии с Эретией — семь.

Когда после смерти Георгия III Тамара начала борьбу с Верховным собранием, она сместила ряд должностных лиц в центре и на местах, в том числе некоторых эриставов, и назначила взамен их новых, фамилии которых сохранили летописи. Эриставом Сванетии был назначен крупный аристократ Барам Варданисдзе, Рачи—Кахабери Кахаберидзе, Сухуми—Дотагос Шарвашидзе, Одишии (Мингрелии) — Бедиани, Лихо-Имеретии и Карталинии—Рати Сурамели, Еретии—Асат Григолисдзе, Самцхе—Боцо Джакели со званием спассалара.

Все эти лица одновременно являлись крупными местными феодалами. В особенности обращает на себя внимание обширное эриставство, состоящее из Карталинии, Имеретии и области Лихских гор (Сурамский перевал), порученное крупнейшему феодалу Рати Сурамели, фамилия которого всегда занимала должность спассета (маршала). Отсюда вывод, что район, подчиненный эриставу, и самый центр этого района не были неизменными. Вопрос о центральном управлении эриставства зависел от того, кто назначался эриставом и где имел он свое пребывание. При той острой политической борьбе, которая происходила в Грузии в конце XII века, очевидно, нашли целесообразным соединить в одном лице эриставства Имеретии и Карталинии и поручить их такому крупному феодалу как Сурамели, имевшему местопребывание в Сураме. При этом не посчитались с тем, что Карталинское эриставство всегда находилось в особом положении, и эта должность обычно предоставлялась эристав-эриставу и амирспассалару, — им в то время был Абуласан.

Являлись ли эриставы той эпохи совершенно самостоятельными правителями или при них обычно

состоял также и представитель правительства, — сказать трудно. Но позднее, в начале XIV века, в уложении Георгия V наряду с эриставом упоминается также и правитель — «гамгебели».

Необходимо остановиться еще на часто встречающемся в «Вепхис ткаосани» упоминании городов — «калаки». Это имеет прямое отношение и к феодализму и к общине, на фоне которых разворачивается действие поэмы Руставели.

В более древние времена, когда Грузии приходилось подвергаться нападениям, главным образом — кочевников, организация обороны сводилась к тому, что население селилось по ущельям, входы в которые защищались крепостями — «цixe». Самые же поселения в ущельях в специальной защите не нуждались.

Так возникла оборона главнейшего грузинского ущелья Арагвского — колыбели Грузии; при входе в него, у впадения Арагвы в Куру, стояла Мцхетская крепость, впоследствии превратившаяся в столицу Грузии.

Такая система обороны была удовлетворительна, пока врагами Грузии являлись кочевники. Но достаточно было появиться врагу с организованной военной силой, как эти ущелья делались легко доступными. Ксенофонт сообщает, что греки за четыре века до нашей эры завоевывали страну, спускаясь с гор в долины. Как видно, они не нападали прямо на крепости, преграждавшие доступ в ущелье, а направляли свои войска в горы и спускались оттуда в ущелья, преодолевая сопротивление слабых и разбросанных отрядов, лишенных возможности оказать сопротивление организованной вооруженной силе.

Когда грузины стали селиться в долинах, крепости строились в стратегически важных пунктах. Наряду с

ними возникали экономические центры, которые также нуждались в защите. Такие пункты, обнесенные стенами («згуде»), назывались «калаки» — города.

Если город возникал в месте нахождения крепости или, наоборот, возникала необходимость превратить разросшийся и приобретший важное значение город в крепость, то строился город-крепость («цixe-калаки»). В самой крепости существовала еще внутренняя крепость «шида-цixe» — цитадель.

Шота Руставели называет словом «калаки» пункты, которые, по всем признакам, являлись населенными центрами. Когда один из героев поэмы, Тариель, решил скрыться, он заперся в принадлежавшем ему «калаки»; другой герой, Автандил, направляясь на поиски Тариеля, прибыл в свой «калаки», где начальником был преданный ему Шермадин. Придон также имел свой «калаки».

Что же означает «калаки» и в каком смысле употребляет это название Руставели? Крепости — «цixe» — имели специальное назначение. Их строило государство и оно же содержало в них гарнизоны. Город — «калаки» — также являлся укрепленным пунктом, но прежде всего был пунктом скопления населения. «Калаки» — не просто одинокая безлюдная крепость, где стоит только один гарнизон.

Герои поэмы — и Тариел, и Автандил, и Придон — прежде всего феодальные владельцы, у которых имеются «калаки», т. е. защищенные населенные пункты, которые являются центром и опорным пунктом их владений. В укреплении «калаки» заинтересован не только его владелец, но и само население.

Феодал той эпохи — это владелец не только земля, но и населения, которое трудилось на его земле и которым он управлял, творя суд и собирая подати.

Сам феодал жил в центре, наиболее населенном пункте своего владения, в укреплении и защите которого он был заинтересован прежде всего.

Внутри «калаки» у феодала стоял его замок, тоже защищенный, в котором он часто оборонялся от своего же населения; но в защите «калаки» перед лицом врага он выступает вместе со всем населением. «Калаки» возникают в центре больших волостных общин, и в случае нападений под защиту его стен может сбежаться все население, объединенное данной общиной.

Но Шота Руставели словом «калаки» называет не только укрепленные владения феодалов. Каджетское царство, которое управлялось царем и являлось государством, а не феодальным владением, имело центр, который Шота также называет «калаки». Но это город — особого рода. В нем имеется крепость, в которую заключена героиня поэмы Нестан-Дареджан. Это уже центр не феодального владения, а всего государства.

Наиболее яркое отражение получили в «Вепхисткаосани» чисто феодальные отношения. На первый взгляд может показаться непонятным частое употребление слова «кма», которое встречается в поэме Руставели. Академик Н. Марр составил даже своего рода перечень, в каких значениях употребляется слово «кма». Слуги царя — и простые и близкие, — приближенные, влюбленный кавалер, преданный друг, раб, витязь, вольный рыцарь и т. д. — все они объединяются названием «кма».

Наряду с «кма» Шота употребляет в том же значении название «мона», определенно означающее раба.

Но «кма» и «мона» встречаются не только в среде

феодалов. Торговый класс, как это видно при изображении Шотой быта Фатман, тоже имел «кма» и «мона».

Употребление этих названий в самых различных смыслах указывает, что «кма» и «мона» — это не определенная группа лиц и, тем более, не социальная категория, не класс. В то же время это не просто название, совершенно лишенное социального содержания.

То отражение «кма» и «мона», которое встречается в «Вепхис ткаосани», является точной картиной исторической действительности. «Мона» — древнейшее наименование раба, возникшее еще до арабского господства.

Грузинский феодализм неоднократно переживал периоды своего расцвета и упадка в зависимости от тех внешних нашествий, которым подвергалась Грузия.

Арабское господство в Грузии продолжалось несколько веков, и политика арабских эмиров сводилась к раздуванию разногласий между отдельными феодальными владельцами: «Разделяй и властвуй!» Эмиры следили, чтобы какой-нибудь феодальный род не сделался настолько могущественным, чтобы подчинить себе других феодалов и объединить вокруг себя Грузию.

Когда арабы были разбиты турками, а последние отвлечены на юг походами крестоносцев, Тао-Кларджетским Багратидам удалось объединить Грузию под единой властью. Грузинский феодализм вступил в новую фазу развития.

Единая царская власть Багратидов не посягала, конечно, на основы феодализма. Но с непокорными феодалами, которые предпочитали долгими годами

вести борьбу с соседями из-за пограничного клочка земли вместо служения государству, она порой расправлялась круто. Она отбирала у них родовые владения и передавала их новым людям из служилых элементов, создавая себе этим опору на местах.

Объединительная политика Багратидов постоянно сопровождалась восстаниями старых феодальных родов, при которых всегда фигурировало требование, чтобы «уазно» — незнатные — не получали земель и не назначались на государственные должности. Начиная с Давида Восстановителя и вплоть до монгольского нашествия, в этой борьбе протекала вся внутренняя жизнь Грузии.

Но, отнимая у старых феодальных владельцев их имения и раздавая их выдвигавшимся элементам, Багратиды не вмешивались во внутренние отношения самого феодального строя. И новые феодалы продолжали владеть своими имениями на тех же основаниях, что и старые.

Это, однако, не значит, что перемены ограничивались только владельцами. Большие имения раздавались нескольким лицам и дробились. Кроме того, каждый феодал имел своих вассалов и ленников, которые получали от феодала земли за свою службу.

Когда глава феодального владения сменялся, соответствующие перемены происходили и среди вассалов и ленников. Новый владелец не мог чувствовать себя спокойно в имении до тех пор, пока он не сажал всюду близких ему людей.

Багратиды дарили имения новым владельцам, которые не без борьбы устраняли из полученных имений вассалов и ленников старого феодала и сажали своих людей. Таким образом, сама система феодализма в

основе своей сохранялась сверху донизу — менялись только лица.

Еще во время арабского господства в Грузии устоялись определенные феодальные отношения, основанные на крепостной зависимости крестьян, которые назывались «мона». Это изменение названия явилось выражением тех процессов, которые протекали среди крестьянства. «Мона» теперь не раб, а крепостной. Феодалы назывались «азнаурами»; наряду с этим сохранилось и старое название знати — «сепе», оставшееся от родового строя; но это было уже название без содержания.

Когда старые отношения стали разрушаться, то и самые понятия стали меняться. На смену «мона» появляется «кма», на смену «азнауров» — «уазно» — незнатные, которые подхватывают и присваивают себе старое наименование родовой знати — «сене» в противоположность «азнаурам».

В «Вепхис ткаосани» мы уже не увидим «азнауров»: везде, где речь идет о высшем феодальном обществе, употребляются слова «сепе» и «дидебули». Одновременно встречается и новое понятие «тавади», пока означающее только главу или лицо, занимающее высокое положение; впоследствии, в XIV—XV веках, оно делается наименованием княжеского землевладения, вассалы и ленники которого будут называться «азнаурами». Это слово возродится, но уже как наименование дворян, а не высшей знати. У Руставели встречается также «джабуки» — рыцарь, воин; но это название — отмирающее, и на смену ему идет всеобъемлющее «кма».

Понятие «кма», «кмба» зародилось в среде новых служилых владельцев имений. Они создавали новые отношения, начиная с самых низов и кончая верха-

ми. «Мона» отмирает, «кма» нарождается, но социальное содержание, как указано выше, и того и другого — одно и то же.

«Кмоба» — это идеология новых владельцев феодальных имений и выражает ту верность и преданность, которая лежит в основе вассалитета и ленной зависимости, являясь самым существом феодализма. Поэма «Вепхис ткаосани» полна этой идеологии верности, долга и ярко выразила те настроения, которыми жило при Руставели феодальное общество.

С течением времени слова «кма», «кмоба» приобретают все более ясный смысл и определенный характер, сделавшись в XIV веке термином крепостных отношений. «Кма» это уже крепостной, а «батон-кмоба» — крепостное право.

В западно-европейском феодальном обществе одним из существенных элементов рыцарских нравов была возвышенная любовь к женщине. Это было не ухаживание в обычном смысле, а поклонение женщине, и самому ревнивому мужу не могла притти в голову мысль видеть в этом что-либо предосудительное. Оно протекало открыто, при всех, и общество не только не осуждало его, но считало дурным тоном, если рыцарь не имел дамы сердца.

Такую «небесную» любовь воспевали трубадуры. Идеальный образ такого отношения к женщине дал Данте в своей «Божественной Комедии», отобразив любовь свою к Беатриче.

Однако такое отношение к любви и любимой женщине вовсе не исключало иной, земной любви. Рыцарь, на всю жизнь избравший себе даму сердца, преспокойно женился, обзаводился семьей, а при случае не задумывался перед изменой и жене и даме сердца. Данте любил Беатриче, но это не помешало

ему завести вполне земной роман на стороне. Когда же Беатриче умерла, он женился, продолжая оставаться верным своей небесной любви.

Было ли такое отношение к женщине чисто индивидуальным переживанием лиц, принадлежавших к рыцарскому сословию, или же оно заключало в себе также и некоторые социальные мотивы, служа выражением общественных настроений, господствовавших в феодальном обществе?

В той восходящей иерархии, которая начиналась с простого рыцаря-ленника и кончалась королем и императором, верность, преданность своему сюзерену были не простой обязанностью, вытекавшей из юридических норм, но долгом, культом, которым сверху донизу было проникнуто все феодальное общество.

Идеальная «небесная» любовь была элементом, и немаловажным, в строе социальных отношений феодального общества. Эта любовь происходила из чувства преданности к сюзерену, дополняя его и вырабатывая тот образ рыцаря, на котором покоилась средневековая феодальная система.

Видим ли мы те же чувства и настроения в «Вепхис ткаосани»?

Если рыцарское поклонение женщине является отражением феодальной верности и преданности, то надо думать, что в среде, где наблюдаются такие отношения, как дружба Автандила с Тариелем, должно было расцвести также и то чувство любви, которое служило темой для лучших образцов средневековой поэзии.

И действительно, знакомясь с песней о любви в замечательных вступительных строфах «Вепхис ткаосани», мы видим, что по силе, краткости и выразительности, по своей экспрессии она не уступает тому,

Крепость города Рустави

План крепости города Рустави

что создано на Западе самыми высокими певцами рыцарской любви.

Правда, в них же содержатся слова также и о другой, земной любви, но и на Западе земная любовь протекала не в возвышенных формах.

Шота Руставели говорит в них о своей любви к Тамаре, и он вознес свое чувство к ней на такую высоту, дал такой яркий образ этой, как он сам говорит, небесной любви, что скрытые от нас веками тайники внутренней жизни Грузии освещаются новым сверкающим заревом. Он показал, что в этом удаленном от Европы уголке земли умели любить не менее возвышенно, чем любили герои, прославленные западными трубадурами.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ГРУЗИИ ЭПОХИ РУСТАВЕЛИ

История Грузии складывалась под воздействием своеобразных факторов. Граничившие с Грузией с востока и юга степи Мугани, Караяз, Ширака постоянно привлекали к себе кочевников из Ирана и Турции, пригонявших сюда свои стада на зиму. Грузинские летописи перестраиваются сообщениями о «зимних становищах» («замтрис садгури») кочевников в этих степях, а также в долинах верховьев Куры. Государства, в состав которых входили кочевники — Аравия, Иран, Турция — были кровно заинтересованы в том, чтобы эти степи были доступны кочевникам. На этой почве происходили постоянные столкновения между Грузией и этими государствами.

С началом крестовых походов в Европе силы турок, сменивших в Передней Азии арабов, были отвлечены на юг, и Грузия не замедлила очень искусно использовать создавшиеся благоприятные условия. Начиная с эпохи Давида Восстановителя, она планомерно продвигалась на восток и юг, расширив свои пределы до Трапезунда и Хоросана. Феодалная раздробленность, которая отличала Грузию в VII—X веках и которой арабы пользовались для своего господства, стала постепенно сменяться объединительной политикой государственной власти, носителями которой явились цари из династии Багратидов.

Объединение Грузии происходило одновременно с расширением ее территории, и перед государственной властью вставала задача найти группы населения, на которые она могла бы опираться во вновь присоединенных местах. Старая феодальная знать, тесно связанная со своими владениями, была всецело поглощена своими узкими местными интересами. Церковь была той силой, которая могла стать на сторону царской власти, но в высших своих слоях она была тесно связана с родовой феодальной знатью. Эти группы образовали тесно замкнутую касту, в основном выступавшую против объединительной политики государственной власти.

Поэтому грузинские цари, начиная с Давида Восстановителя, стали искать опоры в служилых элементах (мсахури) и, главным образом, среди военных. Давид, женатый на половцкой (кипчакской) княжне, создал довольно внушительную наемную военную силу из половцев и, опираясь на нее, решительно проводил свою объединительную политику. Он стал выдвигать незнатных людей из служилых, предоставляя им земли и государственные должности.

Постепенно стал вырастать слой, составивший привилегированную группу новой знати, на которую и стала опираться царская власть. При своих неоднократных восстаниях старая феодальная знать и церковь настойчиво выставляли требование, чтобы незнатным «уазно» не предоставлялись государственные должности и привилегии. Новые служилые элементы естественным ходом событий становились во враждебные отношения к старой знати.

Борьба между этими двумя слоями, во время которой царская власть часто склонялась к компромиссам со старой знатью и в особенности с церковью, напол-

няла собой политическую жизнь Грузии и достигла большой остроты во время царствования Георгия III, вступившего на престол в 1156 году, после того как друг за другом умерли в течение одного года отрекшийся от трона отец его Дмитрий и царь Давид. Воцарению Георгия III, видимо, предшествовала большая придворная борьба, главными участниками которой были представители указанных выше слоев старой и новой знати, а также церкви. То обстоятельство, что царь Дмитрий отрекся от трона и ушел в монастырь, показывает, что борьба при дворе сильно обострилась и в нее была втянута и царская семья в лице обоих сыновей Дмитрия — старшего Давида и младшего Георгия. Давид, видимо, был всецело на стороне старинной феодальной знати, а вокруг Георгия группировались представители служилых элементов. Конечно, оба сына оказывали давление на отца, каждый в желательном ему направлении, и, повидимому, сила была все же на стороне Давида и стоящих за ним групп, которым удалось принудить Дмитрия отречься от трона и уступить власть Давиду. Вокруг него сгруппировалась старая знать во главе с Орбелиани, влиятельнейшей феодальной фамилией.

Но Давид скоро умер, возможно, не совсем естественной смертью, не процарствовав и одного года. Он оставил сына Дмитрия (Демну) нескольких месяцев от роду, к которому и перешел трон. До его совершеннолетия регентом должен был состоять Георгий. Это было большим ударом для старой знати: неожиданная потеря власти после смерти царя Давида должна была внести в ее среду большое замешательство. От Георгия она не ожидала для себя ничего хорошего, и единственно, чего она добивалась

от умирающего царя Давида, — завещания, чтобы младенец Демна воспитывался в семье Орбелиани. Старая знать не ошиблась в своих опасениях: Георгий был регентом недолго, и через несколько месяцев провозгласил себя царем, оговорив, впрочем, при вступлении на трон, что, когда Демна достигнет совершеннолетия, он уступит ему престол. Это было в 1156 году.

Во внутренней жизни Грузии царствование Георгия протекало сравнительно мирно. Старая знать и высшие представители церкви выжидали, группируясь вокруг Демны и семьи Орбелиани, воспитывавшей его в определенной преданности их кастовым интересам. Новая знать служила опорой для Георгия III, и чем сильнее был их союз, тем более был он опасен для старой знати и тем сильнее вынуждал ее к осторожности.

Положение Георгия III осложнялось, однако, тем, что у него не было сыновей, и при всех условиях Демна должен был быть его преемником после смерти. Дочь Георгия Тамара, родившаяся в 1156 году, повидимому, не принималась во внимание борющимися группами.

При таких условиях не столько Георгий, сколько группировавшиеся за его спиной представители новой знати, стали задумываться над вопросом, кто бы мог быть приемлемым для них кандидатом на царский трон после Георгия. Все больше привлекал их внимание осетинский царевич Давид Сослан, воспитывавшийся при дворе Георгия III в качестве его приемного сына. После Демны Сослан был единственным представителем мужского поколения Багратидов, поэтому политическое положение страны осложнялось также и династическим вопросом. Если вокруг Демны, по-

следнего представителя грузинской ветви Багратидов, группировалась феодальная знать, то новые служилые элементы видели свою опору в Сослане, тоже последнем представителе Багратидов, но уже осетинской ветви.

Пока Демна подрастал, продолжалось своего рода перемирие. Но было очевидно, что обе стороны откладывали разрешение всех разногласий до его совершеннолетия; столкновение между ними становилось неизбежным.

Действительно, как только Демна в 1176 году достиг совершеннолетия, он пред'явил свои права на трон, — и повод для столкновения двух враждебных сил был готов. Георгий III всячески уклонялся от конфликта; пока речь шла только о троне, дядя и племянник могли легко сговориться. Георгий мог приблизить Демну к управлению государством и официально не отказываться от власти. Ему оставалось жить недолго, и Демна мог пойти на такой компромисс, будучи уверен, что после смерти Георгия III трон перейдет к нему. Однако компромисс не мог примирить враждебные силы, которые стояли друг против друга и упорно готовились к борьбе. Их столкновение ускорило развязку.

Стоявшие за спиной Демны Орбелиани и вся высшая знать считали, что Георгий должен отказаться от трона и уступить власть племяннику. Если бы Георгий даже хотел пойти на это, чтобы не доводить дело до открытого столкновения, он не мог бы сделать этого под давлением тех сил, на которые он до сих пор опирался.

В молодости Георгий был довольно решителен, и его смелый шаг провозглашения себя царем характеризует его человеком, который не терялся в сложных

обстоятельствах, умел находить выход из положения и проводить в жизнь свои решения. Но в этом ответственном деле он, видимо, обнаруживал большие колебания, и не столько потому, что вопрос шел о нем лично и об его отказе от царской власти, сколько потому, что он не мог не учитывать, что Демна — последний представитель Багратидов и что, отвергая его права на трон, он идет против интересов старинного царского рода, представителем которого он был.

Но из этих колебаний Георгия III вывела, повидимому, его дочь Тамара, юная головка которой отличалась не только несравненной красотой, но и была полна честолюбивых желаний, которые она сочетала с большим умом, твердым характером и умением подчинять себе окружающих. Легенды о Тамаре говорят, что она с детства мечтала о троне, и в этом направлении ее, видимо, поддерживала мать, а в особенности ее тетка и воспитательница Русудан.

Не будь Демна и Тамара двоюродными братом и сестрой, выход, возможно, был бы найден в их браке. Если бы Демна стал царем, Тамара разделила бы судьбу всех царевен и занималась бы обычными придворными сплетнями, стоя далеко от власти. Это не входило в ее планы, и она, видимо, влияла на своего отца в смысле решительного отказа от каких-либо уступок Демне или компромиссов с ним.

Как бы то ни было, Георгий III после некоторых колебаний отверг требования своего племянника и отказался уступить ему трон. Это неминуемо повлекло к вооруженному восстанию всех сторонников Демны, которое было подавлено Георгием III. Орбелиани, как главные зачинщики, понесли жестокое наказание, сам же Демна был взят в плен и погиб при загадочных обстоятельствах. Восстание Демны безусловно

пользовалось поддержкой духовенства; тотчас после его ликвидации Георгий об'явил церковь освобожденной от всех налогов и несправедливостей, которые она терпела от государственной власти. Он вынужден был пойти на компромисс с церковью, заставив ее отказаться от поддержки Демны за те уступки, которые она получала от Георгия III.

Гибель Демны должна была произвести огромное впечатление на все тогдашнее общество, да и сам Георгий должен был задуматься над всем происшедшим. Со смертью Демны пресекалась грузинская ветвь Багратидов, игравших с VIII века в Грузии об'единительную роль. Теперь государственная власть снова могла стать об'ектом борьбы между могущественными феодальными фамилиями.

Единственным Багратидом, который мог быть преемником Георгия III, был Давид Сослан. Он с детства воспитывался при дворе, любил единственную дочь царя Тамару; казалось, разрешение и династического и семейного вопросов могло быть найдено в браке Сослана и Тамары. Те социальные группировки, на которые опирался Георгий III и в силу которых он только-что убедился в борьбе с Орбелиани и старой знатью, не могли не видеть, что выход этот — наиболее приемлемый для них.

Однако после гибели Демны Сослан не только не выдвигается на первое место при дворе, как жених Тамары и единственный наследник грузинского престола, но, наоборот, совершенно сходит со сцены, и вся дальнейшая политическая жизнь некоторое время проходит без его участия. В чем была здесь причина? Об этом мы ниже узнаем от Руставели.

Георгий III, только-что подавивший восстание старой знати, ищет с нею компромисса. Он хочет еще

при своей жизни провозгласить царицей свою юную дочь Тамару и идет на ряд уступок тем самым слоям, знаменем для которых был Демна и которые с его смертью не считали, очевидно, свое дело проигранным. Крупной силой в государстве являлась церковь, она непрочь была играть роль посредницы между царем и старой знатью. Пострадать могли только те слои новой служилой знати, которые в Георгии III видели свою опору. Но, повидимому, при компромиссе не были забыты и их интересы.

Не прошло и двух лет после подавления восстания, как Тамара, едва достигшая двадцати трех лет, уже была коронована Георгием III (1179 г.) при поддержке всех слоев населения; отныне на древнем троне Багратидов совместно восседали отец и дочь. Сослан был забыт.

В это самое время на далеком Севере, во Владимире на Клязьме, решалась участь человека, которому суждено было вскоре после смерти Георгия III занять его место рядом с царицей Тамарой в качестве ее мужа и царя Грузии под именем Георгия. Мы имеем в виду князя Юрия, на котором необходимо остановиться несколько подробнее.

Князь Юрий был сыном русского великого князя Андрея Боголюбского, получившего от отца, Юрия Долгорукого, Владимир на Клязьме. Постепенно Андрей об'единил под своей властью весь север, а затем и юг. В Киеве он посадил брата своего Глеба. Новгород он отдал своему старшему сыну Юрию.

Когда в 1171 году Глеба убили в Киеве, Андрей собрал огромное по тому времени войско для наказания заговорщиков и поддерживавших их южных князей. Начальствование над войсками было поручено князю Юрию и знаменитому воеводе Жидиловичу.

Поход этот окончился неудачно, так как князья, принимавшие в нем участие, не пожелали всецело поддержать Андрея. Молодому Юрию уже тогда пришлось оказаться в центре всех событий, но он не обнаружил больших дипломатических способностей в сложной игре интриг и заговоров, которые завязались на юге.

Юрий вернулся в Новгород, но ему не пришлось здесь долго оставаться. В 1174 году его отец, великий князь Андрей Боголюбский, сделался жертвой заговора своих приближенных, и Юрию пришлось покинуть Новгород. Он прибыл во Владимир, и первое время владимирцы приняли его в качестве своего князя. Но Юрий, очевидно, не смог упрочить своего положения, и Владимирское княжество скоро получил Михаил Черниговский. Юрий, видимо, примирился со своим положением и встречал с владимирцами Михаила в Москве.

После смерти Михаила в 1176 году снова поднялся вопрос о кандидатуре на Владимирское княжение. На этот раз Юрий, видимо, стал проявлять большую активность и противопоставлял свою кандидатуру, как сына Андрея Боголюбского, старшему в роде Всеволоду Юрьевичу, своему дяде. Неудача, на этот раз окончательная, лишила его надежды на возвращение отцовского наследия.

Владимирцы приняли Всеволода к себе, и, так как после него законным кандидатом был Юрий, Всеволод добился у владимирцев признания права на княжение за своими детьми. Новая идея о наследовании сына после отца вместо старшего в роде, проводником которой был Юрий, обернулась против него самого, и в 1176 году он был окончательно изгнан из Владимира.

Для своих лет Юрий пережил много превратностей судьбы и, очевидно, решив не втягиваться в дальнейшую борьбу между князьями за те или иные волости, покинул пределы Руси. Вместе с ним ушла и его дружина.

Если верить грузинским летописям, вопрос о приглашении Юрия в Грузию был поднят только в 1188 году, когда Совет из высших представителей государства остановил свой выбор на нем, как на подходящем кандидате в мужа грузинской царице Тамаре. Летопись картинно описывает, как первый сановник царства Абуласан предложил пригласить Юрия, сына царя «трехсот царей», находившегося в то время у половецкого (кипчакского) царя. По этому летописному известию выходит, что Юрий в течение почти двенадцати лет находился у половцев. Но едва ли это правильно. Половцы постоянно вмешивались в русские дела, и если бы Юрий находился у них, он при их помощи попытался бы вернуть себе власть. Однако с 1176 года Юрий навсегда исчез с горизонта русской политической жизни.

Юрий, княживший несколько лет в Новгороде, был хорошо знаком с жизнью Византии, куда постоянно ездили новгородские купцы по великому водному пути «из Варяг в Греки». Он имел связи и средства для переезда в Константинополь вместе с дружиной. Это был не первый случай отъезда русских князей со своими дружинами в Византию, где они получали земли и власть и находили широкое поле деятельности в военной области. Византия в то время вела напряженную борьбу с турками и всякую вооруженную силу принимала с большой охотой.

Юрий, однако, недолго задержался в Константинополе. Через Византию он, видимо, завязал сноше-

ния с грузинским царем Георгием III и предложил ему свои и своей дружины услуги. Предложение было принято, и Юрий скоро оказался в Грузии.

В те времена организация военной силы была построена не по казарменному принципу. Воины получали землю и вели свое хозяйство, будучи в полной готовности при первой необходимости стать под знамена. Дружина Юрия получила на своей новой родине земли и, конечно, образовала особое поселение. Где было расположено это поселение — неизвестно, но оно должно было находиться где-либо на границах Грузии, скорее всего там, откуда легче всего можно было поддерживать связь с Византией, ближе к Трапезунду.

Существование такого поселения русских устанавливается на основании сохранившегося письменного памятника от 1180 года. Архиепископ Василий приносит пожертвование тбилисской церкви с тем, чтобы она молилась о нем и его брате Абуласане — том самом, по инициативе которого состоялся брак Тамары и князя Юрия в 1188 году.

Архиепископ Василий называет своего брата Абуласана эриставом над эристами, грузинским амиром над амирами, владельцем «руствиса да швидта мтиулетта». Последнее наименование в буквальном смысле означает семигорье, но что такое «руствиса»?

«Твиси», «твисеба», «шеитвиси» — означают родство, оказание приюта, приселение, и нет никакого сомнения, что местность, где была поселена дружина князя Юрия, стала носить наименование «Руствиси» — русского поселения. Но возникает вопрос: почему земли, на которых были расселены воины князя Юрия, не были даны ему самому, а числились во владении Абуласана, правда, первого сановника цар-

ства и, следовательно, владевшего ими как бы в качестве представителя государства? Это, возможно, указывает, что Юрий, как глава иноземного войска, занимал в системе феодальных отношений Грузии особое положение.

Вернемся, однако, к Сослану. С воцарением Тамары он потерял все: и трон и любимую женщину; он не имел социальной опоры в стране и не мог рассчитывать на поддержку каких-либо групп. Он, видимо, и не хотел идти ни на какие выступления, ибо они неминуемо должны были быть направлены против Тамары. Он был одинок, и теперь вся его надежда состояла лишь в том, что ему все же удастся соединиться с Тамарой и в результате брака с нею выправить свое положение. Но были, видимо, силы, в интересах которых было не допускать этого брака.

Пока жив был Георгий III, вопрос о замужестве Тамары не мог возникнуть, так как муж Тамары тоже должен был сделаться царем, и на одном троне могло оказаться три царя вместе, а считая и жену Георгия III, царицу Бурдухан, даже четыре. Повидимому, и сама Тамара не склонна была заботы государственного правления променять на тихие радости семейной жизни.

Надежда на лучшее будущее у Сослана могла осуществиться со смертью царя Георгия III, последовавшей в 1184 году. На первый взгляд эта смерть не должна была вызвать необходимости каких-либо перемен на троне. Георгий III потому и короновал при своей жизни Тамару, чтобы своим авторитетом упрочить ее положение царицы, которая с его смертью должна была продолжать царствовать в силу фактического положения вещей.

Это так и было бы, но борьба, которая велась

между старой и новой знатью, еще не утихла. Компромисс, на котором Георгию III удалось объединить их при воцарении Тамары, еще удерживал стороны от активных выступлений. При таком положении вещей Тамара могла царствовать, как и раньше. Но компромисс был непрочен, могла вновь возгореться борьба, и Тамаре пришлось бы решать вопрос, на чью сторону она станет. Но дело обошлось благополучно. Старая и новая знать, и в особенности церковь, нашли, что время для борьбы — неподходящее, а возможно, что не было кандидата, который стал бы знаменем одной из сторон для противопоставления другой. Давид Сослан был чем-то так скомпрометирован, что ни одна из групп не пожелала иметь с ним дела. Таким образом, для Тамары создавалось вполне благоприятное положение, и начало ее самостоятельного царствования должно было ознаменоваться полным и всеобщим согласием.

Однако Тамара не принадлежала к числу тех женщин, которые могут мириться с тем, чтобы за их спиной и за счет их власти заключались компромиссы. Она решила быть в равной мере и царицей Грузии и правительницей государства. Для этого ей надо было расколоть сплотившиеся между собою группы и заставить их прервать установившееся согласие.

Но, несмотря на свою смелость, при первой же попытке наступления она встретила решительное и единоедушное сопротивление.

Еще при жизни Георгия III верхи феодального общества постарались организационно оформить политическое соглашение, на основе которого состоялось коронование Тамары. Они создали своего рода Верховное собрание, власть которого распространилась

на все стороны государственного управления. После смерти Георгия III они дали понять Тамаре, что она царствует по их выбору и согласию. Представители Верховного собрания, патриарх и высшие государственные чины явились во дворец к Тамаре в Исани (Авлабаре) и просили ее принять власть, точно она, процарствовав с отцом четыре с лишним года, еще ее не имела.

Тамара поняла смысл этой просьбы, которая была не чем иным, как жестом, указывающим на то, что феодальные верхи ее избирают, но могут и не избрать. Свою просьбу они подкрепили постановлением, что женщина имеет право на занятие трона, весьма кстати напомнив о политическом соглашении, выработанном при Георгии III, нарушения которого в смысле умаления своих прав они не собирались допускать.

Тамара решила дать бой. Она выписала из Иерусалима бывшего католикоса Грузии Николая, чтобы противопоставить его патриарху Микелю. Но этого мало. Главный удар она готовила против никем не санкционированного, самочинного Верховного собрания, которому она противопоставила созванный по ее инициативе и под председательством католикоса Николая Государственный совет. Она велела поставить в Совете свой трон и приняла самое деятельное участие в его работах.

Патриарх Микель демонстративно не явился на созванный Тамарой Совет. Тамара решила использовать эту демонстрацию и потребовала смещения Микеля. Тамара правильно учла, что удаление главы Верховного собрания с его патриаршего места нанесет сильнейший удар по ненавистному объединению родовой знати.

Однако созванный ею Совет не решился на это. Микель остался патриархом, и попытка Тамары освободиться от своего врага-опекуна кончилась ничем. Такой исход первого же столкновения Тамары с руководителем самочинного собрания показал, что члены его благополучно попали в новый организованный ею Совет, и противопоставить одно другому Тамаре не удалось.

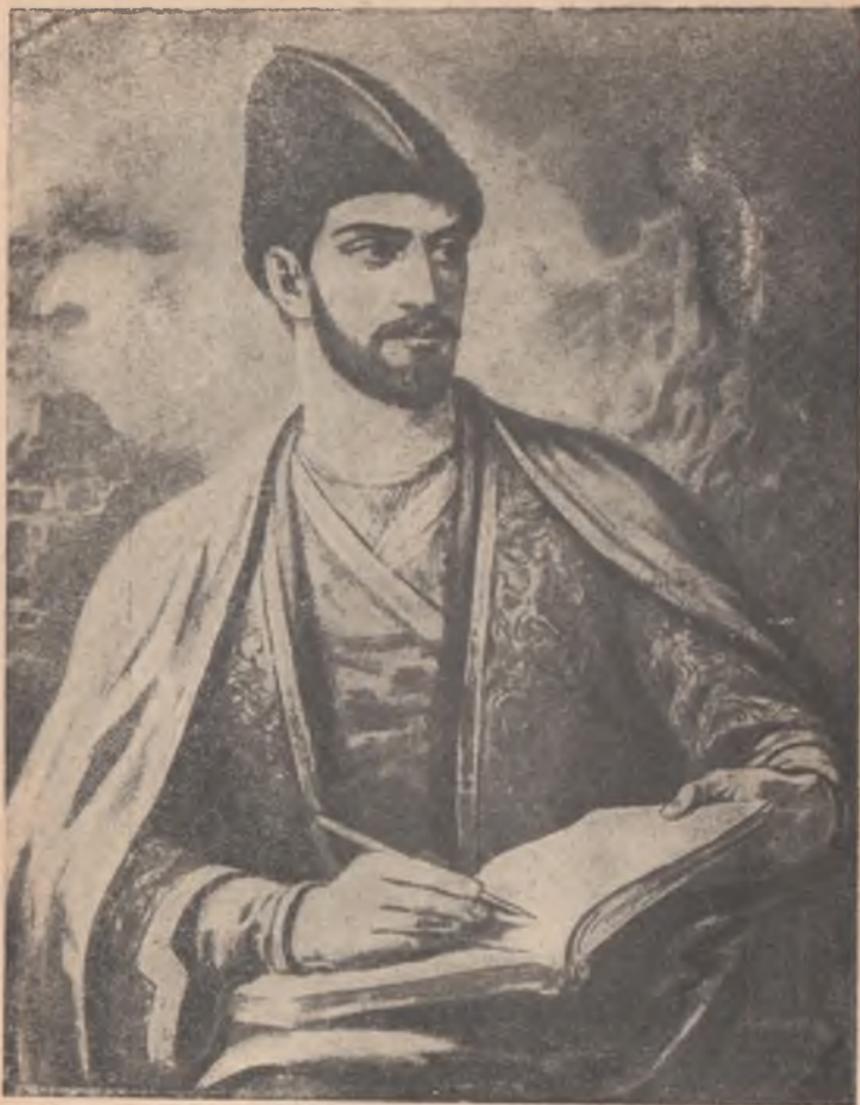
Раз основные силы тогдашнего высшего общества в лице церкви, старой и новой знати вступили между собой в соглашение, то не оказывалось той социальной группы, на которую Тамара могла бы опереться в своей борьбе.

Если попытка Тамары освободиться от непрошенных опекунов явно свелась к нулю, все же созванный ею Совет сыграл в государственной жизни Грузии большую роль. Тамара добилась удаления ряда высших представителей светской и духовной власти как в центре, так и на местах. Обсуждение кандидатур было вынесено на гласный суд, и многие действительно негодные элементы были лишены своих должностей, а на их место были привлечены наиболее даровитые, как Мхаргрдзеладзе (Долгорукие) — Саргис и два его сына Захарий и Иване и другие. Они считали себя обязанными Тамаре, поскольку она выдвигала их на высшие государственные посты взамен тех лиц, удаления которых она потребовала от Совета. Этим она создавала лично ей преданных людей, услугами которых она при благоприятных условиях могла воспользоваться.

Конечно, это было маленькое утешение. По существу, Тамара потерпела поражение, и в выигрыше оказалось Верховное собрание, которое из нелегального учреждения превращалось в лице Совета в ор-

Общераспространенный портрет Тамары.

Портрет Шоты Руставели

Исполнен художником Ираклием Тоидзе для юбилейного издания повмы
на грузинском языке

ган государства, санкционированный участием самой царицы в его решениях. Тамара поняла это и, не видя другого выхода, сама формулировала результаты работ Совета, определив свои и его функции по принципу (если можно для той эпохи применить это выражение) парламентаризма: Совет решает, а она будет управлять государством. Конечно, Совет ни к чему другому и не стремился.

Внутренний мир Грузии казался обеспеченным надолго. Но этот мир не был в интересах Давида Сослана. Он любил Тамару, с которой вместе рос при дворе Георгия III, и, будучи единственным и последним представителем мужской линии Баградитов, считал свои права на трон Грузии бесспорными. Что же мешало ему соединиться с Тамарой? Едва ли здесь играло какую-либо роль честолюбие Тамары или самого Давида, не желавших разделить друг с другом царскую власть. Дело тут было в другом. Давид Сослан был, очевидно, неприемлем по каким-то особым соображениям, о которых открыто никто не смел говорить, но которые играли решающую роль при обсуждении этого вопроса.

Грузинский трон оставался без наследника, и как ни была молода Тамара, надо было определить, кто же будет ее преемником. Конечно, Тамара могла выйти замуж, и наследниками после не могли быть ее дети, но тогда вставал вопрос, за кого ей выйти замуж, ибо это означало появление в Грузии новой династии и новых влияний.

Чем неизбежнее становилось решение этого вопроса, тем больше должен был терять терпение Давид Сослан, для которого время не могло принести ничего, кроме забвения. Ему надо было напомнить о себе и напомнить так, чтобы стать в центре внимания

Грузии; его кандидатура должна была сделаться единственно приемлемой. Но что-то делало его кандидатуру невозможной, и он никак не мог преодолеть эти роковые для него силы.

Мы увидим дальше, какую роль сыграл в разрешении этого вопроса Шота Руставели с его гениальной поэмой; пока же, следуя чисто историческим данным грузинских летописей, мы должны отметить, что в 1188 году перед Советом, являвшимся теперь правомочным органом в решении важнейших вопросов государственной жизни Грузии, неожиданно и резко встал вопрос о браке Тамары с русским князем Юрием.

Об обстоятельствах, предшествовавших этому замужеству, мы узнаем в дальнейшем от Руставели. Летописные же данные говорят, что по инициативе первого сановника Грузии Абуласана (того самого, который являлся владельцем «Рустависи») была предложена кандидатура Юрия в мужья Тамары, и брак этот был быстро решен Советом. Тамара вынуждена была покориться. Характерно, что одной из главных фигур, отстаивавших эту кандидатуру, летописи называют тетку и воспитательницу Тамары Русудан.

Среди всеобщего ликования по этому случаю летописи отмечают и недовольную фигуру Давида Сослана, о котором они говорят, что «оси» — осетин, как его, очевидно, называли современники, — покинул Тбилиси. Следовательно, замужеству Тамары предшествовала большая борьба, в результате которой Юрий был противопоставлен Давиду Сослану, который вынужден был покинуть столицу.

Князь Юрий был, очевидно, кандидатом Совета, и Тамара шла за него замуж против своей воли. Но,

как умная женщина, она учла, что всякий конфликт, если он возникнет между Юрием и Советом, будет ей только на пользу. Конфликты, действительно, скоро возникли, и, вне сомнения, она не только старалась использовать их, но и сама создавала.

Юрий скоро стал обнаруживать свое понимание власти царя, и Совет увидел, что он ошибся в своих расчетах. Юрий не проявлял большой готовности быть слепым орудием в руках Совета, и конфликт между этими двумя силами — властью царя и ограничивавшим его Советом — скоро стал свершившимся фактом.

Несмотря на военные успехи, которые сопровождали царствование царя Георгия, — так стал именоваться князь Юрий, — его стали обвинять в разврате и насилиях, которые, при других условиях, ему конечно, не зачли бы в вину. Летописи наивно пишут, что в него вселился дьявол и от него никому не стало жизни.

Как бы то ни было, через два с половиною года царствования Георгия Совет объявил брак расторгнутым, а Георгия низложенным с престола. На этом Совете Тамара выступила с обвинениями против Георгия и решительно потребовала развода. Совету оставалось только согласиться.

Георгий был посажен на корабль и отправлен в Константинополь. Дело, однако, этим не кончилось. У Георгия была своя дружина, поселенная в «Руствиси», и, кроме того, он был популярен в войсках, в особенности тех пограничных с Трапезундом районов, где ему больше всего приходилось проводить свою военную деятельность. Юрий быстро заручился помощью в Константинополе, где он, очевидно, имел дружные и давнишние связи и не замедлил появиться-

ся в Грузии со стороны Самцхе — важнейшего стратегического пункта Грузии. К нему тотчас примкнули местные войска, и через Кларджетию он двинулся к Кутаису. Здесь, в местности Геруги, он провозгласил себя царем.

Легкость, с какой Георгий овладел почти половиной коренной Грузии, свидетельствовала, что тот внутренний мир, который установился в Грузии в результате компромисса между отдельными руководящими группами государства и царской властью, был миром только по внешности. В глубине народных масс накопилось слишком много недовольства, которое не замедлило прорваться при выступлении Георгия.

По существу от победы Георгия Тамара ничего не теряла. Она снова могла стать женой своего нелюбимого мужа и остаться у власти. Победа Георгия была опасна лишь для Совета и игравших в нем руководящую роль представителей старой знати и высшего духовенства. В случае окончательной победы Георгий не остановился бы перед крайними мерами. Совет скоро убедился, что единственной силой, которую можно было противопоставить ему, была Тамара. Но Совет прекрасно знал, что успех Тамары так же быстро приблизит его конец, как и успех Георгия.

Тамара сама встала во главе войск и взяла власть в свои руки. Первый раз более чем за десятилетие своего царствования она могла действовать самостоятельно и сумела проявить свои крупные способности даже в такой чуждой ей области, как война. Она не стала противодействовать Георгию на пути его движения к Тбилиси. Вызвав с востока войско для защиты столицы, сама она двинулась через Боржом в Самцхе, — провинцию, где была основная опора Георгия. Он дошел уже до Гори и оставалось еще немно-

го, чтобы дойти до Тбилиси. Но расчет Тамары оказался правильным. Георгий должен был отойти назад и устремиться в Самухе, где в долине Нигала, у истоков Куры, и произошло решительное сражение между мужем и женой. Георгий был разбит и взят в плен.

Выступление Георгия сыграло большую роль для исхода той политической борьбы, которая тянулась в Грузии уже больше десяти лет. Все элементы, недовольные господством старой знати и высших представителей церкви, с которыми не могла справиться сама Тамара, при выступлении Георгия об'единились под его знаменами. Совет убедился, что в стране выросло слишком большое недовольство против его господства. Если удалось все же одержать победу над Георгием, то только потому, что во главе войск стояла сама Тамара. Действительно, новая знать, среднее и низшее духовенство и чиновничество, а также большинство армии, примкнувшее было к Георгию, покинули его и перешли на сторону Тамары.

Она возвращалась в Тбилиси победительницей не только над Георгием, но и над Советом. Вокруг нее об'единялось теперь большинство феодального общества, и Тамара не замедлила использовать создавшееся положение. Совет исчез сам собой, без борьбы и сопротивления. Над Тамарой теперь уже не тяготела опека не только в государственных делах, но и в личной жизни. И она быстро решила вопрос о Давиде Сослане, и тем самым — о династии. Она вышла за него замуж в 1192 году. Сослан достиг, наконец, трона, которого так долго и тщетно ожидал.

Наступил новый период. Торжество Тамары и Давида означало победу в национальной жизни Грузии государственных об'единительных начал, победу цент-

ральной власти над феодальными силами, тянувшими страну к раздроблению, а следовательно, к ослаблению, делавшему ее легкой добычей для врагов.

Торжество передовых прогрессивных сил в стране сопровождалось расцветом всех сторон культурной жизни народа. Появляются блестящие памятники архитектуры, живописи, литературы и, как завершение всего, — бессмертное творение Руставели.

Летописцы много говорят об этой эпохе, они слишком многоречивы в своих поучениях, но они не упоминают о самом главном действующем лице этой эпохе — о Руставели, гениальная поэма которого в образах высокого мастерства дала отображение и этой эпохи и той борьбы, которая в стране происходила.

Летописцы и стоявшие за ними группы феодального общества имели свои основания «забыть» Руставели. Поэтому те немногочисленные памятники этой эпохи, которые содержат в себе данные о Руставели, приобретают для нас особое значение.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУСТАВЕЛИ

О

Руставели до нас дошло очень мало сведений, но и те, которые сохранились, вызывают ряд недоумений. Они или неправильны или получают такое толкование, которое искажает действительные факты и скорее затемняет отдельные этапы жизни гениального поэта.

Имя его, Шота, производят от армянского Ашот; это правильно, но отсюда делают вывод, что Шота не грузин, а армянин. Фамилию его производят от села Рустави, где он, якобы, родился, а местонахождение села Рустави одни видят близ Ахалциха, другие в Караязах.

Между тем, сам Шота пишет свою фамилию не «Руставели», а «Руствели»; это указывает на то, что Шота происходит не из Рустави.

Если прибавить ко всему этому, что нам неизвестны ни время рождения Руставели, ни год его смерти, то станет ясно, как надо быть осторожным с имеющимися данными о Руставели. Поэтому надо опираться на данные, не вызывающие сомнений.

В заключительных строфах своей поэмы Шота называет себя неким месхом — поэтом, но данную строфу подвергают сомнению, отрицают ее подлинность. Серьезных оснований для этого нет. Правда, стих о месхе довольно трудно понимаем или, вернее, объясним. Он гласит: «Вцер винме месхи мелексе ме руствелица дамиса».

Трудность понимания этого стиха вызвана тем, что неизвестно значение слова «дамиса». Поэтому выражение «руствелиса дамиса» пишут всячески: «руствелиса дабиса», «руствелисад амиса», «руствелиса темиса», «руствели садамиса», «руствели сад амиса», «рустависа амиса».

Несмотря на такую разноголосицу, подлинность этого стиха не подлежит сомнению.

Надо учесть, какая борьба велась вокруг поэмы и какое значение придавал Шота ее заключительным строфам. Никакому подделывателю не могли притти в голову слова «руставелиса дамиса» — их мог написать только Шота.

Прежде всего рассмотрим, почему Шота называет себя «неким месхом» и что отсюда вытекает.

Эти слова разрешают вопрос о национальности Шоты. Месх — грузин, и об армянском происхождении Шоты говорить нельзя. Эпитет «некий» думают объяснить тем, что Шота был поэтом, никому неизвестным, незнатного происхождения, но тут необходимо учитывать, что в феодальном обществе люди самых знатных родов при обращениях к монархам именуют себя уменьшительными именами, с оттенком уничижения. Так обращались русские князья и бояре к царям, и имена «Ивашка», «Петрушка» являются обычными подписями Голицыных, Гагариных в обращениях с царями. Нет ничего удивительного, что в заключительных строфах поэмы, где Шота воспевает в лице Нестан-Дареджан и Тариеля — Тамару и Давида Сослана, он называет себя «неким месхом».

Но если Шота — месх, т. е. природный грузин, то как согласовать с этим его армянское имя Ашот? Академик Марр замечает, что «месх», правда, редко, пишется и произносится как «мех» и «со-мехи», жи-

тели Сомхетии, армянской области, могли называть себя «мехами», «месхами». Выходит, что если Шота и не армянин, то он все же «сомехи». Но грузины называют армян «сомехами», и мы снова приходим к тому, что Шота был армянин.

Были ли «сомехи» армянами? Армяне называют себя айями, гайканцами — потомками Гайка, такого же легендарного родоначальника, каким для грузин является Картлос, от которого пошло название грузин картвелами. Исторически картвелы и гайканцы всегда жили по-соседству и, конечно, хорошо знали, как сам себя называет каждый народ. Откуда же могло взяться у грузин наименование «сомехами» населения целой области, а последней — Сомхетией?

Сомхетией грузины могли называть область, населенную кочевниками, но кем могли быть эти кочевники, которые являлись, как можно об этом судить по сохраненному языком сродству, месхами? Род Долгоруких считается не только армянского происхождения, но и курдского. Это обстоятельство позволяет высказать мнение, что «сомехи», к которым принадлежали Долгорукие, были кочевым племенем, пришедшим в Грузию и поселившимся в области, названной Сомхетией потому, что была она населена кочевниками, как увидим дальше, «мехами», от которых и пошло ее название Со-м(е)хетия.

Что это за кочевое племя курдского происхождения, которое столь гостеприимно получило от Грузии целую область, не в пример другим кочевникам, с которыми Грузия вела постоянную, веками не прерывавшуюся, борьбу? И почему это кочевое племя, придя в Грузию, сразу осело и перестало вести кочевой образ жизни, тоже не в пример другим кочевым курдским племенам?

Род Долгоруких надо признать курдским не потому, что он действительно курдского происхождения, а потому, что он принадлежал к кочевому племени. Слово «курды» уже в отдаленные времена перестало быть наименованием определенного племени и сделалось собирательным именем множества различных племен, которые вольно или невольно попадали в Курдистан, населенный кочевым племенем собственно курдов, и, смешиваясь с ними, также начинали носить имя курдов.

Известно, что грузины пришли на свою нынешнюю территорию после того, как были вынуждены покинуть свою первоначальную родину на севере Ассирии, вследствие нашествия кочевников. Они сами долгое время вели кочевой образ жизни и должны были влиться в общую волну кочевников, бороздивших южные пределы Кавказа и заходивших в Закавказские степи. Здесь они, видимо, выбрались из общей волны кочевников и, покорив аборигенов страны по среднему течению Куры, обосновались на территории нынешней Грузии.

Повидимому, одна из ветвей грузин, принадлежавшая к месхам, оторвалась от основного ядра своего племени и, увлеченная потоком кочевников, не смогла вновь соединиться с ним и осела где-нибудь в Армении. Здесь месхи сохраняли свой язык и национальность, но подверглись религиозному влиянию армян, тем более, что в первые века принятия христианства вера армян и грузин была общей (разделение на православных и армяно-грегориан произошло только в середине VI века).

Когда месхи под влиянием одного из нашествий кочевников вынуждены были уйти и отсюда, они направились в страну, где обосновалось их коренное

племя, и область, где они поселились, стала называться Сом-е-хетисй.

Чахрухадзе, известный поэт эпохи Тамары, называет себя в одной из од «мехели» — принадлежащим к племени «мехов». Это — чуть ли не единственное историческое свидетельство о существовании «мехов», как племени, быстро, повидимому, исчезнувших или, вернее, слившихся с остальными грузинами. «Мехи» те же «месхи». Первоначально они назывались «сомехами», но когда они стали отставать от армяно-грегорианского исповедания и переходить к православию, «сомехами» продолжали называть и тех, кто еще оставался в старой вере, и всех армян вообще; принявшие же православие в отличие от «сомехов» стали, очевидно, называться «месхами» или просто картвелями.

Это обстоятельство важно для выяснения вероисповедания двух поэтов эпохи Тамары, как будет установлено дальше, родных братьев — Чахрухадзе и Шота Руставели; один из них называет себя «винме месхи» — «некий месх», другой — «маша мехели» — «мехский скиталец».

Многие из грузин, являясь по национальному происхождению чистыми грузинами, исповедывали армяно-грегорианскую веру и, наоборот, будучи по происхождению армянами, по вере принадлежали к православию. Здесь можно указать на старинные роды армян Орбелиани, Панавандовых, переселившихся в Грузию и принявших православие, а с другой стороны, на Долгоруких, происходящих от знаменитых военачальников Тамары, месхов по национальности, но сохранивших принадлежность к армяно-грегорианской церкви. Точно также Орбели, сохранившие чисто грузинскую фамилию — армяне, хотя по нацио-

нальности, очевидно, грузинского происхождения. Грузин по происхождению, но «сомехов» по вероисповеданию много и до настоящего времени.

Можно считать, что Шота, хотя и носил армянское имя Ашота, был природным месхом.

О том, из какой среды происходил Шота, сохранилось свидетельство поэта Чахрухадзе, пишущего, что Тамара была воспета двумя сыновьями «мохева» Чахруха.

Эти строки Чахрухадзе имеют для биографии Шоты решающее значение. Из них следует, что одновременно существовали и писали два брата — Чахрухадзе и Шота. Чахрухадзе — первоклассный поэт, проигрывающий лишь при сопоставлении с таким гением, как Шота.

Чахрухадзе поэт настолько крупный, что у многих исследователей даже возникло предположение, что Шота и Чахрухадзе — одно и то же лицо. Однако все лингвистические изыскания о сходстве языка и рифм не могут здесь ничего доказать: у таких крупных поэтов, притом братьев, и язык и рифма могли совпадать и повторяться, и в этом нельзя искать доказательств того, что Чахрухадзе — двойник Шоты.

Сохранилась, к счастью, поразительно теплая элегия Чахрухадзе, посвященная гибели поэта (Шоты). Этого свидетельства, кажется, достаточно, чтобы отказать от всяких попыток видеть в Шоте и Чахрухадзе одно и то же лицо.

Чахрухадзе был, повидимому, старшим братом, начавшим писать раньше Шоты. Поэтому он носил фамилию Чахрухадзе. Шота, позднее брата вступивший на литературную арену, не мог называть себя той же фамилией Чахрухадзе и потому был известен по

своему имени Шоты. Фамилию Руставели Шота стал носить позднее.

Чахрухадзе пишет, что он и его брат были сыновьями «мохэва». При той огромной роли, которую играли ущелья в жизни древней Грузии, начальники ущелий — «хевис тави» — занимали крупное положение в государстве и считались представителями правительственной власти на местах. В тех областях, где много ущелий, как в Сомхетии, имелось лицо, объединявшее деятельность всех начальников ущелий и являвшееся высшим военным и административным руководителем области. Им и был, очевидно, «мохэве».

Возможно, однако, что «мохэве» не только местная областная власть, но и центральная, ведавшая военно-оборонительной защитой всех ущелий в государстве и устройством в ней крепостей и замков. Во всяком случае, «мохэве» — лицо административное, выше «хэвис тавов», а следовательно, Чахрухадзе и Шота родились в среде высшей феодальной иерархии.

Что касается фамилии Шоты, то считают, что она безусловно происходит от Рустави — ахалцихского или караязского, и если даже соглашаются с тем, что его фамилия Чахрухадзе, то находят правильным писать Чахрухадзе-Руставели. Однако Рустави, как географического пункта, при Шоте не могло существовать, и большой ошибкой является самая мысль производить фамилию Шоты от Рус-тави. «Тави» — начальники или, скорее, воеводы — играли огромную роль в государственной и политической жизни Грузии. Они были высшими представителями власти, руководителями целых областей и начальниками наиболее важных государственных сооружений, как мосты и оросительные каналы, требовавших в те времена не только хозяйственного руководства, но и военной

защиты. Наибольшее значение имели следующие «тави»: «эрис-тави» — начальники областей; «хевис-тави» — начальники ущелий, «цхис-тави» — начальники крепостей, «хидис-тави» — начальники крупнейших мостов и, наконец, «рус-тави» — начальники оросительных каналов (от «ру» — канал).

Само собой понятно, что в списке высших чинов древне-грузинской иерархии было столько «рус-тави», сколько имелось в стране важнейших оросительных каналов, требовавших особых забот со стороны государства. Уходя со своих мест, эти чиновники переставали быть «рус-тавами», и носить это наименование после оставления своей должности не могли.

Таким образом, фамилия Руставели не могла произойти от лица, когда-то бывшего начальником канала. Еще менее вероятно, чтобы наименование «рус-тави» было присвоено какой-либо местности. Пока государственная структура была такова, что в ее системе «тави» означало высшее должностное лицо, никакая местность таким именем называться не могла.

Почему же Шота носит фамилию Руставели? Сам он в заключительных и вступительных строфах пишет свою фамилию «Руствели». Конечно, он мог сократить свою фамилию и вместо Руставели писать Руствели; во многих местах своей поэмы имя царя Ростевана он пишет сокращенно Ростен, и прием этот не должен был бы вызывать сомнений, если бы мы имели доказательства, что фамилия Шоты происходит от названия села Рустави.

Но это неправильно, и настоящая фамилия Шоты — Чахрухадзе. Откуда же возникла та фамилия, которую пишет он сам — Руствели?

После расторжения брака Тамары с Юрием, последний, как известно, поднял восстание. Несмотря

на то, что все сторонники Юрия (Георгия) перешли после подавления восстания на сторону Тамары, она принялась основательно чистить государственный аппарат. В первую очередь пострадал, конечно, Абуласан, владеец Рустависи, где были расположены войска князя Юрия. Его имение было взято в казну и на общих основаниях попало в управление Шоты, который вскоре был назначен казначеем царицы. Юрий после усмирения восстания был взят вместе с войсками в плен. Сам он был потом отправлен за море, очевидно, в ту же Византию, а войска его были возвращены на свое место, в Руствиси.

Но Юрий не успокоился и, как гласит летопись, опять выступил против Тамары. Надо думать, что это выступление было особым. Не был же он настолько ослеплен, чтобы не понимать безнадежности всякой борьбы против Тамары. Скорее всего, это не было выступлением. Он просто вернулся в Руствиси, к своей дружине, и хотел обосноваться здесь постоянно. Тамаре, очевидно, пришлось решиться на удаление его из Руствиси вместе с его войсками, после чего Руствиси опустело.

Когда Тамара и Давид решили расстаться с Руставели, они сочли неудобным отпустить его без награды, а в то время награждали обычно землей, и ему дали Руствиси, бывшее владение Абуласана и Юрия.

Шота оказался владельцем феода, который уже не имел ни населения, ни «дидебулов» — вассалов. По названию Руствиси Шота и стал носить фамилию Руствели. По правилам, его фамилия от Руствиси должна была бы быть Руствисели, но Шота, очевидно, ее сократил и, выбросив «ис», стал называться Руствели.

Такие сокращения, видимо, были широко приняты.

И при первом упоминании Рустависи это название было уже сокращенным. В сигели архиепископа Василия говорится, что его брат является владельцем «руствиса да швидта мтиулетта». Здесь употреблен родительный падеж, но от «рус-твиси» родительный падеж будет «рус-твिसиса», в документе же название употребляется в сокращенном виде, без «ис».

Шота сам пишет свою фамилию Руствели, и этому свидетельству мы должны верить, но откуда известно, что имя его действительно Шота?

Обратимся к единственному подлинному документу с подписью Шоты, относящемуся к тому времени, когда Шота был казначеем Тамары и Давида.

Этот документ дает нам ключ не только к выяснению того, когда появилась фамилия Руствели, но и поразительно ярко рисует перед нами весь облик Шоты.

Приводим этот документ полностью, в переводе М. Джанашвили. Военный министр и главнокомандующий Чиабер приносит пожертвование Шио-Мгвимскому монастырю с тем, чтобы святые отцы не забывали о его грешной душе и поминали его в своих молитвах. Под этой сигелью имеются подписи: царя Давида, самого Чиабера, католикоса Феодора, царского казначея Шоты и двух свидетелей Орбели. «И с содействием святого и всеблаженного отца нашего Шио, в коем мое упование. Я, мандатурт-ухуцес и главнокомандующий Чиабер настоящую сигель написал и предложил прежде всего тебе, нашему упованию и молитвеннику св. отцу Шио и тобой устроенной пустыне Мгвимской и в ней утвердившей отцам и братьям. С давнего времени я имел упование на эту св. обитель и любовь к ней. Я хотел и желал пожертвовать что-либо монастырю в моление за мою

Handwritten text in Georgian script, likely a signature or a note, written in a cursive style.

Автограф Руставели

*Ироническая надпись Руставели на сиели Чиабера:
«Я, Шота и свое Живанское именование вместе с этим
утверждаю, как написано в этой записи»*

*Шота Руставели преподносит свою поэму
«Вепхис ткаосани» царице Тамаре (с картины М. Зичи)*

душу, и видел я, что надеждой моей были вы. В моем Жинванском имении я осмелился доложить богоравной царице цариц Тамаре и с ее соизволения и согласия потщился пожертвовать тебе, св. отцу Шио и твоими слезами воздвигнутому Мгвимскому монастырю и в ней пребывающим отцам и братьям: жителей Жинвана [а именно] сыновей Давида Мехитарисдзе Окроя, Махара, Брачи и Иоване с их домом и угодиями, купленными и некупленными. Ежегодно они должны доставлять [монастырю] 15 литров воску; вы же взамен этого, в моление за мою душу назначили агап с обеднею в день празднования св. Ефрема — 28 января. Да осчастливит Господь во веки веков сыновей Давида Мехитарисдзе Окроя, Махара, Брачи и Иоване с их домом и имением. Жертвую их окончательно, не имея более участия в их доходах и освобождаю их от всякой барщины. Подобно тому, как ваши собственные купцы пребывают свободными и счастливыми, так точно пусть пребывают и эти, жертвуя вам каждый год по 15 литров воску. Дар этот не может быть изменен ни мною, ни после меня теми, которые будут владеть Жинваном, ибо я сию дарственную запись совершал по повелению и с согласия богоравных государей.

1. Эту дарственную запись мандатурт-ухуцеса и я утверждаю [повидимому, Давид].

2. Я, мандатурт-ухуцес Чиабер, прах царя царей Тамары в долгоденствии Тамары жертвую указанных людей и самый этот акт утверждаю в моление мое. Кто изменит, да изменится от веры христовой.

3. Сию запись мы, волею христа католикос Грузии Феодор утверждаем.

4. Я, Шота, и свое Жинванское имение вместе с

этим утверждаю как написано в этой записи». (Ме Шотаи чемса жинванис конебасац шига амас вамткицеб, вита амас шига сцериа»).

Дальше идут свидетельства Авака Орбели и Эне Урбели.

Этот документ показателен во многих отношениях. Прежде всего, кто такой сам Чиабер, жертвователь? Он был воспитателем царевича Демны, когда тот рос в семье Орбелиани, вплоть до самого восстания. Кажалось, такое лицо должно было прежде всех пострадать после подавления восстания, а между тем из воспитателя мятежного царевича Чиабер превратился вскоре в одного из высших сановников грузинского государства. Это дает основание думать, что, будучи воспитателем, он поддерживал тайные сношения с царем Георгием III и держал его в курсе всех событий, происходивших в семье Орбелиани. После подавления восстания он был вознагражден за свои заслуги и стал повышаться по службе.

Что касается пожертвования, то оно довольно скромно: монастырю должно вноситься ежегодно всего около четырех пудов воску, очевидно, для свечей. Важно другое — способ пожертвования.

Он отпускает своих крестьян как бы на свободу и ставит условием, чтобы они были на положении тех торговых людей, которые принадлежат монастырю. Это, конечно, важное свидетельство о социальных отношениях во времена Шоты, говорящее о существовании крепостного права.

Но что это за Жинванское имение Чиабера? В Жинванах находился дворец царицы Тамары; следовательно, Жинвани было царским имением, но часть крестьян (и земель) расположенного здесь села Жинвани была, видимо, пожалована Чиаберу или приоб-

ретена им. Этими крестьянами он и распоряжается, как свидетельствует его ситель.

Самым важным местом этого документа является, конечно, подпись Шоты. Для многих является непонятным, как это Шота и жертвует свое Минванское имение и «утверждает в этом же акте, как в нем написано». Многие находят только одно объяснение этой надписи: Шота — сын Чиабера и, значит, отказывался и от своей доли в отцовском имении. Но Шота утверждал этот акт в качестве царского казначея, и если бы он был сыном Чиабера, об этом должно было быть упомянуто в самом акте (отец и сын жертвуют таких-то). Надпись эта настолько непонятна, что многие думают, что документ этот фальшивый. В действительности же подпись Шоты говорит о совершенно другом.

Вспомним знаменитое донесение Пушкина, посланного на борьбу с саранчой:

Саранча летела, летела
И села,
Сидела, сидела — все с'ела
И вновь улетела.

Шота утверждал государственные акты с тем же чувством и рвением, с каким Пушкин боролся с саранчой. В подписи Шоты — тонкий юмор, который он проявил в таком деле, как пожертвование пятнадцати литров воска Шино-Мгвимскому монастырю. Кто бы осмелился сделать такую надпись в присутствии царя, военного министра и католика на официальном документе, который должен был попасть в монастырь, где об этой надписи и ее авторе наверное были высказаны нелестные суждения. Но за этой иронической надписью скрывается иной смысл, —

здесь разыгрывается социальная трагедия, жертвой которой сделался скоро сам Шота. И он ясно это сознает.

Обратимся к свидетелям этого документа—Аваку Орбели и Эне Урбели. Почему именно эти два лица привлечены свидетелями, и не в них ли вся разгадка пожертвования? Авак Орбели — безусловно новый владелец родового имения Орбелиани, после истребления которых оно, очевидно, было пожаловано ему. Он, видимо, принадлежал к известной фамилии Мхаргрдзеладзе. Но кто такой Эне Урбели, и почему он пишет свою фамилию не Орбели, а Урбели?

После истребления фамилии Орбелиани в живых остались, как известно, только трое лиц, бывших в то время в Иране, — Липариг Орбелиани и его сыновья Иване и Эликум. По летописным сведениям Орбели были при Тамаре прощены и получили обратно свое родовое поместье Орбети. Эне — это сокращенное Иване. Не есть ли этот Эне Урбели тот самый Иване Орбели, который уцелел, находясь вместе с отцом в Иране? Но почему он подписывается Урбели? «У» по-грузински означает «не», «без». Урбели — значит — не-Орбели.

Потеряв свои имении, Орбели потеряли и право именоваться Орбелами, и Эне стал называться не-Орбели — Урбели. Его подпись с красивыми завитушками изобличает в нем человека достаточно образованного.

Но почему, спрашивается, свидетелями пожертвования Чиабера являются эти два лица — бывший и настоящий владельцы Орбети? Чиабер был как известно, воспитателем Демны, росшего у Орбели. При Тамаре положение старой знати сильно изменилось, и Тамара вынуждена была пойти на компромисс. Чи-

бер, очевидно учел это обстоятельство и захотел стать инициатором возвращения Орбели на родину. Это он мог сделать через торговых людей, бывавших в Иране; очевидно, такими посредниками были торговцы из его крепостных, которых в благодарность он освобождает и передает Шио-Мгвимскому монастырю.

Торговый класс имел свои организации — «мокалаке» — только в Тбилиси и Гори. В остальных местах торговцы были из тех же крепостных и находились в зависимом положении от помещиков. Большими привилегиями, видимо пользовались монастырские купцы, и Чиабер в такой форме вознаградил своих крепостных, оказавших ему немалые по тем временам услуги. Отсюда должно быть понятным то ироническое отношение, какое мы видим у Шоты. Только он один мог так реагировать на документ, за сухой официальной фразеологией которого выглядывает та развязка, которую получила борьба Руставели с реакционными силами.

В этом документе для нас важно и другое обстоятельство, имеющее отношение к юридическому моменту.

Шота подписывается на нем только своим именем, без фамилии. Это доказывает, что в то время он еще не носил фамилии Руставели, — в противном случае он бы так и подписался на документе. Тамара и Давид поженились в 1192 году, и, следовательно подпись возникла в этом же или следующем году, не позже.

Единственное сомнение, которое может возникнуть по поводу подписи Шоты, то, что мы встречаем здесь, как, впрочем, и в других документах, упоминание одних только имен, без фамилий. В этой же сиге-

ли мы видим имя Чиабера, раньше говорили о другой сигели, где упоминался владелец Рустависи Абуласан. Если они не пишут фамилии, почему того же не может сделать Шота?

Но спрашивается: имена или фамилии — Чиабер, Абуласан? Надо думать, ни то, ни другое. Это, по видимому, прозвища. Как известно, арабы, турки не носят фамилий, а только имена и прозвища. Во времена Шоты в Грузии под влиянием арабов и турок среди высших сановников было, видимо, принято пошение прозвищ, и Чиабер, Абуласан — это прозвища или, возможно, сочетание имен с прозвищами. Но Шота — безусловно имя, и если он даже под официальными документами подписывался одним только именем, это могло означать только то, что он не хотел подписываться фамилией Чахрухадзе, а фамилии Руствели еще не имел.

Впервые фамилия Руствели появилась в заключительных строфах поэмы. Говоря о своем месхском происхождении, он пишет «ме руствелиса дамиса». Что означает «дамиса»? Попытки понять это слово путем различных сочетаний его с руствелиса и даже путем замены другими словами не внесли разъяснения, какой смысл вкладывает автор в слово «дамиса». Оно безусловно не грузинского происхождения и заимствовано из греческого языка.

В Византии, вернее, в Константинополе, была, как известно, сильно развита политическая жизнь, выразившаяся в образовании партий, группировок. Главным местом их деятельности был цирк, где собирались сторонники какого-либо политического течения, называвшие себя белыми, красными, синими, зелеными. Группировки эти назывались «демами» от «демос» — народ. Руководителями их были «демархи».

В период борьбы, отражение которой мы найдем при анализе поэмы, вокруг Руставели собрался определенный круг лиц, которых он с полным правом мог назвать партией, но, в виду новизны этого явления в Грузии, он заимствовал из Греции ее название «Дами». Это слово просуществовало в Грузии недолго и исчезло без следа, так как в дальнейшем никаких партий в том смысле, как это имело место при Руставели, не возникало. Теперь становится понятным весь стих: «Пишу я, некий месх, певец Руствельской партии».

Шота, видимо, недолго просидел в своей должности казначея и расстался с ней, надо думать, без больших сожалений. И все же уход этот едва ли был добровольным.

Между победившей Тамарой и побежденными феодалами скоро наладился компромисс, в котором деятельную роль сыграл Чиабера. В его сигели компромисс этот был закреплен подписями главных руководителей борьбы. Наряду с подписью царя мы видим подписи представителя старых феодалов Урбели и новой знати Орбели, подпись католикоса — представителя церкви, Чиабера, из воспитателя Демны превратившегося в первого сановника государства, и, наконец, подпись Шоты, возглавлявшего огромную и напряженную борьбу против реакционных феодально-церковных кругов на стороне Тамары и Давида.

Перипетии этой борьбы нашли свое отражение в поэме Руставели, и чем ярче она сияла, тем ожесточенней становились нападки на него его врагов, прекрасно понявших, какие события и каких лиц изображает Руставели в своем бессмертном творении.

«ВЕПХИС ТКАОСАНИ» —
НАЦИОНАЛЬНОЕ
ЭПИЧЕСКОЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЕ

В

мировой поэзии насчитывается немало произведений, которые обладали бы такой долговечной популярностью и так глубоко проникали в народные массы, как «Вепхис ткаосани» Шота Руставели. Этот шедевр является в полном смысле слова народным достоянием. Но вместе со славой семь слишком веков «Вепхис ткаосани» сопутствует вопрос: что же послужило сюжетом поэмы? Иранское ли сказание, или события из грузинской национальной жизни.

Сюжет поэмы внешне весьма несложен. У царя Аравии Ростевана — единственная дочь, красавица Тинатин, которую он коронует на царство еще при своей жизни. У него же воспитывается приемный сын Автандил, который любит Тинатин. Жизнь здесь течет мирно, и скоро должен наступить момент, когда влюбленные молодые люди соединятся на всю жизнь. Но во время торжеств по случаю коронации появляется неизвестный всадник в барсовой шкуре; им заинтересовывается царь, но все попытки узнать, кто он, кончаются ничем. Автандил отправляется его искать и, найдя, узнает его историю. Зовут его Тариель. Он — приемный сын индийского царя Парсадана, у которого единственная дочь, красавица Нестан-Дареджан. Тариель любит царевну. Но приехал жених свататься к ней, и, по настоянию царевны, Тариель убил его. Царь разгневался, и Тариель принужден был скрыть-

ся. В его отсутствии сестра царя велела рабам схватить царевну и утопить в море. С тех пор в глубоком отчаянии ищет он исчезнувшую Нестан-Дареджан.

Автандил об'единяется с Тариелем и при помощи Придона, их общего друга, им удается выяснить, где находится похищенная царевна. Они освобождают ее, и две влюбленные пары — Автандил и Тинатин, Тариель и Нестан-Дареджан — соединяются навсегда.

На первый взгляд может показаться, что сюжет поэмы не дает никаких оснований предполагать, что он взят из грузинской жизни. В самом деле, действие поэмы происходит в Аравии и Индии, герои не грузины, быт их, верования — мусульманские. Кому же при таких условиях может прийти в голову мысль, что сюжет этот имеет сходство с грузинской жизнью?

И, однако, первый, кто говорит об этом — сам автор. Во вступлении Руставели пишет, что он воспевает царицу — солнце-Тамару.

Льва, что знает меч блестящий, щит и копий свист летящий,
Ту, чьи волосы — как чащи, чьи уста — рубин, Тамар, —
Этот лес кудрей агатный, и рубин тот ароматный
Я хвалою многократной вознесу в сияньи чар. *

Эти слова как будто обязывают автора; он должен так или иначе описать жизнь той воспеть которую он собирается. Однако содержание поэмы на первый взгляд показывает, что автор не выполнил своего обещания. Однако в этом же Вступлении он призывает всех послушать, как он будет излагать в стихах повесть о Тариеле. Надо ли отсюда сделать вывод, что в повести о Тариеле Шота воспевает Тамару и ее му-

* Перевод Бальмонта.

жа? Мы должны верить автору, хотя он описывает не грузинскую жизнь и рисует не грузинских героев. Разве не мог он под видом вымышленных героев и вымышленной обстановки изобразить события из грузинской национальной жизни? Конечно, это представляет большие трудности. Сам автор восклицает в заключении: «Как мне воспеть все совершенное Давидом в этих иноземных рассказах о чужих государствах». Но если он поступает так, очевидно, он имеет для этого достаточно веские основания.

Однако дело не так просто. Боясь, как бы в его поэме действительно не увидели событий из грузинской жизни, ловко замаскированных им самим выдуманной обстановкой и вымышленными героями, Шота спешит уверить, что сюжет поэмы сочинен не им, а взят из какой-то иранской повести, переведенной на грузинский язык. Мало того; он называет даже лицо, поэта Саргиса Тмогвели, которому принадлежала иранская переводная повесть и который, якобы, хотел переложить ее на стихи, но не успел этого сделать. Руставели же лишь нашел эту повесть и изложил ее в стихах. Казалось, после этого отпадают всякие подозрения, что в поэме Руставели излагаются какие-то события из грузинской жизни. Тем более, что автор не довольствуется своими доводами. Он прибегает еще к авторитету самой Тамары и заявляет, что иранская повесть была известна царице, и она приказала изложить ее стихами.

Зачем же нужно автору заявлять об этом так настойчиво и при том во Вступлении? Ведь особенной заслуги в том, что произведение написано по приказу свыше, нет. Одновременно в том же Вступлении поэт спешит заявить, обращаясь к каким-то своим хулителям: «Знайτε все,—я воспеваю ту [Тамару], которую

воспел ранее. Этим я горжусь и не считаю, что я себя опозорил».

Что значат слова поэта о том, что он ранее воспел Тамару? Можно ли допустить, что он имеет в виду какое-то другое свое произведение, не дошедшее до нас? Некоторые так и объясняют эти слова. Но это неправильно. Руставели дал к своей поэме не только Вступление, но и Заключение. Последнее начинается так: «Исполнилось это сказание [поэма] точно сон ночной». Поэт пишет не «окончилось», а «исполнилось». В этом свой большой смысл. Окончиться могло иранское сказание, повествование, которое он излагал, исполниться могли те происходившие в Грузии события, которые под вымышленной обстановкой и вымышленными героями он рисовал в своей поэме.

Заключение, очевидно, писалось спустя некоторое время после окончания поэмы, когда события, в ней предсказанные, сбылись. Содержанием ее, как пишет сам автор, послужили дела, совершенные Давидом. Значит, указание поэта, что он ранее воспел Тамару, относятся не к какому-либо другому произведению, а именно к «Вепхис ткаосани». Но как же понять его слова, что он воспевае т ту, которую воспевал ранее? Разгадка заключается в том, что поэт написал свое Вступление после того, как была написана поэма, и после того, как он написал Заключение. Во Вступлении он прямо называет свою героиню по имени и воспевае т ее красоту и изящество, в самой же поэме воспева ние происходит в образах вымышленных героев.

Естественно, возникает и другой вопрос, — как может переложенное на стихи иранское сказание опозорить Руставели и, главное, чем? Может быть, автор

оправдывается за плохие стихи, неудачу в выполнении? Но качество поэмы, очевидно, не вызывало сомнений даже у тех современников поэта, которые могли относиться к нему недружелюбно. По форме поэма Руставели — образец совершенства, и не с этой стороны, очевидно, посыпались на поэта удары.

Не подлежит никакому сомнению, что современники увидели в «Вепхис ткаосани» нечто большее, чем простое иранское сказание. Автору не пришлось бы убеждать своих современников в иноземном происхождении сюжета поэмы, если бы среди них не сложилось твердое убеждение, что под видом вымышленных арабских и индийских героев он изображает лица и события, слишком близко знакомые им. Слова Шоты о том, что поэма его не опозорила, имеют для нас огромное значение, потому что история не сохранила никаких точных известий ни о самой поэме, ни о гениальном ее авторе. Мы знаем только, что «Вепхис ткаосани» сжигали на кострах, а сам Руставели вынужден был покинуть свою родину и окончить жизнь в изгнании. Ясно, что вокруг поэмы разгорелась упорная и острая борьба, во время которой какая-то партия стремилась подорвать доверие к автору и его произведению, и поэт вынужден был бросить вызов, заявив, что он гордится своим творением и не считает себя опозоренным.

И во Вступлении и в Заключении много недоговоренного; в них больше отзвуков той борьбы, которую пришлось выдержать Руставели, чем свободного высказывания о своем произведении. Необходимо с особым вниманием подойти к сюжету самой поэмы и постараться уяснить себе, какие события могли найти в ней свое отражение, кто является ее главными героями и почему она могла вызвать такие нападки современников.

Однако здесь встают немалые трудности. История не сохранила подробных сведений об эпохе царицы Тамары, и при ее изучении приходится исходить лишь из немногочисленных, отмеченных летописями фактов. Тем большее значение приобретает свидетельство об этой эпохе такого первоклассного памятника, как поэма Руставели.

Сюжет «Вепхис ткаосани» настолько самобытен, что ни в какой другой стране, кроме Грузии, он возникнуть не мог. Действительно, насколько известно, ни одна страна не может отметить случая в своей истории, чтобы при жизни царствовавшего монарха была провозглашена царицей его дочь, едва достигшая двадцати трех лет. Это событие имело место только в Грузии в 1179 году, при жизни Руставели, когда Георгий III провозгласил царицей свою единственную дочь, знаменитую Тамару. Руставели незачем было заимствовать сюжет для своей поэмы из иранского сказания, которого, кстати, и не существовало. Этот сюжет ему давала действительная жизнь Грузии. Он описывает не один только факт провозглашения, он дает в поэме описание событий как предшествовавших ему, так и последовавших за ним. «Вепхис ткаосани» — огромная эпопея, где описываются события, в которых действующими лицами являются царская семья и ее ближайшее окружение. Рисуя действительные события, происходившие в его время и к которым автор стоял близко, он не мог, повидимому, описывать их, называя подлинные имена действующих лиц, отражая события так, как они протекали в действительности.

Дело не только в том, что высокое положение его героев ставило автора в необходимость быть осторожным в изложении, но и в том, что простое хроникаль-

ное изложение событий не могло входить в задачу такого гениального художника, каким был Руставели. Происходившие события получили в его глазах особое преломление. Будучи их участником, поэт, как увидим, хотел своим произведением достичь определенных политических целей. Поэтому он вовсе не беспристрастен. Одних героев он любит и восхваляет, других ненавидит и уничтожает. Он создает для своей поэмы сложный, оригинально построенный сюжет, выдумывает сказочную обстановку, в которой невольно видишь его родную Грузию. Шота слишком хорошо знал и слишком сильно любил свою родину, чтобы оторваться от нее даже в вымысле.

Выдумка об иранском происхождении сюжета «Вепхис ткаосани» имела одно существенное последствие, сыгравшее большую отрицательную роль в понимании лица самого автора. Нет ни одного крупного литературного произведения, где в той или иной форме не сказались бы автобиографические черты. В «Вепхис ткаосани» рассыпано немало крупинок авторских отступлений и отдельных замечаний, которые выявляют облик самого Руставели, и характеристик, которые давно уже вошли, как поговорки, в разговорную грузинскую речь.

Но дело не в них. Нам не надо собирать отдельные крупинки, когда одним из главных действующих лиц поэмы является сам автор. Иранская выдумка только помогла ему скрыть весьма искусно самого себя и свою роль в описываемой эпопее.

Руставели дает вымышленную обстановку и вымышленных героев своей поэмы; но сам он хорошо знает, — а может быть, и хочет дать понять читателю, — что его вымысел недалеко уходит от действительности. Эта двойственность между замыслом и

исполнением с особенной силой сказалась в построении сюжетной линии поэмы. Здесь уже нельзя ограничиваться одними вымышленными именами героев и обстановки. Достаточно было автору ввести описание такого события, как провозглашение царем Ростеваном при жизни своей преемницей дочери Тинатин, как для всех современников Руставели стало совершенно ясно, что речь идет о том, как Георгий III короновал на царство при своей жизни дочь Тамару.

Поэтому в построении сюжета автор преследует несколько задач. Прежде всего, как гениальный мастер, он ищет такой сюжет, чтобы вокруг него можно было не только развернуть события, но и поставить героев в такие положения, при которых с особенной яркостью могли бы проявиться те черты их характера, которые хочет оттенить автор. Какие высокие требования предъявляет Шота к своему произведению, — указал он сам во вступительных строфах поэмы. Он говорит, что только тот — истинный поэт, кто не разменивается на мелочи и создает большие произведения, не щадя сил и не оставаясь беспристрастным к своим героям: одних он должен осуждать, других хвалить.

Но, давая характеристики своих героев, занимающих слишком высокое положение, чтобы в них не узнали известных современникам лиц и тех событий, героями которых они являются, основной упор маскировки автор переносит на сюжет. Он строит его с таким редким искусством, что во всей мировой литературе трудно найти произведение, которое в сказочной форме излагало бы действительные исторические события с такой яркостью, как это сделано в «Вепхисткаосани».

Описывая царскую семью Георгия III и происхо-

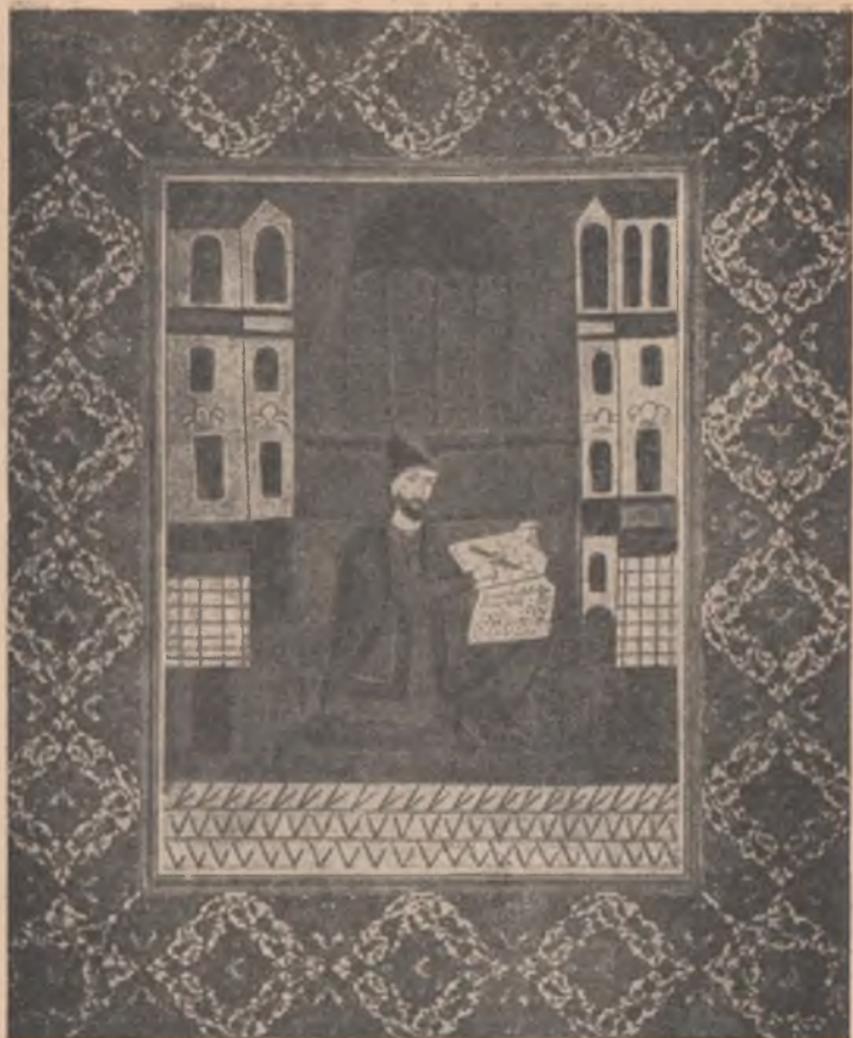
дившие в ней события, Шота дает в поэме две царские семьи: арабского царя Ростевана и индийского царя Парсадана. У Ростевана — единственная дочь, красавица Тинатин, у Парсадана — также единственная дочь, красавица Нестан-Дареджан. У Ростевана в качестве приближенного лица, на положении приемного сына, находится Автандил, командующий его войсками, у Парсадана в качестве приемного сына находится Тариель, командующий его войсками. Здесь только разные имена и разные страны, а герои одни и те же. Но есть еще одна царская семья — семья грузинского царя Георгия III, у которого также имеется единственная дочь — красавица Тамара, и в качестве приемного сына воспитывается осетинский царевич Давид Сослан. Грузинские летописи — «Картлис Цхозреба» — не сообщают, был ли при Георге III Давид Сослан командующим его войсками; но, судя по тому, что Давид Сослан впоследствии выдвинулся как крупный полководец, можно думать, что с молодых лет он играл в грузинской армии крупную роль. Сходство здесь, как видим, полное.

Руставели описывает семью царя Георгия III, но он не уподобляется обычным придворным поэтам, словословиям все, что они видят.

Руставели ставит себе не эту задачу. В царской семье и в государственной жизни Грузии в это время разыгрывались такие события, что ему не до словословия. Он является не простым свидетелем событий, а деятельным их участником, и на свое произведение смотрит не как на летописное изложение, а как на активное, самое острое, если не сказать, решающее средство борьбы. И если творческий порыв гениального художника влечет его к вымыслу, к созданию фантастических образов и к несуществующей обста-

Миниатюра XV века — Шота Руставели

Миниатюра-портрет Шоты Руставели
Извлечена из грузинской рукописи XV века

новке, то страсть политического борца приковывает его к реальным событиям, к живым людям, к их стремлениям и достижениям.

Для чего изображает Шота две царские семьи? Ему надо описать всем известные события и всем известных лиц, участвующих в них. В одной царской семье и в одной стране он описывает одну часть этих событий, в другой царской семье и в другой стране он описывает другую часть событий. А когда мы соединяем события одной семьи с событиями, происшедшими в другой царской семье, то оказывается, что в целом эти события есть не что иное, как стройное и последовательное изображение событий, происшедших в третьей, действительно существовавшей царской семье, — семье грузинского царя Георгия III.

Шота стоял перед серьезной и трудной задачей — не только дать изображение той политической борьбы, которой была насыщена жизнь современной ему Грузии, но и выступить в качестве активного борца на одной из сторон; и — что самое главное — он мог не без основания думать, что его выступление должно сыграть решающую роль. Но, как истинный художественный гений, он не думал подчинить свое творчество только временным задачам и снизить лишь до уровня мелкого и преходящего политического памфлета. Он был проникнут более серьезной задачей и ставил себе целью создание крупного художественного произведения, используя происходившее и описывая окружающих его реальных людей. Он высоко ставил их переживания и стремления и хотел облечь их в форму, которая должна была не просто отобразить описываемые события и людей, но и быть высоким образцом художественного произведения,

чтобы оказать на современников то именно воздействие, на которое он рассчитывал. И он знал, что чем художественнее будет его произведение, тем сильнее будет его воздействие.

При разрешении этих задач Шота, конечно, не мог не обратиться к тем образцам мировой поэзии, и в первую очередь иранской, которые оказывали влияние и на него и на современное ему общество. Он был безусловно знаком с великим произведением Фирдоуси «Шах-Наме» и со сказками «1001 ночь» (или с первоначальным иранским произведением, легшим в основу ее, с «1000 сказок»), и влияние их и его пределы мы легко обнаруживаем при анализе поэмы.

Сам Шота, по причинам, о которых будет сказано дальше, вынужден был настойчиво повторять, что его поэма есть не что иное, как стихотворный перевод иранского оригинала. Это признание Шоты сыграло решающую роль для упрочения мнения, что «Вепхисткаосани» — произведение не оригинальное и самоблтное, а заимствованное и подражательное.

Необходимо поэтому установить границы иранских влияний и более подробно остановиться на словах самого Шоты. Он говорит в заключительных строфах, что сказание это осталось от Саргиса Тмогвели, который собирался изложить его в стихотворной форме, но не успел этого сделать. Затем оно дошло до Шоты, который и переложил его на стихи. Во вступительных строфах Шота еще определеннее говорит, что нашел иранское сказание, переведенное на грузинский язык, хранившееся как жемчужина, и по приказу царицы придал ему стихотворную форму.

Из слов Тариеля видно, что в царской семье разыгралась большая драма, и Тариель вынужден был бе-

жать и скрываться. Здесь мы имеем мотив, сильно напоминающий судьбу Ростема и Сохраба из «Шах-Наме» Фирдоуси. Тариель — такой же неустрашимый богатырь, как и Сохраб, и участь его, вынужденного скитаться на чужбине, вызывает у Шоты желание облечь жизнь Тариеля в формы той эпопеи, которая привела к столкновению Ростема и Сохраба и к гибели последнего. Но, как ни сильно стремление Руставели пойти по пути подражания Фирдоуси, он не может оторваться от родной земли и тех событий, которые на ней разыгрываются. Дальше награждения своего героя Тариеля некоторыми чертами Сохраба Шота не пошел. Если вначале у него и было желание следовать иранскому оригиналу, то в дальнейшем он перестал придерживаться его и просто забыл о нем, весь уйдя в отображаемые им события, связанные с близкими ему лицами.

Нет никакого сомнения, что Шота первоначально думал назвать своих героев теми же именами, которые встречаются у Фирдоуси. Аравийского царя Шота называет Ростеваном. Это имя он часто сокращает и пишет его Ростен. Герой в «Шах-Наме» — Ростам. Очевидное сходство, говорящее о заимствовании. Шота хотел, видимо, заимствовать также имя сына Ростамы — Сохраба (Зораба); но так как излагаемые им события никак не укладывались в сюжет «Шах-Наме», это имя, несколько переделанное, Шота дает визирю царя Ростена, называя его Согратом.

В древних вариантах иранского сказания, перекладывавшегося в стихотворную форму еще до Фирдоуси, имеется обработка поэта Рудеки, посвященная Саманиду Амир-Насру, которого он описывает так: «Великодушною благотворительностью ты второй Хатем-Тай; другой Ростам-Дастан среди опасностей войны».

Ростам здесь назван Дастаном. Руставели переделывает Дастана в Нестан и дает своей героине имя Нестан-Дареджан. Дареджан — имя, тоже заимствованное из переводной иранской поэмы «Амирандареджаниани».

Главного героя зовут Тариель; можем ограничиться словами Марра о его происхождении: «В истории Тамары «безумный от любви к Осано» назван по имени в первоначальной персидской [иранской] его форме Шахриар прототипе грузинского Шарьерь и народного Тариель». Некоторое сходство можно видеть также в описании коня Тариеля, сильно напоминающего Грома Ростаме.

Но в «Вепхис ткаосани» можно обнаружить влияние не одного только «Шах-Намэ», если можно назвать влиянием то, что Шота взял оттуда. Руставели надо было найти для своего замысла такую форму, которая позволила бы описать современное ему общество в самых высоких его слоях, замаскировав и события, и лица. «Шах-Намэ» оказалось для этого неподходящим произведением.

Такому художнику, как Руставели, притом страстно увлеченному политической борьбой, которой жило все тогдашнее высшее общество Грузии, нужен был образец фантастического художественного произведения, подражая которому он мог бы несколько оторваться от реальной действительности и достичь своей цели — маскировки отображаемых событий. И в отдельных картинах он прибегает к образцам сказок «1001 ночь».

Его описания морских скитаний Тариеля в поисках Нестан-Дареджан, самое похищение ее двумя рабами и плавание в море в течение нескольких лет (Нестан-Дареджан была заперта в сундуке), в особенности

описание морской битвы Придона с его родственниками, когда он спасся только тем, что сел на коня, прыгнул в море и добрался до берега, — все это сильно напоминает сказки Шехерезады и морские приключения Синдбада-Морехода.

Более явное заимствование из «1001 ночи» можно видеть в образе другого героя «Вепхис ткаосани», мулганзанзаресского царя Нурадина-Придона, друга Тариеля. Царь Аффридун описывается как «властитель стран греческих и войск христианских, пребывающий в царстве ал-Кустантынии». Ясно, что речь идет об одном из византийских царей, придерживающихся православной веры. Это имя Руставели взял для одного из своих главных героев, как увидим в дальнейшем, лица вполне реального, очевидно, не без цели.

Рисуя в своей поэме мусульманскую обстановку, он не без умысла выделил своего героя под именем Придона, желая показать, что его герой — православный чужеземец, прибывший в Грузию из Византии; но желая в то же время соблюсти некоторую маскировку, он прибавил к его имени чисто мусульманское «Нурадин», тоже взятое из «1001 ночи».

Еще один образ взят Шотой из «1001 ночи», это образ коварной «Зат-ад-Давахи», означавший «Владычицу бедствий». Эта женщина, мать царя Румов, обладала изумительным коварством, была лжива, распутна, не останавливалась перед преступлением, строила всяческие козни и считала все средства допустимыми для достижения своих целей. Особенно характерно, что эта женщина помогает царю Аффридуну. Именем этой Давахи, измененным в Давар, Шота назвал сестру царя Парсадана, воспитательницу Нестан-Дараджан. Не забудем, что царица Тама-

ра воспитывалась своей теткой Русудан, сестрой царя Георгия III. Надо отдать справедливость Руставели — он нашел бесподобный образ для изображения женщины, которая играла немалую роль и в истории Грузии и в жизни своей царственной племянницы, в частности, в замужестве Тамары с русским князем Юрием.

Использование Шотой Руставели иноземных образов для своей поэмы, за исключением образа Давар, очень невелико, он не смог использовать их даже для маскировки — единственной цели, которую он преследовал, обращаясь к ним. Зато, окончив поэму, когда он стал мишенью для повергнутых в прах его «Вепхис ткаосани» слоев грузинского высшего общества, Шота вспомнил о своих первоначальных поисках иноземных образов и стал утверждать, что его поэма не что иное, как стихотворное изложение иранского сказания. Удары, которые обрушились на Шоту и привели к его изгнанию, могут служить оправданием такого тактического хода, непонятого его исследователями.

Итак, сюжет «Вепхис ткаосани» совершенно самобытен, он создан самим Шотой, и никакими образцами для этого поэт не пользовался. Тем больше трудностей стояло перед ним и тем удивительнее те своеобразные приемы, при помощи которых он эти трудности преодолел. Он дает полную картину современных ему событий, но тут же вносит деталь, которая должна показать, что он имеет в виду не те события, о которых все могут догадаться. Описывая коронавание в семье царя Ростевана, он вводит приемного сына Автандила. А как протекало в действительности коронавание Тамары? Участвовал ли в нем Давид Сослан, приемный сын Георгия III? Мы не имеем спи-

ска лиц, приглашенных Георгием III во дворец в день коронавания дочери, но можно утверждать, что в числе присутствовавших на коронавании Тамары Давида Сослана не было; иначе картина торжества в семье Ростевана была бы точной копией с действительности, и Руставели трудно было бы пустить версию о том, что сюжет своей поэмы он заимствовал из иранского сказания. Вводя Автандила, он как бы устранял этим всякую аналогию с жизнью царской семьи Георгия III.

Но этим Шота преодолевал еще не все трудности. Была ведь и третья царская семья — индийского царя Парсадана, в которой разыгралась большая драма, кончившаяся бегством приемного сына Тариеля. Как увидим дальше, в семье Георгия III тоже произошло загадочное событие — смерть царевича Демны во время восстания Орбелиани, и Шоте надо было так построить сюжет своей поэмы, чтобы не дать повода думать, что события, происшедшие в семье царя Парсадана, имеют какое-нибудь отношение к грузинской царской семье.

Тариель скрывался, Нестан-Дареждан была похищена, и Шота полагал, что этих фактов достаточно, чтобы думать, что в этой семье не могло произойти коронавание с участием приемного сына — Автандила; следовательно, то, что произошло в семье царя Парсадана — бегство приемного сына, похищение царевны — не может касаться Георгия III, коронованного свою дочь на царство с участием приемного сына.

Но Руставели должен соединить эти две царские семьи — Ростевана и Парсадана, и он дает сцену, как на охоте, устроенной по случаю коронавания, царь Ростеван видит на опушке леса фигуру Тариеля в бар-

совой шкуре, рыдающего в глубоком отчаянии. Конечно, не случайно Шота напоминает Ростевану в день торжества о существовании Тариеля. И не без причины Ростеван впадает в такую глубокую тоску после того, как посланные им слуги не могли схватить и доставить ему Тариеля. Между торжествами в семье царя Ростевана и событиями, происшедшими в семье царя Парсадана, Шота устанавливает единство действия через Тариеля; этим он дает основание считать, что речь идет здесь о третьей семье — царя Георгия III. В этом сказался истинный гений: Шота ни на йоту не поступился художественной правдой, хотя, нет сомнения, он сознавал, что дает в руки своих врагов опасное оружие, которое, в случае необходимости, они могут повернуть против него.

Взяв на себя задачу описать Тамару и события, сопровождавшие ее восшествие на престол, он, разумеется, поставил себя в необходимость быть очень осторожным. Как же разрешает он эту трудность, связанную с описанием главной героини? Он описывает ее в лице Тинатин, если можно так выразиться, в царских тонах и с большим почтением. Тут соблюдены все меры, и мы видим, что Руставели мастерски справляется со своей задачей. Современники узнали в образе Тинатин царицу Тамару.

Но Руставели хотел показать и другую сторону, ту интимную сторону жизни царицы, которую нельзя было открыто сделать достоянием гласности. Эту сторону он знает хорошо, и она меньше всего может прославить его героиню. Но во имя своих целей, о которых скажем ниже, он не только находит нужным сделать это, но видит в этом основную задачу поэмы. Возникает другой образ той же Тамары — образ Нестан-Дареджан, жизнь которой он подробно описыва-

ет в передаче Тариеля вплоть до момента, когда Тариель, по ее настоянию, убил ее жениха.

С этого момента Тариель, принужденный покинуть Индию, потерял свою Нестан-Дареджан. Обстоятельства ее исчезновения столь неправдоподобны, что не вызывают никакого сомнения в их вымышленности: какие-то два раба, по поручению захотевшей покончить с собой после убийства жениха Давар, схватили царскую дочку и увезли ее, чтобы потопить в море. Они топят ее в течение нескольких лет, путешествуя по морям в лодке и возя свою пленницу в особом сундуке. Только два раза они причалили к берегу. В первый раз их увидел Придон, но они благополучно скрылись от него, а во второй раз Фатман приказала своим рабам поймать и убить их и освободила пленницу. Но она снова попадает в плен, теперь уже к царям, — сначала к одному, потом, после бегства при помощи той же Фатман, к другому.

Эта сказочная обстановка исчезновения, с одной стороны, действительно создает иллюзию фантастики и выдумки, а с другой—ясно указывает, что Нестан-Дареджан была потеряна, но потеряна для Тариеля. Свою сказочную обстановку автор выдумал неспроста. Похищение Нестан-Дареджан, конечно, аллегория, образ, но образ, который недалеко ушел от действительности.

Тамару, после ее восшествия на престол, окружили царедворцы, изолировали ее от всех посторонних влияний, и естественно, что Тариель глубоко ненавидит этих «похитителей», которых он проклинает, но бессилен что-либо предпринять против них. Сам автор не щадит красок для описания этих «каджей» — чертей, во власти которых она в конце-концов оказалась. Надо вырвать у «каджей» Нестан-Дареджан, надо

разрушить каджетскую крепость, взять ее силой, чтобы достичь своей цели.

Но один Тариель бессилен что-либо сделать. И вот к нему является друг Автандил, который помогает ему в достижении цели. Этот друг является не сам от себя — он послан на его розыски Тинатин, и когда он находит Тариеля, Тинатин вторично посылает его помочь Тариелю найти Нестан-Дареджан. Тот идеальный образ Тамары, который дан автором в лице Тинатин, заставляет его приписать поиски Тариеля и помощь ему инициативе Тинатин.

Самой привлекательной фигурой поэмы является Автандил. Под этим именем изображено лицо, близкое к царской семье, активно участвующее во всех описываемых событиях. Он верный друг Тариеля, человек, лением которого заслушивалась природа; он любит жизнь, женщин, веселье, и его рассуждения часто поразительно совпадают с авторскими отступлениями...

В лице Автандила Шота по всем данным изображает самого себя; и если отрешиться от того, что Автандил — военачальник, все остальные черты рисуют его как человека свободной профессии, не связанного ни с чем и могущего всецело отдать помощи своему другу.

Обстановка, среда, в которой развивается действие поэмы, показывают ее национальный характер еще более, чем самый сюжет; это подтверждает каждая мельчайшая деталь описания, хотя поэма изобилует наименованиями негрузинских местностей и стран, отчасти вымышленных, отчасти же и существовавших в действительности.

Поэма начинается с того, что царь Аравии Ростеван провозгласил свою дочь Тинатин царицей; по

этому поводу происходит торжество. Такое торжество могло произойти только в столице Аравии. Какую же Аравию имеет в виду автор: собственно Аравию, Аравийский полуостров или историческую Аравию, арабский халифат? Если Аравийский полуостров, то в описаниях этой страны, покрытой пустынными песками, где-нибудь должны были промелькнуть хотя бы намеки на эту особенность Аравии. Но в описаниях охоты, устроенной во время торжеств, мы видим, что местность кругом столицы Ростевана изобилует лесами и дичью. Это природа не собственно Аравии.

Допустим, что автор имеет в виду современную ему Аравию, иначе говоря Арабский халифат, столицей которого был знаменитый город Багдад. Здесь, конечно, природа не пустынна, но ведь и сам Автандил и его герои не сидят только в столице, а предпринимают отдаленные путешествия, и все же в поэме нигде нет даже намеков на эти специфические арабские пустынные ландшафты.

Но вот Автандил прибыл в Гуланшаро, где празднуют Навруз—мусульманский новый год. Он попадает к Фатман—жене первого купца этого города—Усена. Имена этих лиц безусловно мусульманские. Но Фатман — мусульманка — принимает мужчин в отсутствие мужа, рассказывает, как она бывает при дворе и, как бы предвосхищая на семьсот почти лет пушкинскую Татьяну, пишет Автандилу письмо с признанием в любви. Все это еще может иметь место, если не в действительности, то в поэтическом произведении. Но чтобы мусульманин напился во дворце своего повелителя до положения риз — этого не могло быть даже в арабской сказке. А Фатман рассказала Автандилу, как ее муж Усен в пьяном виде прогово-

рился во дворце, что у него в доме скрывается Нестан-Дареджан.

Вместе с тем, описывая встречу багдадских купцов с Автандилом, автор вкладывает в их уста слова: «Мы багдадцы, купцы, исповедники мусульманской религии, никогда не пившие вина». Противоречие явное, но вполне понятное, если учесть, что автор описывает, в сущности, события, происходящие не в Аравии, а у себя на родине, и вымышленную среду он берет только для маскировки.

Хотя Индию Шота описывает меньше, чем Аравию, все же интересно проследить как отражается в поэме эта страна, особенности которой известны всем. Ни о магах и иогах, ни о боевых слонах, этой особенности тогдашних войок Индии, автор не упоминает. Описания двух таких противоположных стран, как Аравия и Индия, сходны в мельчайших деталях и, что удивительнее всего, обе эти страны поразительно похожи на Грузию. Горы, леса, реки, зелень — такая природа, которую сочными красками описывает Шота.

Но какие страны имеет в виду автор, когда он изображает царство морей, Мулганзанзарес, Гуланшаро, Хатаетское царство и крепость «каджей»? Под царством морей, без сомнения, надо понимать Византию, Константинополь, который лежит действительно в центре «всех» морей, игравших такую роль в древности—Черного и Средиземного. Под Мулганзанзарским царством надо, очевидно, понимать Трапезундское царство или пограничную с ним область, находившуюся под властью Грузии. Гуланшаро — это черноморское побережье Грузии, по всей вероятности, область, примыкающая к реке Риону при впадении его в море. Реки в древности играли огромную хозяй-

ственно-экономическую роль, и, возможно, в устьях Риона действительно был расположен цветущий грузинский город.

Из географических мест, описываемых Руставели, основное внимание привлекает Каджетская крепость. В нее заключена похищенная Нестан-Дареджан. Крепость берут открытой силой Тариель, Автандил и Придон, чтобы освободить пленницу. Находилась ли в действительности где-либо Каджетская крепость или это аллегория, образ? Под «Каджетией» автор безусловно подразумевает не крепость в прямом смысле, а тех лиц, те социальные группировки, которые окружили, вернее, опутали царицу Тамару, когда она после смерти отца сделалась самостоятельной правительницей Грузии.

Надо отметить еще пещеру, где проводил время Тариель. Он завладел ею после ожесточенной борьбы с «дэвами» — сказочными гигантами. После победы над ними ему достались огромные сокровища. Эти сокровища и оружие Тариель с Автандилом и Придоном используют для борьбы с каджами. Что это — простой вымысел или нечто подобное могло иметь место?

В Грузии популярно предание о том, что где-то в пещерах под Казбеком спрятаны несметные богатства, когда-то скрытые здесь грузинскими царями, спасавшимися от врагов во время бесчисленных нашествий на Грузию. Возможно, что эти пещеры, эти сокровища и имел в виду автор, создавая поэтическую обстановку жизни Тариеля, ушедшего от людей.

Нельзя не остановиться на заглавии поэмы. Как это ни странно, но и его перевод на русский язык порождает некоторые сомнения. «Вепхис ткаосани» — грузинское название поэмы Руставели — по устано-

вившейся традиции переводят как «Барсову кожу» или «Витязь в барсовой (тигровой) шкуре». Но этот перевод неточен. «Вепхи» — по-грузински означает и барса и тигра, «ткави» — означает и кожу и шкуру. Но дело не только в слове «ткави». Автор употребляет не «ткави», а «ткаосани». Слов, подобных этому, в грузинском языке немного. «Хелосани» — ремесленник, «цхеносани» — всадник, «мандилосани» — мудрец, «джадосани» — кудесник и др., — все они обозначают какую-либо профессию. По аналогии, «ткаосани» должно означать «кожевник». Повидимому, в этом смысле и употребляет Руставели это слово, придавая ему совершенно особое значение. Автор имел в виду, конечно, не то, что его герой Тариель является кожевником. Смысл этого названия заключается в том, что Тариель обладает такой силой и ловкостью, таким мужеством и неустрашимостью, что даже встреча с таким хищником как барс, вызывающая у всякого другого неминуемое желание искать спасение в бегстве, для Тариеля — только счастливый случай убить хищного зверя и снять с него шкуру. Таким образом, «Вепхис ткаосани» в точном переводе по смыслу должно было бы означать не «Барсову кожу», а скорее «Победителя барсов».

Но возникает вопрос, почему «вепхи» переводят барс, а не тигр? Конечно, формально и тот и другой перевод был бы правилен. Но автор, видимо, придавал очень большое значение названию «вепхи»; Тариель прямо говорит Автандилу, что «вепхи» напоминает ему любимую им Нестан-Дареджан, и потому шкура барса служит ему платьем, которое ему шьет Аснат. Мы укажем в дальнейшем, какое значение имеют эти слова; здесь же надо отметить, что Руставели под словом «вепхи» имеет в виду только барса,

который при встрече с человеком принимает самые угрожающие позы, но никогда по своей инициативе не нападает на него. Автор не без умысла выбрал именно это название, необходимое для характеристики главной героини. Таким образом, все существующие переводы неточны. Но в них и нет особенной необходимости и правильнее было бы, подобно «Гайявате», «Шах-Наме» и др. сохранить на русском языке за поэмой ее грузинское заглавие «Вепхис ткаосани».

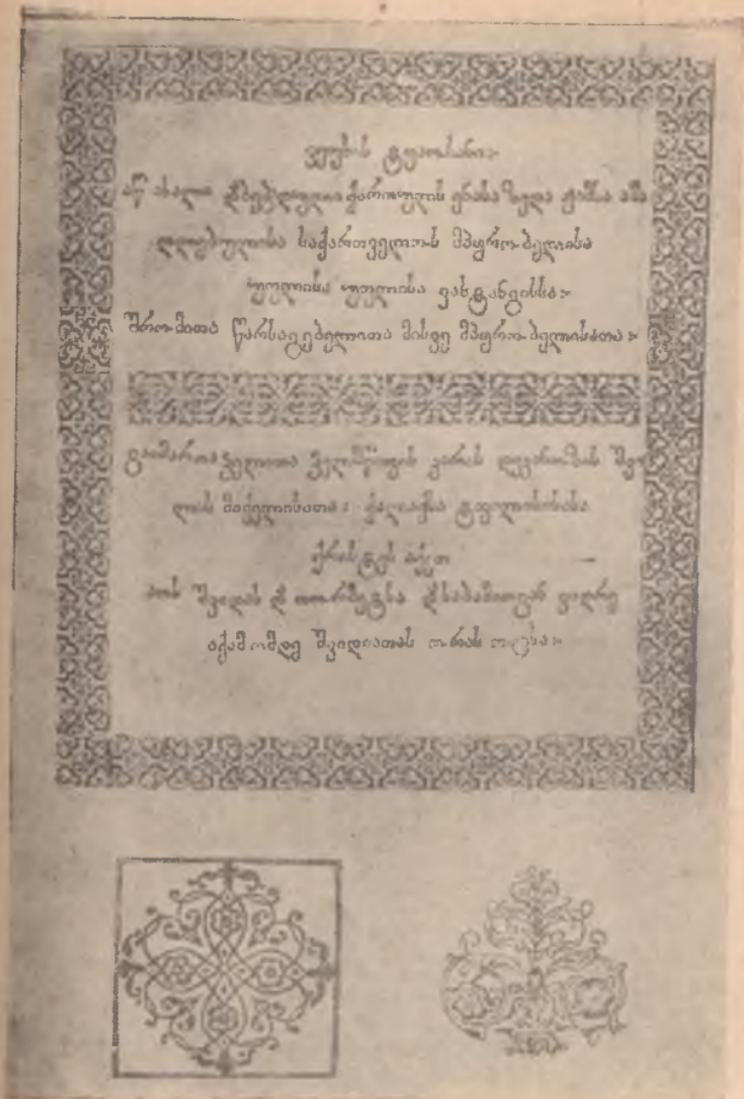
РАССКАЗ ТАРИЕЛЯ О СЕБЕ

Поэма Руставели не только не оторвана, как мы установили, от национальной почвы Грузии — она полное отражение окружавшей автора действительности. В основу ее положено описание той политической борьбы, которая завязалась в конце XII века в Грузии между старой родовой знатью и высшими представителями церкви, с одной стороны, и новой служилой знатью — с другой. Борьба эта сконцентрировалась вокруг трех лиц: Тамары, Сослана и Демны — вождей существовавших группировок.

Даже не зная, о ком идет речь в поэме, и следуя только за художественными образами автора, читатель сразу входит в жизнь изображаемых героев, и их переживания делают его переживаниями. Когда же из-за фигуры Тариеля на вас смотрит Давид Сослан или за Тинатин и Нестан-Дареджан скрывается сама Тамара; когда вы узнаете, что бесконечно привлекательный образ Автандила, так бескорыстно и преданно помогающий своему другу Тариелю — это сам Руставели; что Придон — это русский князь Юрий, первый муж Тамары, — тогда перед вами открывается подлинная история, претворенная гением Руставели в художественно совершенную поэму, прославившую в веках и самого автора и грузинский народ.

Шота не уклонился от происходившей борьбы, он

Титульный лист первого печатного издания поэмы
Шоты Руставели «Вепхис ткаосани»
Тбилиси, 1712 год. Издана под редакцией Вахтаंगा VI

აღსანიშნავი პირობების დაცვა : მისთვის ნუ გავიწყდებათ
 საღვთისა მართალ ცუმა ღმერთის : თუცდ რომელიც იყო სამხრეთ
 ქრონიკის მანქანებზე : ვინ ღმერთს ცხრესთან დინგ
 24 მს ტომთა ვო ცო მუხამ : იყო ვინამ მისნეცხრეს
 25 რეკონსთან სძვრო : ვო-ლითის პირთუ მუხამ
 26 მის ცხრეს სოლომონს : მუხამ სძვრეს მ-ს მსწავლე
 მუხამ ვინ დამამს იყოღმერთს : მუხამ ვინ დამამს
 მუხამ ვინ მუხამ : მის მუხამ ვინ დამამს
 მუხამ ვინ სანთის მანამ : მუხამ ვინ დამამს
 27 მანამ ვინ დამამს : მის მუხამ ვინ დამამს
 28 მანამ ვინ დამამს : მის მუხამ ვინ დამამს

Оборотная сторона титульного листа «Вепхის ტკაოსანი» с гербом грузинских Багратидов

не стал уединяться и искать вдохновения для своего гения вне окружавшей его действительности.

Наоборот, он принял в этой борьбе самое деятельное участие не только в качестве политического борца, но и как художник, преломивший сквозь призму своего гения и людей и события. Он хорошо знал силу художественного слова, и когда он писал, что природа и звери внимали пению Автандила, и даже камни выходили из воды, чтобы слушать его, то имел в виду воздействие, которое должна оказать его лира на течение и исход происходившей борьбы.

Витязь пел. И, слыша пенье, звери в чары удивленья
Приходили. С негой мленья камни встали из волны.
И дивились, и внимали. Плакал — плакали в печали.
Песню грустную качали волны, тихие, как сны.

Сослан был затравлен и вычеркнут из жизни, и мы не должны удивляться, что симпатии Шоты всецело на его стороне. Тариель — это Сослан. Его Шота сдала главным героем и ему посвятил свою поэму, как он сам пишет в ее заключительных строфах.

К достижению своей цели Руставели стремится очень простыми средствами: художественной передачей правды. Во всей поэме, при самых строгих требованиях, мы не найдем ни одного ложного положения, ни одной фальшивой строфы. Шота прибегает к вымыслу, фантастическим положениям, к выдуманной обстановке, но лишь только он касается людей, их переживаний, их тайного-тайных, — он становится правдив, реалистичен, как может быть правдив тончайший художник-реалист, умеющий находить в своих героях те черты, благодаря которым они вырастают в вечные, неумирающие образы.

В целях маскировки Шота строит сюжет своей поэмы крайне сложно. Сначала он дает картину торжества по случаю коронования Тамары, а затем, показав Тариеля на охоте, он устанавливает через него связь между событиями, происшедшими до этого коронования и последовавшими за ним.

При анализе поэмы и раскрытии смысла описанных в ней событий удобнее следовать не порядку изложения, принятому автором, но тому течению событий, которое имело место в политической жизни Грузии, чтобы легче установить их внутреннюю связь с поэмой.

Такой порядок важен тем, что, зная действительные события, мы лучше поймем приемы маскировки, использованные Шотой, чтобы затушевать побочные факты и сосредоточить основное внимание на самых важных узловых моментах происходившей политической борьбы.

Хронологически рассказ Тариеля охватывает события, имевшие место в царской семье еще до воцарения Георгия III. Тариель говорит, что Индия состоит из семи царств, причем седьмое царство принадлежит его отцу, добровольно присоединившему его к Индии и назначенному за это главнокомандующим всеми военными силами государства. Сам Тариель воспитывался при дворе индийского царя и считался его приемным сыном. Легко установить, что Индия в XII веке не состояла из семи царств, и этот рассказ относится, конечно, не к Индии, а к Грузии, которая в XII веке включала в себя Карталинию, Кахетию, Самцхе (Сатабаго), Сомхетию, Абхазию, Имеретию и Осетию. Рассказ Тариеля относится к Осетии, царевичем которой был Давид Сослан. Летописец Тамары, начиная описание ее самостоятельного царствования после смерти Георг-

гия III, прямо говорит, что съехали представители семи царств, из которых состояла Грузия.

Здесь характерны даты. Тариель говорит, что ему было пять лет, когда у царя родилась дочь. Мы знаем, что Тамара родилась в 1156 году и в том же году на престол вступил Георгий III. Значит, присоединение Осетии к Грузии произошло еще при отце Георгия — царе Дмитрие, и состоялось, очевидно, на определенных условиях с предоставлением царю Осетии амирспассаларства (главенства) над грузинскими войсками. Выходит, что Сослан родился еще при царе Дмитрие и был взят на воспитание в царскую семью. Георгий III, очевидно, принял по наследству обязательство отца в отношении осетинского царя.

Но в словах Тариеля имеется неточность. Его не могли усыновить до Георгия III при дворе Дмитрия, — у последнего было два сына, — и тем более не могли воспитывать на мысли, что в будущем он сможет занять трон Грузии. Все это было позднее, и эта маленькая неточность вносится автором, видимо, сознательно, чтобы затушевать действительность.

Тариель говорит, что, когда умер его отец, ему было около пятнадцати лет, и царь назначил его спассаларом армии, — должность, которая перешла к нему как бы по наследству от отца. Он воспитывался вместе с царской дочерью, но, когда она стала подрастать, царь построил ей особый дворец.

Царь воздвиг дворец. Как чара, в нем чертог из безоара,
Из рубинового жара гиацинтов вырезных
Для нее. А перед домом — садик малый с водоемом.
Розы в зеркале знакомом ддили пламень грез своих.

Тамара действительно имела в Исани свой дворец, но, конечно, она жила не изолированно.

Характерно в рассказе Тариеля указание, что он рос с мыслью, что трон Индии должен перейти к нему.

Мне пятнадцать лет уж было. Сердце было полно пыла. Воля царская взрастила, как царевича, меня.

Очевидно, при дворе Георгия III создались группировки, которые хотели противопоставить законному претенденту на грузинский трон, царевичу Демне, росшему в семье Орбелиани, Давида Сослана, и эта мысль крепко засела в голове последнего.

Это надо иметь в виду для понимания той сцены, когда Тариель рассказывает Автандилу о потрясении, которое он пережил при встрече с Нестан-Дареджан. Однажды он—Тариель, вернувшись вместе с царем с охоты, стоял у входа в покои царевны. Увидев ее сквозь раздвинувшиеся шторы, он был так поражен ее красотой, что упал в обморок. Он болел долго, у его изголовья совещались умнейшие люди страны, погруженные в чтение священных книг; наконец, он стал постепенно поправляться.

Эту сцену не следует понимать в прямом смысле. Здесь Шота, очевидно, имеет в виду совершенно другие обстоятельства. Не мог, в самом деле, Тариель, росший вместе с Нестан-Дареджан, быть пораженным ее красотой настолько неожиданно, что это явилось причиной обморока и послужило переломным моментом в его жизни.

Значение этой сцены в ином. Сослан рос с мыслью о возможности в будущем занять трон Грузии. Его увлечение Тамарой могло протекать в полной гармонии с его честолюбивыми замыслами, и потрясение, пережитое им, вызвано было, очевидно, вовсе не тем, что он был поражен красотой подруги своего детства.

По мере того как подрастал Демна, для всех стало ясным, что наступает момент, когда он заявит свои права на трон. И прежде всего это было ясно самому Георгию III. Между ними были возможны и столкновения и компромиссы, и нет сомнения, что прежде, чем решиться на крайности, обе стороны искали выхода в компромиссе. Известно честолюбие Тамары и ее мечты о троне, и неудивительно, что в числе выходов из сложного положения был намечен также брак Тамары с Демной. Сослана могло потрясти так сильно именно это обстоятельство. В один далеко не прекрасный для него день перед ним раскрылась завеса, — кто-то приподнял ее, — и Сослан был поражен этим известием так сильно, что оказался на краю гибели.

Он терял все, — и трон и любимую женщину. Ничто не могло уже помочь ему, и вся надежда была на мудрость людей, погруженных в священные писания. Это очень характерно. У изголовья Тариеля именно в этих книгах искали способы его исцеления. Очевидно, брак Тамары и Демны, двоюродных брата и сестры, мог быть разрешен только церковью. Чтение священных книг продолжалось довольно долго, и это свидетельствует, что борьба велась долгая и упорная. Наконец, настал день, когда Тариелю предрекли выздоровление. Спор кончился, и не в пользу неожиданно всплывшего брачного проекта.

После того, как Тариель оправился, он жил уже не во дворце, а у себя дома. Характерная деталь. Если бы причиной болезни была любовь, то меньше всего могло помочь Тариелю удаление из дворца. Наоборот, он стремился бы находиться ближе к своей возлюбленной. Но, очевидно, причина его болез-

ни была иной, и ему пришлось почти демонстративно покинуть дворец.

Как ни серьезны были обстоятельства, вызвавшие его болезнь, он все же имел еще время, чтобы обдумать свое положение и принять решение. Пока же он взял себя в руки и предался охоте, верховой езде, играм и веселью.

Болезнь Тариеля, виновницей которой была царица, не помешала ей поддерживать с ним отношения, основанные на дружбе и даже любви. Она пишет Тариелю через Аснат, что и раньше не была против замужества с ним, но находит, что время для этого еще не наступило. Обещав, таким образом, ему все, но ничего не предлагая в данное время, царица призывает его забыть тоску и больше думать о ратных делах. Она тут же сообщает, что ей доставляют много забот «хатаеты», которые задумали отказаться от платежа дани и хотят начать враждебные действия. И она предлагает Тариелю предупредить это выступление и привести данников к покорности.

Характерно, что, постоянно встречаясь с царем и состоя амирспассаларом войск, Тариель узнал о намерении «хатаетов» не от царя и не сам пришел к выводу о необходимости выступления против них, хотя по должности обязан был заботиться о безопасности государства; он получил указания об этом от юной царицы, которая уже тогда не только обнаружила знание государственных дел, но приняла решение обуздать данников и предложила Тариелю его выполнить.

Что это за народ «хатаеты», против которых предлагает выступить Тариелю царица? Под «хатаетами» обычно понимают население Китая, но удивительно точное определение этого дает в своей

поэме Руставели. «Хатаетс мкопни квелани чвени мохарджения»—«Все пребывающие в Хатаетах являются нашими данниками». Более точно определить область, о которой идет речь, — трудно. Это граничащие с Грузией степи Караяз, Мугани, Ширака, куда заходят кочевники; их-то и предлагает Тамара привести к покорности.

Расчет царевны оказался правильным. Тариель написал письмо Рамазу, хатаетскому царю; тот оказался выполнить его требования. Тариель этого только и ждал. Он быстро двинулся в Хатаетию, ворвался с маленьким отрядом конницы в центр войск Рамаза и, разбив их, вернулся на родину победителем.

Интересная деталь: в боях с Тариелем в Хатаетии неприятель «применял дым». Некоторые, ссылаясь на этого момент, пытаются доказать, что Руставели было известно употребление пороха. Это, конечно, не так: в те времена употребление огнестрельного оружия еще не было известно. Целое столетие оставалось до его изобретения. Говоря о дыме, Шота имеет в виду не огнестрельное оружие, а способ сигнализации, принятый в старину в степных районах для предупреждения о приближении врага. Русские при приближении степных татар тоже зажигали столбы, обложенные соломой, давая этим знать об опасности, о необходимости привести войска в боевую готовность.

Вернемся, однако, к Тариелю. Он взял в плен Рамаза и с триумфом возвратился домой.

Казалось, недоразумение, возникшее в царской семье, уже изжито. Тариель исполнил желание царевны. Она довольна победой, одержанной Тариелем над непокорными данниками. Если она и обладает

честолюбивыми замыслами, то теперь нет препятствий посвятить в эти замыслы и Тариеля.

Она ведь писала ему: «Шенган чемиса крмобиса цинасац викав мдомниа» — «Я и раньше хотела выйти за тебя замуж» и, значит, нет причин, которые могли бы их разединить. Разве только несогласие отца? Но с этой стороны не может быть никаких неожиданностей. Ведь Тариель воспитывался при дворе как будущий властелин, ему внушали мысль, что трон должен перейти к нему, и царь и царица смотрели на него и свою дочь с упованием, как на будущих своих преемников. Повидимому, все шло к благополучному концу.

До сих пор мы излагали отдельные, мелкие эпизоды из рассказа Тариеля. Перейдем к тому месту поэмы, которое является основным — к убийству жениха. С этого события начались все несчастья действующих лиц. Тариель бежал. Нестан-Дареджан была похищена. Автандил отправился искать сначала Тариеля, потом Нестан-Дареджан.

Кто же такой этот жених и почему он так неожиданно появился? Оказывается, он наследник престола Хварезмского царства. Удивительный прием у Шоты! Описывая царскую семью Георгия III, он для маскировки выбирает не какие-нибудь вымышленные страны, а исторически существующие государства — Индию, Аравию — и описывает царствующих в них лиц. Шота точно отсылает читателя в эти страны, чтобы проверить описываемые события, хотя, конечно, заранее можно сказать, что ни в Индии, ни в Аравии ни единого элемента из сюжета поэмы обнаружить нельзя.

Этот прием историчности Шота применяет и в отношении жениха, неожиданно всплывшего на поверх-

ность грузинской политической жизни. Хварезмское царство — не выдумка, а действительно существовавшее в Средней Азии государство. Когда автор говорит, что наследник Хварезмского царства выступил претендентом на руку царской дочери и, тем самым, на престол Грузии, создается впечатление, что этот исторический факт поддается проверке, его можно установить по летописям и Грузии и Хварезма. На самом деле таких летописных данных не существует и не существовало, и для современников ясно, что речь идет не о «хварезмском женихе». Вымышленный характер этой фигуры устанавливается в поэме и обстоятельствами решения вопроса о браке. Царь вызывает к себе Тариеля и говорит ему, что он не имеет наследников и хочет выдать дочь замуж, чтобы передать трон ее мужу, а самое главное, чтобы не прекратился его род: «Роме мивцет тахти чвени, сахет чвенат гамовсахот, самепоса вапатронот, сахелципо шевинахот, ар амовцхдет». Последнее выражение ясно говорит, о каком женихе идет реч. «Ар амовцхдет! — «Чтобы род не прекращался!» Но разве мог Георгий III выдать дочь замуж за хварезмского царевича, зная, что род Багратидов тогда прекратится и начнется уже род хварезмов? Следовательно, речь идет об особом женихе, о котором царь решает поговорить прежде всего с Тариелем и убедить его в неизбежности этого «брака».

Он воспитывает в своей семье приемного сына, Тариеля, который, как он недавно убедился, любит его дочь. Он не скрывает ни от Тариеля, ни от окружающих, что, не имея сыновей, воспитывает Тариеля как своего будущего преемника. Однако он не идет на этот последний и единственно правильный при таких условиях шаг.

Он созывает совещание и прямо ставит вопрос о необходимости брака с хварезмским женихом. Больше того. Получается так, что брак этот неизбежен. Казалось, лишь только Тариель узнает об этом, он должен со всей силой протестовать против матримониальных планов царя. Они для него не что иное, как полная катастрофа.

Все говорит за то, что царь должен провести свои планы против воли Тариеля и, во всяком случае, ему незачем советоваться с ним — ответ Тариеля ясен заранее.

Но Тариель является амирспассаларом царя, и без него не может состояться совещание; он действительно участвует в нем. Царь правильно учел, что вопрос о браке его дочери касается в первую очередь Тариеля, и на совещании он предоставил ему первую роль визиря, иначе говоря, руководителя всего собрания. При таких условиях голос Тариеля имеет решающее значение.

Как же он ведет себя на этом важнейшем совещании? Тариель рассказывает:

Мы менялись советом, что пристойней в деле этом.
Стало тьмой, что было светом. Я молчал, томясь тоской.
Царь сказал: «Хваразмша силен. Хваразмийский край обилен.
Сын Хваразмши юн, умилен. Есть ли где еще такой?»

Все вперед они решили. Приговор был в полной силе.
Речи сдержанны их были. Чем бы мог я помешать?
Возражать им не дерзал я. Как земля, как пепел стал я.
В сердце трепетном дрожал я. Трудно было мне дышать.

Совещание протекает тихо и гладко, без единого слова протеста со стороны Тариеля — словно речь идет о предметах, его совершенно не касающихся. Не

ясно ли отсюда, что речь на совещании шла не о женихе в прямом смысле этого слова, а о лице, который выступал претендентом на трон.

«Жених» — это снова только маскировка. «Жених» этот — не кто иной, как Демна, перед правами которого на трон отступает не только Сослан, но и сам царь. Собственно говоря, Руставели не без умысла называет Демну женихом. Он ведь и в действительности не так давно намечался женихом, но из этого ничего не вышло. Характерно, что собрание полностью считает, что «жених» должен быть признан и, значит, трон должен перейти к нему. После этого совещания дальнейшее решение уже лежало на царе. Он мог выполнить это постановление, но мог и отказаться от него.

Важен еще один момент — время, когда состоялось появление «жениха». Коронавание Тамары произошло в 1179 году в летней резиденции Натжармагеви. Это событие Шота изображает в картине коронавания Ростеваном своей дочери Тинатин. Во время этих торжеств и появился Тариель. Но Тариель, по его рассказу, бежал после убийства жениха и долго искал по морям исчезнувшую Нестан-Дареджан. Сколько времени продолжались эти поиски и когда Тариель снова очутился на суше, чтобы иметь возможность появиться во время коронационных торжеств? Тариель рассказывает Автандилу, что он носился по морям двадцать месяцев («тве тормети гамцоцда»); значит, от убийства жениха до нового появления Тариеля в Грузии прошло столько времени, сколько прошло от выступления Демны (которое состоялось в 1177 году) до коронавания Тамары — именно около двух лет.

Известно, что после некоторых колебаний Георг

гий III отклонил требование Демны о передаче ему отцовского трона. По сведениям, которые сообщает Шота о появлении жениха, видно, что колебания эти были весьма сильны, и Георгий III почти решил отказаться от трона и принять «жениха». Шота избрал остроумный прием для изображения выступления Демны в виде жениха и успел сообщить при этом много подробностей. Неизвестно, однако, чего здесь больше — раскрытия ли событий или их маскировки. Во всяком случае, цели своей Шота достиг мастерски и под видом появления жениха дал картину выступления Демны.

Дальнейшие подробности уже не интересуют Шоту, и он прямо переходит к изложению того, чем кончилось выступление претендента, оказавшегося в конце концов близ столицы в сопровождении вооруженных сил.

По описанию встречи, которая была организована «жениху», видно, что приближавшиеся к столице повстанцы были уже разбиты. И действительно, центром восстания Орбелиани и Демны был Лорийский район. Это выступление было подавлено местными правительственными войсками, движение Демны удалось локализовать, не дать ему возможности разрастись и переброситься в другие области государства, где у Демны имелось много сторонников.

Итак, «жених» — под столицей вместе с уцелевшими повстанцами, которых направили сюда, очевидно, для суда. Судьба самого «жениха» ясна. Раз он был взят в плен живым и, как пленник, направлен в столицу, его жизнь не могла подвергаться никаким опасностям. Он мог быть убитым во время боев или «нечаянно» где-нибудь в пути, но, попав в столицу, он был спасен.

Всякий суд над законным наследником грузинского трона, даже при обвинении в вооруженном выступлении, должен был неизбежно обратиться в суд над самим Георгием III, незаконно владевшим тронем Демны. Можно было подвергнуть жестоким наказаниям Орбелиани, как воспитателей Демны и руководителей восстания, — и это в действительности случилось, — но трогать Демну Георгий III не решился. Он был бессилен против Демны, и чем острее чувствовал он свое бессилие, тем беспощаднее была его расправа с Орбелиани.

Компромисс, который для Георгия III был, повидимому, выходом из положения до выступления Демны, мог быть еще достигнут и теперь. Дядя и племянник могли сговориться о разделении функций государственного управления при жизни Георгия III с тем, что после его смерти Демна законно вступит на трон. Для Георгия III это было тем более почетным выходом, что он был озабочен династическим вопросом: Демна был последним представителем грузинской ветви Багратидов.

Для самого Демны такой оборот дела был даже выгоднее. Если бы он одержал победу, ею воспользовались бы Орбелиани и стоявшие за их спиной группы старой знати и высших представителей церкви. Прикрываясь его именем, они хозяйничали бы в стране по своему произволу, освободившись же от их опеки, он мог самостоятельно разобраться в окружающей обстановке и, сблизившись со своим дядей, скорее достигнуть всего, к чему стремился.

Однако имелись группировки, которым такой исход был невыгоден. Эти группировки не могли действовать через Георгия III или, во всяком случае, влияние их на него было ничтожно, поскольку он обычно

рѣшал все сложные вопросы самостоятельно. Поэтому они избрали окольные пути и сосредоточили свое внимание на женской половине двора, где центральной фигурой была сестра царя, Русудан, воспитательница Тамары, которая через Тамару имела влияние и на царя. Здесь созревали самые опасные планы и подыскивались исполнители для них.

Стало известно, что разбитые повстанцы будут доставлены в столицу, где их должен принять амирспассалар Тариель. И действительно, Тариель во главе своего отряда встретил «жениха» на расстоянии одного привала от столицы, принял на себя все заботы по доставке его в столицу, и безопасность «жениха» теперь зависела от него одного. Сюда и устремила свои усилия женская половина двора, стремясь осуществить свои кровавые планы через Тариеля.

Подготовка заговора против Демны и осуществление его составляют самую трагическую часть всей поэмы Руставели. Надо было обладать огромной смелостью, чтобы с таким бесстрашием вскрыть закулисную сторону этого убийства и назвать лиц, которые были его инициаторами и вдохновителями.

Мы видели, что под «женихом» подразумевался царевич Демна. Он должен был стать продолжателем рода Георгия III, иначе говоря Багратидов, и Тариель-Сослан принужден был молча отойти со своими честолюбивыми замыслами. В том, что «жених» — не кто иной, как царевич Демна, в особенности убеждает нас поведение самой невесты Нестан-Дареджан. Ее положение было вовсе не так тяжело, как это может показаться с первого взгляда. В освещении Шоты она была не из тех царевен, которых выдают замуж, не спросив их согласия. Она могла очень просто разрешить вопрос о своем женихе — решительно и

бесповоротно отказаться от замужества, и отец должен был с этим считаться. Вместо этого в ее голове созрела решимость довести дело до убийства жениха. Кто внушил ей эту мысль — другой вопрос, важно, что она предстала перед Тариелем с готовым планом — отделаться от жениха. Значит, другого выхода у нее не было. Это — лишнее доказательство, что речь идет не о женихе, а о претенденте на трон, с появлением которого Тамара теряла всякую надежду быть когда-либо не только на троне, но и близко к нему. Не будь этот жених ее двоюродным братом, она не смотрела бы на положение дела так безнадежно и именно в замужестве постаралась бы найти разрешение вопроса. Но это было невозможно, и в ней созрела решимость довести дело до кровавого конца.

Шота словами Тариеля подробно описывает, как царица, едва достигшая двадцати одного года, властно склоняет друга своего детства на убийство «жениха». Вся эта сцена производит огромное впечатление даже теперь, спустя много столетий, какое же действие должна была она оказывать на современников, когда вдохновительница убийства уже около восьми лет была на троне! Как мог Руставели решиться на введение этой сцены в свою поэму и неужели он не учел того, что он наживает себе самых озлобленных врагов?

Но в том-то и дело, что политическая борьба, происходившая в Грузии, приводила к тому, что участники ее попадали в самые неожиданные положения. Что Сослан был заинтересован в появлении этой сцены, нет никаких сомнений. В известном смысле он был реабилитирован в глазах общественного мнения и, хотя обвинение в убийстве продолжа-

до тяготеть над ним, у него были смягчающие вину обстоятельства — он действовал под влиянием аффекта и подстрекательства любимой женщины. Но как могла допустить появление этой сцены Тамара? Ведь разоблачение касалось в первую очередь ее самой, и если даже предположить, что она была жертвой интриг, созданных ее теткой, все же факт остается фактом — Тариеля уговаривала не тетка, а царица.

Думать, что Шота ввел эту сцену без ведома Тамары, едва ли возможно. Скорее всего Тамара оказалась в таких взаимоотношениях с Верховным собранием, что решила допустить «разоблачение», лишь бы какой угодно ценой освободиться от опеки реакционных феодальных кругов. Мы увидим дальше, что расчет ее и ее друзей оказался правильным, и удар «каджам» был нанесен верный.

Тариель начинает свой рассказ с того, что царица вызвала его к себе и, встретив холодно, стала упрекать, что он поступил по отношению к ней как предатель. Он был визирем на том совещании, где решалась ее судьба, как же он посмел провести постановление о ее замужестве, не протестуя, не пытаясь расстроить все эти планы.

Что ж, Хваразмша нареченный? Ты советчик был смиренный.
С клятвою твоей забвенной, там давал советы кто?
Растоптав бывшее рвенье, весь ты в зыби измененья.
О, когда б твои внушенья обратила я в ничто!

Конечно, упрек этот — вполне заслуженный, но Тариель мог с таким же правом возразить ей, что она, находясь около отца, зная о его намерениях, допустила обсуждение этого вопроса на совещании.

Тариель объяснил ей, что царь явился на совеща-

Иллюстрация — «Таргелъ»

Исполнена художником Ираклием Тоидзе для юбилейного издания поэмы
на грузинском языке

Иллюстрация — «*Рассказ Тариеля Автандилу
при первой встрече*»

Иса олена художником Ираклием Тондзе для юбилейного издания поэмы
на грузинском языке

ние, имея уже готовое решение, против которого он не посмел возражать. «Мат цинаве даемира има кмиса шени крмоба» — «Царь заранее обещал ему выдать тебя за него».

О своем праве на трон Тариель не забывает, но что он может сделать против воли царя?

Что мой дух свершить посмеет, если царь не разумеет,
Что над Индией не смеет стать никто другой — лишь я?
С правом я лишь притязаю — быть царем родному краю.
Кто придет сюда — не знаю. В этом воля не моя.

Выслушав Тариеля, царица заявила, что не хочет верить в его измену и двоедушие. Она считает, что еще не все потеряно. «Иаджди тавса чемса да морджмит Индоетс Плобаса, ме да шен давсджет хелмципет, сдjobос ковлся сидзе сдзлобаса» («Сделайся моим мужем и тем самым властелином Индии, я и ты будем царствовать — это лучше всякого сватовства»). Но для этого Тариель должен предварительно сделать одно — принять все меры, чтобы положить конец домогательствам «жениха». В противном случае он навсегда должен проститься с мыслью, что она когда-либо станет его женой.

Слова ее достигли цели, и Тариель решительно заявил, что жених и его войска испробуют силу его оружия. Но царица находит, что такое решение вопроса неправильно, что прямое и открытое нападение повлечет большое кровопролитие.

... «Осторожный, не пойдя тропой тревожной,
Лучший путь найдешь возможный, согласуя мысль с судьбой.
Жениху притти мешая и царя тем раздражая,
Что свершишь ты? Ссора злая растерзает край борьбой».

Поэтому предпочтительнее тайное убийство жениха, тогда все вопросы будут разрешены. Царь согласится на их брак, и они будут царствовать совместно.

«Жениха убей ты в тайной, быстрой скрытности один.
За дружиной же дружину убивая, как скотину,
Лишь умножишь ты кручину. Бремя крови — тяжесть льдин».

Для чего потребовался царевне столь сложный и опасный путь? Можно было убедить отца отказаться от своего намерения выдать ее замуж, можно было дожидаться приезда «жениха» и потом решительно отклонить его домогательства. Так проще было разрешить этот вопрос.

Но она не делает этого, не потому, очевидно, что считает бесполезным, а по той причине, по которой и Тариель молча примирился с «женихом», да и отец ее учел неизбежность и необходимость этого «брака».

Разве все поведение заинтересованных лиц не говорит о том, что «жених» претендует не на руку царевны, а на трон, что едет он не для брака, а для того, чтобы царствовать? Разве не ясно, что Шота под видом «жениха» описывает выступление Демны, и царевна озабочена не тем, что ее выдадут замуж, а тем, что от нее уходит трон?

Она предлагает Тариелю убить «жениха», чтобы царствовать совместно с нею, но ведь эта же перспектива ожидала ее и при замужестве с Хварезмским царевичем. Вопрос не в том, что она любила Тариеля и не любила «жениха».

Тамара, когда обстоятельства сложились для нее неблагоприятно, не остановилась перед тем, чтобы выйти замуж за нелюбимого ею русского князя Юрия, и царевну нельзя упрекнуть в том, что вопро-

сы брака она ставила выше вопросов государственных. Ей надо было покончить с претендентом на трон. И когда она говорит Тариелю, что, отделавшись от «жениха», они будут царствовать совместно, она знает, что аргумент этот подействует на Тариеля сильнее всего.

Тариель еще не решил вопроса, как он осуществит убийство и осуществит ли вообще, но сейчас, пока «жених» еще не прибыл, он весь во власти желаний и надежд, которые так щедро поселила в нем любимая им царевна. Она обещала и любовь и трон, надо только устранить с дороги препятствия, и мечта превратится в действительность.

Собственно говоря, для Тариеля и нет никакого вопроса. Если на пути к трону стоит «жених», он перешагнет через его труп. Надо искать только случая, чтобы совершить этот неизбежный шаг.

Тариель получает известие, что ожидается прибытие «жениха». Царь вызывает его к себе и сообщает свое решение: перед вездом в столицу «жениху» надо привести себя в порядок и поэтому он приказывает Тариелю приготовить привал, организовать охрану и дать «жениху» возможность как следует отдохнуть. Тариель устроил палатки, окружил место привала войсками, а сам уехал домой.

Но не успел он приехать, как его вызвала к себе царевна и встретила вопросом: предстоит ли ему бой или он опять предал ее и отказывается от мысли убить «жениха»?

Мы вошли в пределы крова. На подушке грозно снова
Там сидит она, сурово смотрит, клонит гибкий стан.
Говорит: «Чего зрираешь? Битвы день — ты это знаешь?
Или снова покидаешь? Или вновь в тебе обман?»

Тариель не сказал ни слова, сел на коня и направился прямо в лагерь. Он вошел в палатку «жениха» и убил его.

Не надо забывать, что Шота при описании сцены убийства был озабочен тем, чтобы замаскировать события и не дать повода для обвинений, что он излагает обстоятельства гибели царевича Демны. Но, даже учитывая это желание автора, надо поражаться той силе художественной правды, с какой передана эта сцена и предшествовавшие ей события, приведшие к такой развязке.

Почему «жених» не прямо везжает в столицу, а предварительно отдыхает в специально для этого подготовленном лагере? Допустим, что этого требовал церемониал встречи. Зачем же царь поручает эту гофмейстерскую обязанность Тариелю? Ведь он является только командующим армией. Наконец, царь должен был бы считаться с личным состоянием Тариеля. Нельзя же подвергать его такой пытке, чтобы заставить встречать человека, который идет отнять у него и любимую женщину и трон.

Все говорит за то, что, если бы это был жених, Тариель не мог и не должен был его встречать. Но другое дело, если это не жених, а Демна, уже потерпевший поражение в Сомхетии и теперь вступающий в столицу в качестве военнопленного вместе со своими разбитыми сторонниками. Тогда для его встречи нужны не церемониймейстеры двора, а командующий армией, принимающий под столицей от провинциальных войск пленников, которых нельзя сразу разместить в столице. Поэтому царь поручает командующему армией «моказмет карвита моэданиа» — приготовить привал для «жениха и его войск».

Но разве царь не мог предвидеть, что Тариель —

плохая охрана для «жениха», и что дело может закончиться трагически? Может быть, у него и не было другого выхода. У Демны в самой столице могло найтись столько сторонников, что, даже разбитый, он был опасен для победителей. Поэтому охрану пленников царь поручил наиболее преданному человеку. Мы видели, что из этого получилось.

Лишь только распространилась весть об убийстве, молва назвала его виновником Тариеля. Тотчас была организована погоня, и он увидел, что спасения ему нет. Отбившись от погони, он скрылся в крепость и обратился с воззванием о помощи к своим сторонникам. Но, повидимому, их у него оказалось мало.

Вместо сторонников к нему явилась делегация из трех царских вельмож и сообщила, что царь глубоко возмущен его поступком, что он воспитал его как сына, а Тариель вместо благодарности отплатил своему благодетелю убийством «жениха», которое ляжет позором на царский дом. Поэтому царь до самой смерти не желает его видеть.

Конечно, царь мог направить к крепости, в которой заперся Тариель, свои войска и схватить виновника убийства. Он не сделал этого, очевидно, потому, что сознавал: доля вины лежит и на нем. Посланцы прибыли, в сущности, не для того, чтобы передать Тариелю упреки царя — надо было дать ему возможность бежать, пока не поздно. Ничего другого Тариелю и не оставалось.

Но насколько мало понимал он создавшееся положение, показывает его ответ на слова царя. Тариель, который так покорно принял известие о «женихе» и так пассивно реагировал на то, что может лишиться и трона и любимой женщины, вдруг проникается уверенностью в своих правах.

Он решительно отвечает посланцам царя, что только он один является законным кандидатом на трон, ибо нет больше никого, кто имел бы на него право. И никто, кроме него, владеть престолом не смеет.

Сколько в Индии есть тронов, знаешь ты. И власть законов, Как вещанье громких звонов, говорит: наследник — я. Край и край, где связь соседства — знаю это с малолетства, Чрез тебя мое наследство. Это собственность моя.

Он забыл даже о своей любви к царской дочери или, вернее, готов отказаться и от нее. Он заявляет, что добивается не дочери царя, а престола.

Камни брошу я на камни. Дочь твоя? Да не нужна мне. А нужна в удел страна мне. Вторю. Индия — моя! Каждый, кто мое отнимет, он немедля кару примет. Меч с земли его поднимет. Умертви. Но прав здесь я.

Как ни уверенно заявляет Тариель о своих правах на трон, но нужно подумать о спасении, тем более, что посланные царя прибыли к нему не для обсуждения вопроса о его правах на трон, а с благоразумным советом скрыться от правосудия, пока еще не поздно. Это все, что при создавшихся условиях может сделать царь для своего приемного сына. Тариель должен понять, что если он и является единственным претендентом на трон, то теперь он далек от него больше, чем когда бы то ни было. Труп Демны не очистил ему дорогу к трону, а закрыл ее окончательно.

Не успели еще уехать посланцы царя, как Тариель завидел приближение группы лиц, среди которых была окровавленная Асма, приближенная царевны. Она рассказала Тариелю ужасную весть. Когда при дворе было получено известие об убийстве жениха,

царь тотчас же заподозрил в убийстве Тариеля и приказал отыскать его. Ему доложили, что Тариеля нет дома. Царь сказал в страшном гневе, что он знает о любви Тариеля к его дочери, что это убийство задумано совместно с нею.

Но царь прибавил при этом, что главный виновник все же не дочь, а его сестра, опутавшая дочь тонкой интригой — «эшмакиса бадита» (чертовскими сетями). Это и привело к такой трагической развязке. И он грозит сжечь сестру со света.

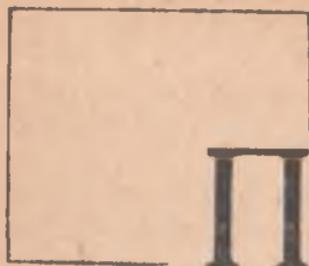
Давар, видимо, опутала не только свою племянницу, но и весь двор. О словах царя тотчас же ей доносят и предупреждают, что царь серьезно клялся ее убить.

Давар поняла безвыходность своего положения, кричала, что она ни в чем невиновна, и набросилась на царевну. Аснат, смущаясь, передает, как Давар поносила царевну словами «бозо, шен бозо, рат мамкал, сакромо рат моаквлевине» («проститутка, зачем ты меня довела до гибели, зачем ты заставила убить жениха?»).

Она бросилась бить племянницу и затем позвала двух рабов, которым велела взять ее и утопить в море. Сделав это, Давар в отчаянии заколола себя.

Выслушав это, Тариель тотчас же отправляется искать Нестан-Дареджан. С ним Аснат и его слуги.

В ПОИСКАХ НЕСТАН-ДАРЕДЖАН

Покинув крепость, Тариель направился к морю искать свою Нестан-Дареджан. Он предусмотрительно решил покинуть пределы страны и отправиться в «царство морей», в Византию, где он был недосыгаем для правительства.

Однако его от'езд разрешал вопрос только в отношении его самого. Убийство законного наследника престола, совершенное не в открытом бою при усмирении восстания, а тайно, должно было произвести на все общество угнетающее впечатление. Молва тотчас же назвала и виновника убийства.

Поэт вкладывает в уста Тариеля слова «хма дами-варда» — «молва назвала меня», и в действительности всем, очевидно, стало ясно, — убийство совершено Сосланом. Сам царь заподозрил свою сестру и дочь в соучастии, в подстрекательстве Сослана на это убийство. И все тогдашнее общество, нет сомнения, видело виновников убийства Демны не только в физическом исполнителе, но и в тех соучастниках, которых молва не решалась открыто называть.

После бегства Тариеля и похищения его возлюбленной завеса, казалось, закрылась. Неизвестно, что происходит в Индии, среди оставшихся там геров поэмы. Как же дальше? Но Шота с гениальной образностью переносит развитие тех же событий в семью арабского царя Ростевана, а иногда и в вымышленные страны — Гуланшаро, Мулганзанзарес и Кадже-

тию. Но и здесь мы не должны забывать, что речь идет только о Грузии и о семье царя Георгия III.

Чем дальше, тем ответственнее делалось положение Георгия III; ему надо было прежде всего подумать, как отвести всякие подозрения от своей семьи и даже от себя. Ведь трон Демны занимал он, и его самого могли заподозрить в соучастии в убийстве. Но он не мог решиться арестовать Сослана и предать его суду: Сослан мог назвать своих соучастников. Поэтому первым делом он послал к Сослану своих вельмож, которые должны были склонить его к бегству, ибо в его положении нелепо было ожидать помощи от кого бы то ни было. Если Сослан все же решился на призыв к своим сторонникам, то это только показывает, что он очень плохо ориентировался в создавшемся положении. Конечно, не в интересах Георгия III было противодействовать возмущению, которое нарастало в обществе против убийцы. Царю не оставалось ничего другого, как пойти на примирение с обществом. И чем больше было возмущение последнего, тем сильнее должен был стремиться Георгий III к примирению с теми кругами старой родовой знати и высших представителей духовенства, знаменем для которых был Демна.

Даже те группы новой служилой знати, которые всегда стояли на стороне объединительной политики царей, были смущены происшедшим и видели выход из положения в примирении со старой знатью. Так создались благоприятные условия для компромисса: дочь царя Тамара будет коронована на царство еще при жизни Георгия III, а представители отдельных групп феодалов получают влияние в государственных делах.

Летописи не сохранили известий о каком-либо со-

глашении между царем и высшими слоями феодального общества. Руставели сообщает в поэме, что накануне коронации дочери царь созвал совет из знатных особ, государственных деятелей и служителей церкви и поведал им, что, так как у него нет наследников, он решил провозгласить наследницей трона свою единственную дочь и еще при своей жизни короновать ее на царство. Совет одобрил это решение. Таким образом, «Вепхис ткаосани» излагает исторические события более полно, чем они сохранены в летописях.

После двадцатимесячных поисков Тариель, как известно, высадился на берег и здесь встретил раненого Придона. На вопрос Тариеля — кто он, Придон ответил, что он владетель и царь Мулганзанзареса и что поблизости находится его город. Придон рассказал Тариелю свою историю. Его дед перед смертью разделил владения между двумя своими сыновьями, но после смерти отца Придона дядя и двоюродные братья напали на него, и он едва спасся.

Как известно, сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий разделил княжество двум своим сыновьям — Андрею Боголюбскому и Всеволоду. У Андрея Боголюбского был сын Юрий, будущий царь Грузии и муж Тамары, которого после смерти отца дядя с сыновьями лишили престола и изгнали из Руси.

Характерно, что несколько позднее, в письме Автандила к Придону, автор называет последнего царем царей («мепет мепео»), в то время как ни Ростеван, ни Парсадан так не именуются. Юрий, этот, по словам Абуласана, «царь 300 царей», видимо, пользовался в Грузии до своей женитьбы на Тамаре и вмешательства во внутреннюю жизнь страны большим авторитетом.

Встреча Придона с Тариелем произошла спустя

двадцать месяцев после бегства последнего. Убийство Демны произошло в 1177 году, и, следовательно, в 1179 году Юрий уже обосновался в Грузии. После своего бегства из России, в 1176 году, он успел уже перевести свою дружину в Константинополь, а оттуда в Грузию, но, видимо, еще не успел забыть всех обид, нанесенных ему на родине. И Шота изображает его проклинающим своего дядю и угрожающим ему мстью.

Сослан, конечно, не носился после своего бегства из Грузии по морю, а тоже, скорее всего, направился в Константинополь, и возможно, что переезд Юрия в Грузию состоялся не без советов и помощи Сослана-Тариеля, с которым Юрий мог встретиться в Константинополе. Наименование Юрия Придоном, именем константинопольского царя Афридуна, героя «1001 ночи», указывает на его появление в Грузии через Константинополь.

Придон пригласил Тариеля к себе, и он прибыл в его «город, красивый, но мало отстроенный» («миведит мисси калакса, турпаса магра цотаса»). Не случайно, конечно, Тариель после двадцати месяцев плавания по морям высадился в том именно месте, где имел пребывание Придон.

Юрий уже обосновался здесь, поблизости от моря, на положении некоего автономного правителя предоставленного ему владения. И Сослан, желая высадиться на родине, избрал для себя именно ту местность, на которую не распространялась полностью власть грузинского правительства.

Где находится Мулганзанзарес — владение Юрия? Географическое его положение Шота определяет несколько позднее, когда Автандил попал во владения Придона. Рыбаки, пригласившие к себе Автандила,

сказали ему о местности, где они находятся,—«акам-дис мзгвари тургтаа, момзворэ Придонис мзгвеби-та» — «здесь границы турецкого моря». Отсюда видно, что Мулганзанзарес находился близ границ Турции, на берегу моря; а так как Грузия тогда продвинулась далеко к югу, то граница должна была находиться вблизи Трапезунда.

Знаменательна и дата появления Тариеля в Грузии: через двадцать месяцев после бегства. Это — время, когда происходила подготовка к коронованию Тамары. Придон знал, с кем он имеет дело. Он прямо говорит Тариелю, что считает своим долгом помочь ему в достижении трона: «Хар диди мене Индо-та, равит вин могацоноса, вин арис каци ромелман тави ар дагамоноса» — «Ты царь Индии, и долг каждого быть верным тебе».

Между Юрием и Сосланом заключен союз братства и дружбы. Шота передает, как Тариель впервые получил от Придона известие о Нестан-Дареджан. Он видел, как к берегу приплыли два раба и с ними красавица-пленница. Это известие о царевне есть, очевидно, не что иное, как маскировка сообщения о том, что готовятся торжества провозглашения Тамары царицей, на которые Юрий, как акклиматизировавшийся в Грузии знатный иностранец, без сомнения, был приглашен.

Почти два года прошло с тех пор, как по внушению царевны Тариель убил ее «жениха». Она обещала ему любовь и трон. Но события пошли по иному пути. Дочь Георгия III Тамара коронуется царицей; Сослану же выпала участь изгнанника, лишённого родины и потерявшего все. Естественно, что Сослан решился на отчаянный шаг и появился во время торжеств в столице. Картина рыданий Тариеля на опушке

леса—образ, передающий то душевное состояние, которое должен был переживать Сослан.

На опушке, над потоком, в тоскованьи одиноком,
Станный витязь был в глубоком размышленьи над рекой.
За поводья вороного он коня держал, и снова
Слезы лились из немого сердца, сжатого тоской.

Как отнеслись дворцовые круги к его появлению? Царь отправил к нему слугу с требованием явиться к нему. Тариель никак не реагировал на это. Тогда царский слуга возвращается обратно и сообщает, что неизвестный ни во что не ставит царя. Царь посылает нескольких человек с приказом силой доставить к нему послушника его воли. При первой же попытке выполнить приказ царя слуги его были побиты Тариелем и убежали. Тогда разгневанный царь вместе с Автандилом направился к Тариелю, но тот сел на коня и ускакал.

Гнев царя сменился глубокой печалью. Он заперся у себя, и даже любимая его дочь, только-что коронованная царицей, не решалась показаться к нему. Он хотел видеть одного только Автандила и подолгу с ним беседовал.

Сцена появления Тариеля и смятение, которое в связи с этим поднялось в царском дворце, показывают, что для царя Тариель был не просто неизвестным.

Впечатление, произведенное появлением Тариеля на самого царя, показывает, как отнеслось реакционное феодальное общество, сделавшее травлю Сослана орудием своей политической борьбы, к его появлению и как ловко использовало оно это обстоятельство в своих целях.

Отчаяние царя объяснялось не тем, что Сослан

скрылся от него, а тем, что его приемный сын так некстати и так незадачливо появился в столице и поставил царя перед необходимостью так или иначе реагировать на его присутствие.

Царю уже приходилось однажды изыскивать способы бесшумного его удаления. Теперь Сослан опять поставил себя в такое положение, что бегством на своем вороном коне спастись он не мог. Да он и не желал спастись.

Шота изображает своего друга неуравновешенным, легко впадающим в крайности и быстро переходящим от отчаяния к самым несбыточным решениям. Такие люди способны предпринимать ничем неоправданные шаги и затем с упрямством стоять на своем.

Решившись появиться в столице, Сослан уже, нет сомнения, не поддавался никаким увещаниям. Беседы царя с Автандилом-Шотой указывают на то, что царь пытался через друга убедить Сослана покинуть столицу. Но эти убеждения, видимо, ни к чему не привели.

Юная царица посоветовала послать слуг во все стороны, для розысков «неизвестного». Розыски эти надо понимать, разумеется, не в прямом смысле. Сослана нечего было искать, и приказание «искать» могло означать только то, что слугам было приказано арестовать Сослана. Они «искали» в течение года, а затем вернулись с известием, что не нашли его. Очевидно, Сослан просидел год в заточении, а затем был отпущен на все четыре стороны с условием больше не появляться в Грузии.

Конечно, Сослан с его претензиями на трон не был опасен ни царю, ни Тамаре; они не себя охраняли от него, а защищали его (и косвенно себя) от возмущенного общественного мнения высших кругов, ловко ис-

пользовавших убийство Демны в своих корыстных интересах.

Из дальнейшего рассказа Тариеля мы узнаем, что он больше не носился по морям в поисках царицы, а обрел себе, если не покой, то местопребывание в некоей местности с пещерами и здесь проводил время с преданной ему Аснат.

За это время при дворе царя Ростевана произошло следующее. Когда слуги после года безуспешных «поисков» вернулись, царица вызвала к себе Автандила и призналась ему, что с тех пор, как во время коронации появился неизвестный рыцарь, она не знает покоя; она просит Автандила отправиться на поиски неизвестного. Пусть Автандил ищет его в течение трех лет, и, если он не найдет его за это время, она отдаст ему свою любовь и будет его женой. Разве не ясно, что вслед за тем, как был выслан Сослан, после года «поисков», наступила очередь самого Руставели? И он не мог оставаться в стране в силу явной поддержки, которую он оказывал Сослану. Это довольно оригинальное условие Автандил принимает. Почему же неизвестного надо искать именно три года?

Срок этот очень знаменателен. Год «поисков» через слуг и три года Автандилом дают в сумме четыре года — срок, который прожил Георгий III после коронации Тамары. Как известно, он умер в начале 1184 года. Следовательно, четыре с лишним года вопрос о «неизвестном» не мог встать, и его надо было пока только «искать».

Автандил согласился отправиться на поиски. Но надо было получить на это согласие царя. Автандил нашел простой выход из положения. Он заявил, что едет осматривать пограничные крепости и вообще проверить, в каком положении находится защита гра-

ниц государства. Шота не дает описания, как протекали эти поиски в течение трех лет. Он только кратко сообщает, что по истечении трех лет Автандил напал, наконец, на след Тариеля и нашел его самого.

Но прежде чем перейти к тому, что могут означать эти поиски, необходимо остановиться на некоторых деталях путешествия Автандила. Шота сообщает, что Автандил в течение двадцати дней ехал к пограничному городу, где он простился с верным ему Шермадином. Путь Автандила был полон радушных встреч и приветствий. Это говорит многое, если учесть, что под Автандилом изображен сам автор. Очевидно, он был так популярен в стране, что повсюду ему были рады и в его честь устраивались пиры.

Вот уходит витязь смелый в чужеземные пределы.

Двадцать дней уж день он белый с черной ночью слил в одно.
В ней, златой, восторг вселенной, клад сокровищ сокровенный,
С Тинатин он мыслью пленной, ею сердце зажжено.

Входит в горы, входит в доли. Чуть он где, там пир веселый,
Речи вьются, точно пчелы. Все приносят щедрый дар.

Солнцеликим, светловзорым, в переходе этом скором,
Слух склоняя к разговорам, он не медлит в свете чар.

Но кто такой Шермадин? Из поэмы видно, что у Автандила был свой город, где начальником гарнизона был Шермадин. Они с детства росли вместе, и Автандил оставил ему распоряжения на случай смерти.

По этому описанию видно, что Автандил — крупный феодал, имеющий город-крепость, очевидно, с землею и отряд войск во главе с верным ему Шермадином.

Но куда и на какие трехлетние поиски ехал Автандил? Найдет ли Автандил Тариеля — еще вопрос,

Миниатюра из грузинской рукописи XVII века поэмы
Руставели — «Царь Ростеван во дворце»

Миниатюра из грузинской рукописи XVII века поэмы
Руставели—«Сцена из придворной жизни»

но бесспорно то, что по настоянию царицы он должен был покинуть столицу на три года.

Все дальнейшее поведение Автандила показывает, что он был верным другом Тариеля, не за страх, а за совесть стремился к тому, чтобы он соединился со своей Нестан-Дареджан и добился трона. В поэме Шота не мог рассказать всего. Ему надо было многое вуалировать и маскировать, изображая в лице Тариеля Давида Сослана, а в Автандиле — себя. Он не мог передавать во всех деталях те события, которые имели место в действительности. Но, решительно встав в своей поэме на сторону Тариеля, Шота-Автандил бросал прямой вызов всем противникам Сослана.

В своих коротких застольных песнях, которые Шота считал полезной и ценной отраслью поэзии, он задевал, очевидно, многих. Шумные выступления в пользу Сослана были не в интересах царской семьи, которая по очень веским соображениям должна была совершенно отгородиться от него. Шота был принят при дворе, пользовался здесь большой любовью, и всякое его выступление в пользу Сослана могло быть истолковано как инспирированное двором, в связи с чем группы, поддерживавшие Георгия III на основании компромиссного соглашения, могли считать себя обманутыми.

Удаление Шоты сделалось необходимым, и миссию убедить его в этом взяла на себя Тамара. Она, как видно из бесед Тинатин с Автандилом, тонко, но настойчиво добилась своего, и Шота был вынужден уехать.

За эти три года не было никаких сведений ни о Тариеле, ни об Автандиле. Когда они встретились, этот своеобразный срок истек, и Автандил только успел

выслушать рассказ Тариеля и обещать ему свою верность и помощь.

Он спешил прибыть в назначенное время к царице. Возвращался он тем же путем, которым уехал, и прибыл в свой город, где его ждал верный Шермадин. Через него он дал знать в столицу, что возвращается, выполнив поручение.

Конечно, отправляя Автандила на поиски, царица не намечала ему трехлетнего срока. Ведь Автандил мог найти Тариеля гораздо раньше. Три года вписаны автором в поэму позднее, как фактически истекший срок отлучки. Что же может означать этот срок? В 1179 году состоялось коронавание Тамары, во время которого появился Сослан. В 1184 году умер Георгий III. По поэме один год Тариеля искали слуги царя и три года Автандил, всего «искали» его четыре года. Не ясно ли, что, по истечении четырех лет после коронации Тамары, произошли в жизни грузинской царской семьи такие обстоятельства, что вопрос о Сослане возник вновь и Автандил-Руставели прибыл в Грузию с вестями о Сослане.

Около этого времени, видимо, Георгий III заболел. Он задумался над создавшимся положением и, оставляя на троне свою дочь, видимо, опасался не столько за то, сможет ли Тамара удержать одна власть в своих руках, сколько за то, что с его смертью кончается род Багратидов, а единственный его представитель — Давид Сослан находился в изгнании и над ним тяготело обвинение в убийстве Демны.

Возвращение Автандила на родину с известием о Тариеле было принято с радостью прежде всего самим царем. Он выехал навстречу Автандилу, обласкал его, и они вместе прибыли «на собрание знатных, где все присутствовавшие были рады прибывшему». Автан-

дил рассказал о своих странствиях и о том, что он привез вести о Тариеле.

Пили, ели, упивались. Гости хмельные расстались.

Лишь сановные остались, внемлют витязю кругом.

Он к царю, на вопрошанья, говорит про испытанья,

Также все, что в днях скитанья он узнал о странном том.

Все были рады, и Тариель стал предметом всеобщих разговоров.

Очевидно, это было собрание тех знатных феодалов, от которых зависело решение вопроса о Сослане, и сам царь вместе с Автандилом явился к ним.

Когда Автандил явился к царице, она радостно приветствовала его словами «повео патижи нахе дзеднита висита» — «чьими поисками ты приобрел уважение», назвала его «мповели дакаргулиса» — тем, кто нашел потерянного.

Но, несмотря на радость, которую они оба испытывают при встрече, расставание их было печально. Автандил уходит совсем подавленным, а царица роняет многозначительные слова: «вер гадзга сопели ва сисхлта чемда хвуретита» — «не насытился еще свет моей кровью». У царицы, значит, были свои крупные счеты с окружавшим ее светом, если в первый же день встречи с Автандилом она так резко отозвалась о нем.

Торжества по случаю приезда Автандила продолжались, и одновременно решался вопрос о Тариеле. Рассказами о нем заинтересовался «свет» — отражалось настроение господствующих группировок. Но «свет» этот, видимо, раскололся в вопросе, какую тактику надо принять в отношении Тариеля-Сослана.

Если прекратить травлю Сослана, надо признать его и сделать отсюда соответствующие выводы. Воз-

вращение Сослана могло кончиться тем, что он женится на Тамаре и сделается царем Грузии. Но это было не в интересах тех групп, которые использовали убийство Демны и добились всех уступок от Георгия и Тамары. Если они выпустят из рук свое оружие и признают Сослана, они не гарантированы, что Сослан не использует свою власть против них. Это заставляло их быть осторожными. Они не хотели Давида Сослана, и всякую агитацию в его пользу считали мерой, направленной против себя.

Автандила они приветствовали радостно: Шота, несомненно, был всеобщим любимцем; но вести открыто агитацию за Сослана они не могли позволить даже Шоте или, вернее, в особенности ему. И снова должен был встать вопрос об отъезде Автандила. Это прежде всего учла сама царица, и первая подняла вопрос о необходимости этого отъезда.

Вынужденный, а не добровольный характер отъезда Автандила ясно виден из его слов, обращенных к верному другу и военачальнику Шермадину, с которым он повидался, снова направляясь в путь. Автандил говорит ему, что время — против него, и ему необходимо позаботиться о своем имуществе («жами асре даемтера, вис мивандо сакли чеми»). Он уезжает в более удрученном состоянии, чем в первый раз, когда, по существу, ехал на полную неизвестность.

Он говорит Шермадину, что во имя долга он готов на любые жертвы... Он говорит уже о смерти, о гибели во имя долга и преданности другу.

В своем завещании, написанном для царя, он сообщает, что решил уехать вопреки воле царя, ибо он не может оставаться равнодушным к судьбе того, кому он предан всей душой. На свой отъезд он смотрит, как на неизбежность, вызванную поведением «света».

Ясно, что в его отъезде решающую роль играли не долг, не необходимость помочь другу; все это он мог сделать, находясь в столице, вблизи царя. Он прямо обвиняет свет, высший круг общества, который находил невозможным пребывание в столице лица, ведущего борьбу за возвращение изгнанника.

Простившись с Шермадином, Автандил направился к Тариелю, но не застал его в пещере. Тариель, по словам Асма, с того дня как простился с Автандилом, исчез и не возвращался к себе. Автандил направился на поиски и нашел Тариеля в глубоком обмороке, без признаков жизни.

Приведя Тариеля в чувство, Автандил услышал от него рассказ о том, что он убил льва с барсом и чуть не погиб сам. Эта сцена убийства, повидимому, дана Шотой с определенным намерением передать то душевное состояние, которое переживал Тариель, уже почти семь лет находившийся в изгнании.

Естественно, что Тариелем овладело отчаяние и в его голове, омраченной столькими страданиями, могли возникнуть самые ужасные мысли. Ведь в конце концов он убил «жениха» не по своей воле а выполнял веление той, которой ни в чем не мог отказать.

Тариель передает Автандилу, что он видел, как лев и барс играли между собой. Он прибавляет, что между ними происходила любовная сцена. Если мы вспомним планы сватовства Демны и Тамары и то, что барс напоминает Тариелю Нестан-Дареджан, то нетрудно догадаться, о ком идет речь.

Раньше весело играли. Вскоре бешеными стали.
Лапы резко ударяли. Смерть была им не страшна.
Вдруг в пантере обозление, словно в женщине смущенье.
Лев погнался. Раздраженья в нем кипучая волна.

Я не мог им любоваться. За любимой так погнаться?
И терзать ее, и драться? Нет, такая удаль — срам.
Меч блеснул мой обнаженный, и копьем он был сраженный,
С головой своей пронзенной, сн простился с жизнью там.

Меч я в сторону бросаю. Прыг к пантере, и хватаю, —
Я обнять ее желаю, в честь моей, в ком все — мое.
Но на то движенье веры — рев и когти мне пантеры.
Это было мне вне меры. Тут убил и я ее.

После этого он впал в такой обморок, что, не появившись Автандил, жизнь его была бы кончена.

Не является ли эта сцена образным выражением того, что произошло между Демной-львом и Тамарой-барсом? Не символизирует ли она то, что вначале, по достижении Демной совершеннолетия, все шло более или менее мирно, и вопрос о правах Демны мог разрешиться благополучно. Но барс (Тамара) стал задирать, и началась борьба, во время которой лев (Демна) начал одолевать барса. Тут вступился Тариель и убил льва.

Но спасенный им барс (Тамара) вместо благодарности обнаруживает недобрые чувства к нему, своему спасителю. И у него созрела решимость убить и барса.

Автандил явился во-время. Он спас Тариеля от отчаяния, вдохнул в него веру в успешность дальнейших поисков, которые он брал на себя, и отправился искать «похищенную» царевну. Куда же он направляется? К Придону-Юрию, который в то время был на стороне Сослана.

Автандил встретил Придона на охоте и на вопрос — кто он, ответил, что он — друг Тариеля. Придон принял его с радостью, и они долго беседовали о бедствиях общего друга.

Встреча Автандила с Придоном указывает на то, что Руставели после свидания с Сосланом направился дальше, к князю Юрию, с которым он, очевидно, договаривается об общем плане. Видимо, Сослан был действительно основательно забыт и покинут всеми, если автор больше не называет в своей поэме никого, кто бы примкнул к ним. Эти три друга должны были чувствовать себя действительно одинокими, и лишь одного из них двигала бодрость духа и уверенность в своих силах — самого автора поэмы.

Из дальнейшего будет видно, на чем он строил свои расчеты и как превзошли они даже его оптимистические ожидания. Он так хорошо выполнил свою задачу, что, когда разразилось самое худшее — измена Юрия, дело от этого нисколько не пострадало. Во всяком случае, Автандил после свидания с Придоном уезжал, твердо рассчитывая на его помощь.

Куда держал он свой путь? Он встретился с бадгадскими купцами на берегу моря в Мулганзанзаресе, как надо предполагать, близ Трапезунда. Купцы рассказали ему, что на море свирепствуют пираты. Автандил отправился с купцами и помог им разбить пиратов, а затем высадился вместе с ними в Гуланшаро, цветущем городе на берегу моря, который, по всем данным, находился у устья Риона. Бадгадские купцы сухим путем могли прибыть к Трапезунду, а отсюда морем направиться в Абхазию. Они везли товары, сбыт которых происходил через крупный приморский город Гуланшаро.

По некоторым замечаниям, которые делает Шота, город этот был оптовым пунктом; глава цеха купцов Усен был в то же время первым лицом в городе. Он отбирал нужные товары и, очевидно, направлял их внутрь страны.

То обстоятельство, что в момент приезда Автандила Усена в городе не было, показывает, что он жил здесь не постоянно. Это, видимо, был крупный оптовик, ведший торговлю в столице, а здесь имевший лишь оптовый закупочный пункт. Очевидно, по временам наезжала сюда и жена его.

Автандил прибыл в этот город не без умысла. По всем данным, он рассчитывал через Фатман — жену Усена — установить связь с столицей для достижения своих целей. И действительно, все стало складываться как нельзя лучше. Высадившись на берег, он попал в цветущий сад, который принадлежал Фатман. Автандил познакомился с нею и постарался завязать близкие отношения. Ждать пришлось ему недолго. Фатман сама написала ему о своей любви, и сближение состоялось; весьма кстати оказалось, что Фатман не кто иная, как спасительница Нестан-Дареджан.

Таким путем следы той, которую так долго искали, были найдены. Характерен рассказ Фатман. Она говорит, что однажды, находясь в саду, она увидела, как два черных раба причалили на лодке к берегу и вытащили сундук, из которого вышла женщина

Она попыталась купить у рабов пленницу, но те не согласились. Тогда она велела отрубить им головы, а незнакомку привела в свой дом.

Муж был поражен ее красотой и, хотя дал слово никому не говорить о пребывании в его доме необыкновенной красавицы, все же в пьяном виде проговорился во дворце царю, который приказал привести пленницу к себе.

Царь роскошно обставил ее, но она плакала и никому ничего о себе не говорила. Она подговорила своих прислужниц и, скрывшись из дворца, опять пришла к Фатман, которая помогла ей бежать, но, в ре-

зультате измены Усена, красавица попала к «каджам».

Конечно, лодка и рабы — снова только маскировка и аллегория. Факт тот, что Фатман, представительница купеческого сословия, играла в жизни царицы определенную роль. Это вполне соответствует исторической действительности Грузии: царица Тамара в начале своего царствования (после смерти отца) пользовалась поддержкой купечества. Но потом купечество вошло в соглашение с теми группировками, которые ограничивали власть Тамары, и предало ее. Поведение Усена как нельзя лучше характеризует роль купечества, и Руставели достаточно колоритно описал двойственное отношение торгового класса к Тамаре.

Связь Автандила с Фатман была замечена и могла кончиться печально. Чачнагир знал о роли Фатман в «бегстве» царицы и, застав ее с Автандилом, грозился раскрыть перед кем следует подробности того, как Усен и Фатман помогали царице. Видимо, угроза была достаточно реальна и опасна, если Автандил без долгих рассуждений решил покончить с Чачнагиром.

О дальнейшей судьбе царицы Фатман рассказала, что как-то раз она случайно подслушала разговор неизвестных. Один из них сказал, что он раб каджетского царя, и бежал из отряда Рошака, который занимался грабежами. Однажды этому отряду попался всадник, который оказался красивой девушкой. Рошак взял ее в плен и отвез в крепость. С тех пор она находится в Каджети, и ее должны выдать замуж за наследника каджетского трона, когда он подрастет.

Неизвестный рассказал, что с тех пор, как умер каджетский царь — «отец сирых, судья вдов», государством управляет его сестра Дурандухт, которая

воспитывает двух его детей. Фатман допросила неизвестного и послала своих рабов в Каджетию проверить эти сведения. Они подтвердили, что Нестан-Дареджан действительно находится в Каджети.

Автандил задает Фатман довольно игривый вопрос, что это за каджи и что они могут сделать с женщиной, ведь они бестелесны («магра каджни ухорцони рас агневен миквирс калса»). Она объясняет, что «каджами» они только называются, на самом же деле это собравшиеся в одном месте люди («каджни сахелат мит хгвиан, ариан эртган кребулли кацни»).

Описание «каджей» характерно во всех отношениях. Прежде всего обращает на себя внимание, что каджетский царь умер. Не значит ли это, что после смерти Георгия III Тамара попала во власть «каджей», которых поэма определяет, как собрание людей.

Они не духи, как разъясняет Фатман, но самый факт, что этих совершенно обыкновенных людей автор называет «каджами» — чертями, указывает, что они ради достижения своих целей способны на все, и царевне от них ждать добра нечего.

«Каджами» автор называет не всех жителей этого государства, а определенную их группу, «собравшихся в одном месте людей», отличающихся очевидно такими отталкивающими чертами, что иначе как «каджами» назвать их нельзя. Нет сомнения, что автор имеет здесь в виду тот Совет, который создан при Тамаре и вершил всеми государственными делами.

Узнав от Фатман о местонахождении Нестан-Дареджан, Автандил попросил ее известить пленницу о его прибытии с известиями о Тариеле, готовом сделать для нее все («шентвис хел мгнелся Тариелс»).

Фатман написала и просила при этом сообщить целый ряд сведений, характер которых достаточно по-

казателен для того, чтобы установить, о каких каджах идет речь. Она просила сообщить сведения о военных силах каджей. «Сколько воинов в наличии, кто твои притеснители, кто их глава, что имеет военное значение, сообщи подробно обо всем».

Способ, каким Фатман сообщалась с пленницей, наводит на мысль, что сношения эти велись с крайней осторожностью. Она вызвала опытного и испытанного в таких делах раба и приказала ему установить связь с Нестан-Дареджан, причем дорогу называет дальнею («каджетс гагзавни ца, гзани гасхен шорани»). Раб ответил, что он завтра же доставит ответ («хвале, могорта ковли амбави небиса»), и автор прибавляет, что раб полетел по земляным крышам домов (Гардапринда банис банса).

Конечно, картина того, что раб во что-то обернулся и полетел в дальний путь, в «Каджетию», с тем, чтобы на завтра же доставить известие о Нестан-Дареджан, напоминает «1001 ночь»; но, считаясь с реалистической формой, присущей всей поэме Шоты, надо притти к выводу, что под этой фантастикой скрывается нечто другое.

«Каджи» — это то окружение, которое крепко держало в своих руках Тамару и против которого она была бессильна что-либо сделать. Ее изолировали от внешнего мира, и под отрядом Рошака, который взял ее в плен, Шота, очевидно, изображает ту тайную полицию, которая окружала Тамару и строго следила за ее связями.

При таких условиях сношения с нею были не легки, и письмо с просьбой о сообщении сведений, равносильных нарушению государственной тайны, могло навлечь и на автора, и на адресата, и на соучастников ряд крупных неприятностей.

Надо допустить поэтому, что письмо из Гуланшаро, с побережья Черного моря, отправлялось не через раба, а сама Фатман, наезжавшая к морю и бывшая в близких отношениях с Шотой-Автандилом, установила личную связь с Тamarой.

Автандилу недолго пришлось ждать ответа от Нестан-Дареджан. Она была рада, что получила вести от Тариеля, но возможность своего освобождения расценивала очень пессимистически. Причину всех бед, обрушившихся на нее и на него, она видела в «свете».

Что есть мир, ты видишь, милый. Весь простерся он могилой.
Самый свет — мне мрак унылый. Я стенаю здесь, скорбя.
Мудрый видит смысл мирского. Шаткость счастья в нем
основа.

Ах, как трудно, как сурово жить, любимый, без тебя!

Но, несмотря на свой пессимизм, Нестан-Дареджан все же писала ему, чтобы он шел на «Индию» («цади индоэтс мимарте»), давая понять, что добиться ее освобождения можно, только овладев страной.

За это дело взялся не Тариель, а Автандил. В тиши гуланшарских садов он готовил оружие, которым должен был нанести сокрушительный удар врагам Тариеля.

Собственно говоря, надо считать, что с того дня, как была установлена связь с Тamarой, дело трех друзей: Тариеля, Автандила и Придона — Сослана, Руставели и князя Юрия — было поставлено на практическую почву. Надо было начинать действовать, и каждый из друзей предложил свой метод освобождения Нестан-Дареджан (Тамары).

Придон находил, что войск у них мало и потому им не взять каджетскую крепость открытой силой.

Он предложил протянуть канат к стене, по этому канату он проникнет внутрь крепости, перебьет охрану у ворот и впустит туда друзей.

Автандил предложил другой план: он переоденется купцом, проникнет в крепость и затем откроет друзьям ворота.

Тариель нашел, что он не может сидеть один в то время, как другие будут действовать. Был принят его план: разделить все имеющиеся силы на три части и одновременно напасть на крепость с трех сторон.

Все эти несколько наивные планы в действительности являются отражением того, какими средствами располагали друзья для своего выступления. Юрий имел в своем распоряжении военную силу, но она была расположена далеко и использовать ее можно было, только организовав вооруженное восстание под лозунгом освобождения Тамары от ее непрошенных опекунов. Этот план был самым опасным для «каджей», но на него, как видно из письма Нестан-Дареджан, Тамара не дала своего согласия. Однако князь Юрий мог использовать свои силы, постепенно накапливая их, чтобы в решительный момент собрать и нанести удар. Такой план был довольно трудно осуществим и уподобление его хождению по канату не преувеличено. План Шоты сводился к тому, что он при помощи связей с купечеством проникнет в Каджетию со своим «товаром», очевидно, имея в виду свою поэму. Предложение Сослана двинуться с трех сторон означало, что надо действовать сообща — Юрию двинуть всю военную силу, Шоте выступить со своим произведением, а Сослану появиться открыто и заявить свои права на трон, как последнего Багратида.

В сущности на принятии этого решения Руставели

прекращает свое повествование, дав полную картину борьбы, которая велась в Грузии*. Оставалось опубликовать поэму, рассчитывая на то, что ее воздействие на современников сможет склонить общественное мнение в пользу Сослана.

Из полутора тысяч строф поэмы концу ее, после решения друзей начать действия, посвящено всего около ста пятидесяти строф. Шота, видимо, спешил скорее закончить свою поэму и привел всех действующих лиц к благополучному концу. Из дальнейшего будет видно, какое впечатление произвела поэма Руставели и какое неожиданное развитие получили события, приведшие к тому, что один из друзей изменил общему делу и перешел на сторону «каджей».

* В каком году закончил Шота свою поэму?

События в поэме излагаются до того момента, как Руставели, Сослан и Юрий объединились, чтобы совместно выступить на стороне Тамары в ее борьбе против самостоятельности родовых феодалов за создание единой грузинской монархии. Началом их выступления было появление в свет «Вепхис ткаосани». Измена Юрия, переход его на сторону «каджей» и женитьба на Тамаре произошли в 1188 году. Значит, поэма была окончена и получила распространение в 1187 году. Именно после этого события стали развиваться с поразительной быстротой, приведшей через год к результатам, диаметрально противоположным тем, на которые рассчитывали три друга.

Эта дата устанавливается также и на основании прямых указаний, содержащихся в самой поэме. Тариель говорит про Нестан-Дареджан — «ац атиа целицади индоети ра цасрула мис мтвариса чемган повна ану нахва гардасрулда» — «вот уже исполнилось десять лет, как я ее ищу». Нестан-Дареджан была «похищена» после убийства ее «жениха» — в 1177 году. Шота пишет, что десять лет с тех пор продолжаются поиски Тариелем Нестан-Дареджан, следовательно, эти «поиски» кончились в 1187 году, когда поэма и появилась в свет.

РУСТАВЕЛИ, ЕГО ВРАГИ И ДРУЗЬЯ

И

так, трудности, связанные с построением сюжета «Вепхис ткаосани» и воссозданием обстановки, в которой разворачивается действие поэмы, Шота разрешил успешно. Оставалась еще основная задача — обрисовка действующих лиц.

Шота хотел создать художественные образы высокого мастерства, а не хронику, в которой за сухим изложением фактов не было бы видно переживаний ее участников. Но, ставя перед собой такую задачу, он снова должен был задуматься над необходимостью маскировки. Перед ним был выбор: идти по пути «1001 ночи» и скрыть действующих лиц в сказочных образах или, строго соблюдая художественную правду и маскируясь сюжетом и обстановкой, следовать приемам реалистического изображения, показать своих героев такими, какими они были в действительности. Шота решительно избрал последний метод.

Его герои — живые люди с их достоинствами и недостатками, с их радостями и огорчениями, достижениями и неудачами. За их переживаниями встают подлинные исторические события. Как бы красочно ни рассказывали о них летописцы, для нас это только сухая хроника. Лишь когда мы видим лиц, участвовавших в этих событиях, и чувствуем их переживания, перед нами вырастают и самые события во всей их значимости.

Шота был близок к изображаемым им лицам, игравшим руководящую роль в истории Грузии. Тамара, Давид Сослан — второй муж Тамары, Георгий III, русский князь Юрий — первый муж Тамары, ее тетка Русудан, — все они находились в центре происходившей политической борьбы, оказывали то или иное влияние на ее исход.

Первостепенное значение в поэме имеет образ Автандила, в котором Шота изображает самого себя. Это — самый привлекательный образ поэмы, и не потому, что автор насытил свой портрет обилием положительных красок, — наоборот, в Автандиле много отрицательных черт, и Шота с поразительной откровенностью подчеркивает их.

Шота всей своей жизнью, всем своим творчеством был связан с родной землей и потому его черты — это черты тех передовых национальных элементов страны, которые наложили свой отпечаток на эпоху и перешли в историю как лучшие выразители всех тех чаяний и стремлений, которыми жила Грузия в XII веке. Образ Автандила ценен именно тем, что за этим образом встает перед нами не только автор, но и эпоха и все то, что было лучшего в эпохе.

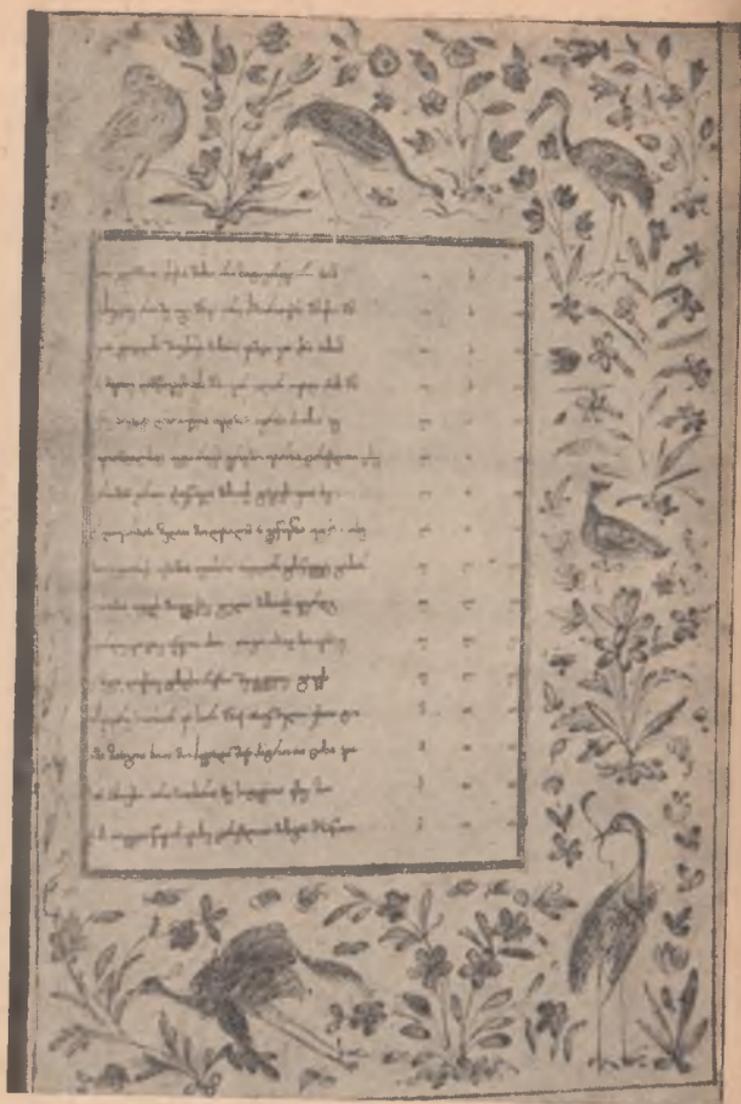
Автандил был близок ко двору, а через него и ко всему высшему обществу. Образ, который создает автор в лице Автандила, содержит в себе все черты человека независимого, чувствующего свою силу даже при дворе; он не опускается до уровня льстивых царедворцев, притихающих, едва сморщится чело их повелителя.

На торжествах по случаю коронования дочери царь вдруг стал грустен. Задумчивость царя тотчас же передалась всем окружающим. Пир и торжество забыты, все притихли. Молодому Автандилу это не

Четвертая страница печатного издания поэмы
Руставели — «Вепхис ткаосани»

Тбилиси, 1712 год. Издана под редакцией Вахтанга VI

Страница из рукописи поэмы Шоты Руставели
«Вепхис ткаосани»
Издание начала XVII века

правится. Но он молод, дворцовый этикет не разрешает ему в присутствии такого высокого общества самостоятельно обратиться к царю. Он сговаривается с визирем Согратом и вместе с ним решается прервать задумчивость царя.

Автандил с Согратом встали, кубки полные им дали, И веселые упали на колени пред царем.

Говорит Сограт шуточный: «Царь, ты точно день дождливый, Нет улыбки, нет красивой на немом лице твоём.»

Во время пира дочь царя, только-что возведенная на престол, решила щедро одарить своих подданных, раздала им много денег и всяких благ. Шутка делается острее:

И добавил он лукаво: «Впрочем, сердце в скорби право:

Дочь твоя — одна забава, все богатства раздала.

Не давай ей пышной чести, и, лишивши царской власти,

Упасешься от напасти и уволишься от зла».

Слова визиря произвели должное действие, и царь вышел из своей задумчивости.

Автандил остроумен и находчив. На царском пиру он не только веселый участник, он держит в своей власти настроение всех присутствующих. Это сама жизнь, ворвавшаяся в затхлые чертоги дворца, зовущая к радости и счастью.

Автандил смел и независим. Характерен эпизод, когда Автандил состязается с царем в стрельбе из лука. Скоро наступит его конец, а между тем во всем государстве нет такого меткого стрелка из лука, как он. Правда, он обучил этому искусству Автандила, но даже тот не может сравниться с ним. Автандил смело принял вызов. Он почтительно попросил извинения за свою дерзость, но все же твердо заявил, что

он считает себя достойным вступить в состязание с самим царем; и пусть искусство обоих в стрельбе будет оценено по ее результатам.

Царь ответил: «Молви слово. Не приму его сурово. Скрепя клятвы — святость крова, имя светлой Тинатин». Автандил сказал: «Так смело молвлю: хвастаться не дело. Но моя б стрела поспела в цель верней, о, властелин!»

Устроили охоту — ту самую, во время которой на опушке леса появился Тариель. Царь оказался побежденным. Автандил пустил в цель на двадцать стрел больше, чем царь. В этой картине много исторической правды. Летописи говорят, что царь Георгий III был действительно лучшим стрелком из лука, и описание состязания, данное Шотой в поэме, очевидно, соответствует действительности. Шота, как говорилось, происходил из среды феодальной знати, которая с детства обучала свою молодежь ратному делу. Несомненно, он владел также с отменным успехом искусством стрельбы из лука, и это — характерная биографическая черта. Но дело здесь, конечно, не в том, что он хорошо стрелял, а в том, что он решился бросить вызов самому царю. Всякий другой постарался бы пустить свои стрелы мимо цели, чтобы угодить царю, Автандил же смело вступил в состязание и постарался его выиграть.

Когда Тариель скрылся, это вызвало у царя припадок глубочайшего огорчения. Он не хотел никого видеть, и даже его любимая дочь не решалась идти к нему без приглашения. Только один Автандил имел доступ к царю, и они подолгу оставались наедине.

«Приемному» сыну, как бы он ни был любим, не оказывают преимуществ перед родной дочерью, только-что провозглашенной царицей. В Автандиле

было столько превосходства над всеми, что в тяжелую минуту даже любимая дочь не могла быть для царя тем, чем был Автандил. Конечно, причину этого надо видеть прежде всего в облике самого Автандила. Яркость его мыслей и чувств, его меткие и остроумные замечания делали его незаменимым для царя лицом, и он предпочитал Автандила всем другим своим приближенным и даже дочери.

Конечно, появление Сослана так некстати во время торжеств не могло не вызвать смятения в тех кругах, которые только-что заключили соглашение, приведшее к коронованию Тамары. Это появление можно было понять, как подготовленное Георгием III и, значит, карушающее соглашение. Естественно, что царю надо прежде всего поговорить с лицом наиболее близким к Сослану — с Шотой.

Но близость Шоты к Сослану могла вызвать и обратное — желание избавиться от него, Руставели; если же его приглашают и с ним советуются, значит, он не только заслуживал доверие, которое ему оказывали, но умел найти наиболее удобный выход из положения. Правда, в поэме Автандил не успокоил царя, не указал выхода, но ведь Автандил мог посоветовать только одно — оставить Тариеля в покое и не гоняться за ним.

Когда его призвала к себе молодая царица, предложила ему отправиться на поиски Тариеля и не возвращаться в течение трех лет, он отнесся к этому философски спокойно. Шота дает образную картину того, как решился вопрос об отъезде Автандила на поиски неизвестного. Он играл у себя на арфе и весело пел. К нему входит раб и передает приказ царицы явиться во дворец. Он спокойно одевается и идет.

Царица говорит ему, что знает о его любви к ней и во имя нее просит его поехать на поиски неизвестного, который показался на опушке леса в день ее коронации: с тех пор она заболела и не имеет ни минуты покоя. Она должна узнать, кто такой незнакомец и куда он исчез. Автандил тотчас соглашается исполнить ее желание.

Но тревожный сон напрасен. Брезжит день — он снова ясен. На коне своем, прекрасен, едет, путь принять готов.

Этот поступок Автандила полон юношеской отваги и дерзкого вызова судьбе.

Чего ждет себе в награду Автандил? По существу — ничего. Он любит Тинатин уже давно, еще когда она была царевной. Теперь, когда она коронована царицей, пропасть между нею и Автандилом выросла еще больше, да и сама царица напоминает, сколько препятствий воздвигнуто между ними.

Но идя на рыцарский поступок во имя той, которую он любит, и давая высокий образец верности долгу и своему слову, Автандил тут же совершает такое, что становишься втупик. Действительно: хорош рыцарь и человек долга, если он, заявив царю, что едет в армию, расположенную на границе государства, на самом деле бросает ее и едет на поиски неизвестного.

Мало того. Он вовлекает в это дело своего верного Шермадина, передает ему армию и просит его регулярно доносить царю от его имени.

Правь же твердою рукой. Для бойцов, идущих к бою, Ты пример являй собою. И к двору посланья шли. И в дарах будь вне сравненья. Будь мое здесь повторенье, Чтоб мое исчезновенье и заметить не могли.

Рыцарь, и в особенности ответственное за армию лицо, этого, конечно, сделать не может. Да Автандил и не сделал этого. Шота не был военачальником царя и ни в какие об'езды армии не уезжал. Но уехав на поиски Сослана, он простился со своим маленьким отрядом, одним из тех, которые тогда имелись у всех, даже не крупных, феодалов.

Но в том-то и суть этой сцены, что, отвергая ее правдоподобность по отношению к Руставели, мы поневоле принимаем и понимаем ее художественную выразительность и правдивость. Этого не было, но это могло быть и бывало в тысяче мелочей. И Шота, как истинный художник, берет вымышленный случай, чтобы ярче обрисовать психологию Автандила, наиболее жизненной фигуры эпохи. Он говорит нам: пусть этого не было, но Автандил способен на это. Поэтому Шота настойчиво морализирует этот момент, берет его под обстрел. И отсюда рождаются известные его афоризмы: «Ложь есть корень всего злого на земле». «Ложь и измена — две родные сестры».

Возьмем случай с Аснат. После долгих скитаний Автандил напал, наконец, на след Тариеля. Он проследил, где тот укрывается, и, выждав, когда Тариель ушел из пещеры, предстал перед Аснат. Он стал расспрашивать ее, кто такой Тариель и почему он скрывается от людей. Аснат, конечно, не проронила ни слова. Всякий другой бросил бы дальнейшие попытки выведать что-либо у Аснат. Но Автандил не таков. Он слишком хорошо знает женщин и умеет затронуть такую струну, которая быстро отверзает самые скрытные женские уста. Он рассказывает Аснат о своей любви, о страданиях вдали от возлюбленной. Его слушательница уже пленена: какая женщина закроет уши перед рассказами о любви? И не

успел еще Автандил досказать ей историю своей любви, как Аснат уже готова не только все открыть ему, но и вызвалась содействовать сближению его с Тариелем. Автандил играет на струнах человеческого сердца так же легко, как на арфе.

Его преданность Тариелю — высокий образец бескорыстной дружбы и верности, соединенной с готовностью претерпеть ради друга любые лишения. Действительно ли связал Шота свою участь с Давидом Сосланом именно при тех обстоятельствах, как это изображено в поэме, или при других, для нас не имеет значения. С полной уверенностью можно утверждать, что знакомство и сближение этих двух друзей произошло при более счастливых обстоятельствах, чем уединенная пещера. Пещера — это только образ, символ, но образ и символ такой силы, которые запечатлеваются навсегда. Вы знаете: что бы ни случилось, Автандил не изменит Тариелю. Если Автандил пошел на поиски неизвестного во имя любви к царевне, то теперь, найдя его и сблизившись с ним, он готов на все, лишь бы быть полезным своему другу. Когда он нашел Тариеля, трехлетний срок уже истек. Он верен слову, данному царевне, — вернуться в срок, и знает, что впереди его ждет любовь. И все же он не бросает своего друга в тяжелых условиях и без колебаний обещает ему вернуться через два месяца.

Так великий поэт запечатлел в веках наивысший идеал дружбы и верности. Во многих художественных образах высокой выразительности Шота раскрывает психологию Автандила, его благородный внутренний мир.

Приехав к царице, он ни на минуту не усомнился в себе, не подумал с тоской, зачем ему ехать в пе-

известность, когда он так близко от предмета своей любви. Не задумавшись, он возвращается к своему другу и весь отдается его интересам. Он едет искать похищенную Нестан-Дареджан и готов испытать любые превратности, чтобы оказать помощь своему другу.

Как смотрит Автандил на вопросы любви? Это имеет большое значение не только потому, что взгляды Автандила на любовь — взгляды самого Руставели. Любовь в освещении Шоты приобретает характер подлинного свидетельства о феодальной Грузии XII века, о том, как относились на рубеже Азии к женщине и чем отличалось ее положение здесь от положения женщины европейских стран, переживавших, как и Грузия, расцвет феодализма с его трубадурами и миннезингерами.

Автандил любит Тинатин не менее возвышенно, чем рыцари средневекового Запада.

«Приложи слезы к слезам и новые скорби к скорбям. Приодень мое сердце в траур, окружи меня густым мраком, взвали на меня тяжелое бремя горя, как на мула. Скажи ей: «Не изменяй ему, ибо он твой и страдает для тебя».

«Иди сюда, о, Луна. Пожалей меня.

Я мучусь и хуюеу, как ты: то хуюеу, то тучнееу от солнца.

Расскажи мои мучения и страдания. Иди и скажи ей: «Не изменяй ему, ибо он тебе принадлежит и страдает для тебя».

Казалось, тот, кто так тонко чувствует любовь, неспособен на иное проявление своих чувств к женщине. Однако Шота правдив до обнаженности. Он дает сцену любви между Автандилом и Фатман, женой богатого купца. Эта женщина, по описанию автора, уже немолода, недурна собой, жива, весела, любит выпить и наряжаться. Она влюбилась в Автандила и, не раздумывая долго, написала ему письмо.

Ее письмо не обрадовало Автандила, но и не вызвало в нем желания уклониться от прямого ответа. Он рассуждает просто: «Никто не имеет того, что желает, и не желает того, что имеет». Он садится и без долгих колебаний пишет Фатман письмо, правда, думая извлечь пользу для дела Тариеля: «Ты жди меня дома, а то из-за тебя я страдаю и пылаю огнем».

И, что характернее всего, он пишет, что в эту ночь мысль о Тинатин мучит его, он дрожит от тайного страха и сердце его глупое истерзано, словно скребут его свирепые звери.

Казалось, Автандил сильно терзается. Если он решил не останавливаться ни перед чем ради помощи Тариелю и пошел на сближение с Фатман только, чтобы извлечь из этого пользу, то он должен как будто переживать это противоречие между рассудком, заставляющим его идти на этот шаг, и чувством любви и верности своей Тинатин.

Однако Шота впадает в веселый юмор и взывает не к своей совести, а к любовникам: «Смотрите на меня, о, любовники! Я, которому принадлежала роза, я, соловей, сижу на навозе, подобно вороне».

Строгие критики постараются увидеть здесь крайнюю грубость и, сравнивая рыцарское отношение к женщине в феодальном обществе Запада, его идеализацию женщины с этим до предельности доведенным реализмом, скажут, что нравы грузинского феодализма были далеки от Европы. Доля истины в этом, конечно, есть, и поступок Автандила — яркая иллюстрация для характеристики некоторых черт грузинского феодального общества.

Автандил — человек своей эпохи. Мы видим, как он переносит свой вынужденный флирт с Фатман.

Этот жизнерадостный «любовник», как он себя называет, видит в случившемся только комическую сторону и дальше не задумывается.

В конце концов он не просто приволокнудся за праздной женщиной, у него есть своя цель, ради достижения которой он готов на все.

Предаваясь размышлениям, так он думал с осуждением. И с таким он был решением: «Можешь мне лишь ты помочь. Если в путь пойду, ищу я ту, кем друг горит, тоскуя, Чтоб найти, все совершу я. И другие мысли — прочь».

Когда он увидел, что отверженный любовник той же Фатман может разрушить все его планы, он, не долго думая, убивает его и без чувства раскаяния или угрызений совести продолжает свою связь и свои поиски.

Его юмор вытекает из существа отношения Автандила к жизни.

Его обращение ко всем любовникам — своего рода «декларация любви» — не выходит из рамок того, что было принято в обществе, которое описывает Шота: «Вы, любовники, не оглашайте своей любви. Сегодня одну, а завтра другую, но терпеливо переносите разлуку». Так Шота вскрывает образ своего героя. Основная его черта — способность поставить перед собой серьезную цель и достигать ее любой ценой. Этому автор посвящает много строк своей поэмы. Автандил вступил в связь против воли, убил человека, который мог бы повредить, покинул армию и три года обманывал царя. Набирается столько отрицательных фактов, что невольно встает вопрос: подлинно ли он герой и рыцарь, верный своему другу Тариелю? В том-то и все значение этих фактов,

что они еще больше, еще ярче оттеняют, на что способен Автандил ради своего друга. Он считает, что слишком высоки цели, к которым стремятся он и его друг, и в том, что он делает, нет ничего предосудительного. Шота изображает в своей поэме политическую борьбу. И он знает прекрасно, что в его время политика и мораль не всегда уживались между собой мирно.

Чем объяснить, что образ Автандила воспринимается как положительный? Приемами ли автора, незаметно располагающего читателя в пользу Автандила, или в нем имеется такая черта, которая сама по себе привлекает к нему симпатии? Секрет здесь в облике самого Автандила. Чувствуется, что он попал в несвойственную ему сферу политической борьбы, что натура его в основном созерцательная. Это — художник, который воспринимает окружающий мир и происходящие события для претворения их в художественные образы. Но уже втянутый в сферу этой борьбы он руководствуется одним чувством — верностью Тариелю.

Нельзя упускать из виду и те характерные особенности, которые переживала Грузия в связи с развитием феодализма, связанного с институтом вассалитета и ленной зависимости. Историзм, поданный Шотой в таких выпуклых и выразительных красках, — историзм не только личного порядка. Верность дружбе — социальное качество, возникшее и развившееся в феодальном обществе, и потому проникнуто им вся поэма.

Перейдем к не менее значительному персонажу эпохи и поэмы — царице Тамаре. Она изображена Шотой в лице двух героинь — Тинатин и Нестан-Дареджан. История сохранила нам образ царицы Тама-

ры не только как дальновидной и мудрой правительницы, возвеличившей Грузию до степени крупнейшей и могущественной державы древности, но и как образец женщины огромной нравственной высоты. О Тамаре в народе сложились предания, рисующие ее женщиной, чуждой женских слабостей и пороков. Эти предания имеют для нас важное значение: они дают критерий для проверки, соответствует ли образ Тамары, оставленный нам Шотой, той Тамаре, которую сохранила история и народный эпос.

И надо сказать, что Тамара в изображении Шоты и Тамара летописей — две разные женщины. Но нужно внести еще некоторую поправку. Тамара в самой поэме не похожа на Тамару вступительных строф к «Вепхис ткаосани», написанных позднее. В самой поэме Шота изображает Тамару как-то сдержанно, объективно; он сообщает факты, но не дает своего отношения к ним.

Иначе отнесся к Тамаре Шота во вступительных строфах поэмы. Здесь он дает высокий образец любви к женщине, тот образец, который не уступает феодальному Западу с его трубадурами и преклонением перед женщиной. Но здесь же он дает ей определение, которое для нас должно быть решающим при выяснении всего облика Тамары. Он называет ее «уцкало вита джихиа» — «безжалостная как зверь».

Шота описал с поразительным мастерством картину убийства «жениха». Почему же летописцы ничего не говорят об этом? Ведь о смерти Демны они упоминают. Что же мешает им прямо указать, что убил его Сослан? Если бы они назвали Сослана, напрашивался бы вывод, что Тамара — его будущая жена — была причастна к убийству Демны. Надо было выгородить Тамару, представить ее свету, как символ не-

зависимой, могущественной Грузии. В отношении же того, в ком воплотилось все передовое и лучшее, что имела грузинская нация при Тамаре, — в отношении Руставели летописцы нашли простой выход — они вычеркнули его из истории Грузии. Не потому ли, что летописцы прекрасно понимали значение великой поэмы Руставели, в которой он вскрывал интимную сторону убийства, называя всех причастных к нему лиц. Они и мысли не допускали, чтобы эти две фигуры — Тамара и Руставели — перешли вместе в историю, ибо Руставели в их глазах развенчивал Тамару.

Действительно, Шота разрушает образ Тамары, который оставили летописи. Шота пишет, что виновником убийства «жениха» была царевна. Летописцы указывают, что за все свое царствование Тамара не подписала ни одного смертного приговора. В Грузии конца XII века, если верить летописцам, был чуть ли не матриархат, и царица Тамара правила своим народом на основе любви и милосердия. По летописям выходит, что те войны, которые велись Грузией с окружающими ее народами, и победы, которые покрыли славою царствование Тамары, дались не оружием и кровью, а примерами любви и словами убеждения.

Надо оставить наивные ламентации летописей о Тамаре, если мы хотим стоять на реальной исторической почве. Летописи писались в тиши монастырей, и авторы их не столько отображали происходившие события, сколько морализировали по поводу них. Они имели свои счёты и с Тамарой и с Руставели, и поэтому летописи не могут служить для нас объективным историческим источником в разбираемом вопросе.

С большим доверием, вернее, с полным доверием мы должны отнести к такому источнику, как «Вепхис ткаосани». Это — первоклассный историче-

ский памятник для выяснения истинного лица Тамары, и у нас нет других памятников равного ему значения.

Итак, как совершилось убийство «жениха» — царевича Демны, о котором летописи хранят молчание? Выше уже излагались, по рассказу Тариеля, обстоятельства этого убийства; не должно быть сомнения, что Сослан убил Демну по подговору Тамары. Но это не все. Нельзя возлагать вину за это убийство только на них двоих. Недаром в поэме Шота отмечает, что царь заподозрил в подстрекательстве и свою сестру. Георгий III, несомненно, хорошо знал всю обстановку политической борьбы и жизнь своей семьи. Поэтому, узнав об убийстве, он мог сразу распознать инициатора — свою сестру Русудан.

Тамара — ей было в это время двадцать один год — росла под исключительным влиянием своей тетки, которая оказывала на нее воздействие и сделала ее проводником своих домогательств. Эта коварная женщина, которую как автор, так и Сослан глубоко ненавидят, что в поэме ярко отражено, пустила при дворе глубокие корни, и, конечно, ей меньше всего улыбалась перспектива победы Демны и потери ею своего положения и влияния.

Поэтому свидетельство Шоты о ее инициативе и об использовании ею через Тамару Сослана в качестве исполнителя убийства Демны не вызывает никаких сомнений.

Факт остается бесспорным. Убийство Демны Сосланом произошло по подстрекательству Тамары. Тамара — участница убийства своего двоюродного брата, и Тамара летописей и народных преданий — два лица, не имеющие ничего общего между собой.

Поэтому те круги, в руках которых находились ле-

тописи, стремились уничтожить самую память о «Вепхис ткаосани» и ее авторе. Это не удалось, и поэма пережила их. Она вышла невредимой из костров, на которых ее сжигали, и на много веков сохранилась в народе.

Тамара была умнейшей женщиной своего времени. Несколько веков спустя Иван Грозный называл ее «мужеумной царицей иверской», вдохновляя ее образом свои войска под Казанью. Она обладала большим и твердым характером, умела приносить свои личные интересы в жертву обстоятельствам и государственной необходимости, но также умела быть настойчивой в достижении своих целей. Она была безжалостна, когда обстоятельства этого требовали.

К изображению Тамары Шота подошел со всей прямоотой и ясностью, которые отличают его творчество и все его мироощущение. Но существует еще один источник сведений о Тамаре — народные предания. Как относятся они к проблеме «святости» или жестокости Тамары?

В народе сохранилось предание, с поразительной простотой и наивностью рисующее понимание народом этой стороны характера Тамары.

Против города Гори, на одинокой вершине горы стоит Горис-Джаварская церковка. Народное предание гласит, что однажды, во время охоты, любимый сокол царицы Тамары улетел на эту вершину и его никак нельзя было дозваться. Охотящихся отделяла от вершины река Кура. В этом месте в нее впадает бурная Лиахва. Тамара обратилась к присутствующим с вопросом, кто решится переплыть реку и доставить ей сокола. В награду смельчак может потребовать все, что захочет.

Среди присутствовавших был юноша, взор которо-

го выдавал его чувства. Он был влюблен в свою повелительницу. Юноша смело бросился в реку, чтобы доставить царице ее сокола, но она поняла, какой награды требует он от нее. Юноша быстро переплыл реку, поймал сокола, и вместе с ним бросился вплавь обратно... Тамара видела, что юноша скоро предстанет перед нею победителем, и стала молиться богу, чтобы он избавил ее от позора. Юноша приближался к берегу, но бог услышал молитвы царицы, и бедняга стал слабеть. Силы изменяли ему, и на глазах молящейся царицы он стал тонуть. Сокол покинул тонущего и прилетел к своей владительнице, а юноша пошел ко дну. В память этого влюбленного юноши и построена по повелению Тамары Горис-Джаварская церковь.

Это, в кратких словах рассказанное, народное предание удивительно образно передает внутренний облик Тамары. Вымаливать у бога гибель отважного, любящего ее юноши только для того чтобы он не мог потребовать от нее награды, нарушающей атрибут «святости», — что это: жестокость или святость? Во всяком случае, это предание более созвучно творению Руставели, чем древним летописям.

Освещение Руставели вопроса о привязанностях Тамары, в частности, о любви ее к Сослану, видимо, тоже разрушает тенденции летописцев. Шота оставил нам яркую характеристику, которую дает тетка и воспитательница царевны своей илемяннице. Когда Давар узнала об убийстве «жениха» и об угрозах своего брата-царя сжить ее со света, как главную виновницу убийства, она набросилась на царевну со словами: «бозо шен, бозо роскипо, бозо диацо», т. е. назвала племянницу проституткой. Но принять эти слова без критики нельзя.

Известная легкость нравов имела место в грузинском обществе XII века — в этом сомневаться нельзя. Нация только в XI веке освободилась от влияния мусульманской культуры, продолжавшегося несколько веков арабского господства. Приниженное положение женщины сменилось внешней свободой, и естественно, что моральные понятия устояться еще не успели. От мусульманского затворничества женщина ударилась в противоположную крайность, и совершенно понятно, что общественные нравы отличались некоторой свободой, вернее, распушенностью. Это явление отражено в поэме неоднократно, достаточно вспомнить отношения Фатман и Автандила.

И выражение «бозо» в ту эпоху видимо употреблялось не в смысле «проституция», «продажность», а означало распушенность.

Не чужда была распушенности и Тамара, и стремление летописцев представить ее как женщину святую и далекую от человеческих страстей объясняется тенденциозностью авторов-монахов.

То обстоятельство, что Шота так просто подошел к вопросу о той стороне жизни Тамары, которая тщательно затушевывалась летописцами, стала одной из главных причин дикой травли, которой подвергалась поэма Руставели в течение многих веков.

Руставели не без умысла назвал свою поэму по имени барса.

Когда Шота писал ее, Тамара представлялась ему в образе барса, принимающего угрожающие позы, но неспособного напасть на человека и причинить ему вред. Во Вступлении же, написанном позднее поэмы, он смотрит на нее уже не так. Он называет ее «безжалостной как зверь». У Руставели было достаточно оснований считать Тамару безжалостной, когда он

Шота Руставели

Скульптура художника-орденоносца Я. И. Николадзе!

Переплет издания Картвелишвили поэмы Шоты Руставели
«Вепхис ткаосани», 1888 год

увидел, что она отвернулась от него и позволила врагам безнаказанно напасть на него.

Строфы, где тетка называет свою племянницу «бозо, бозо», уцелели лишь потому, что рукописи поэмы бережно хранились в замках феодальных родов Орбелиани и других, относившихся к Тамаре отрицательно и имевших счеты с династией Багратидов.

Шота оставил более правильный образ Тамары, чем летописцы. Черты, которые он раскрыл в своей героине, служат не к унижению ее. Но они дают исторически верную картину. Тамара — сильная и законченная натура. Это настоящая дочь своего века, живой образ, воплощающий всю сущность феодальной монархии в Грузии XII века. Основной стимул ее действий — польза государства. И во имя этого она готова идти на смелые, подчас жестокие решения, холодным умом обдумывая создавшееся положение.

Нестан-Дареджан не раз повторяет, что прежде всего надо владеть собой. «Ра мостжирдес машин унда гонебани гониерса» — «Сильный человек должен соблюдать твердость духа в трудных обстоятельствах». Приняв решение, она не остановится ни перед чем. Здесь она будет «уцкало» — безжалостная, и, сколько бы к ней ни взывали, она равнодушно пройдет мимо.

В противоположность ей Тариель изображен беспомощным и даже слабым. Летописи сохранили сведения, что Давид Сослан был мужчиной атлетического сложения, огромной физической силы, красавец собой. Шота тоже изображает Тариеля мужественным, смелым, расправляющимся с барсами, как с зайцами, но на этих подвигах Тариеля он останавливается мало. Чувствуется, что он и вовсе не стал бы говорить об этом, если бы не желание показать, что в такие

тяжелые условия попал геркулес, что он физически почти раздавлен тяжелыми страданиями, свалившимися на него. Шота изображает Тариеля жертвой рока, и вся поэма, даже там, где о Тариеле нет и помину, проникнута его сочувствием любимому герою.

Тариель постоянно обливается слезами, падает в обморок, он ушел от жизни и людей, он горд и молчалив, и горе тому, кто захочет приблизиться к нему, нарушить угрюмый покой его уединения.

Это — Чайльд-Гарольд XII века, презревший людей и свет; и если он не окончательно еще порвал с миром, то лишь потому, что должен спасти свою Нестан-Дареджан и с нею достичь Индии и трона.

У Шоты одна только цель — вызвать сочувствие к тяжелой участи Тариеля, привлечь к нему симпатии. Все остальное имеет в поэме подчиненное значение. И автор достигает своей цели мастерски. Тариель — увлекательнейший художественный образ, и современники не замедлили отдать ему все свои симпатии.

Тариель хороший военачальник. Он быстро разбил хатаетского царя и взял его в плен. Тариеля отличает также целеустремленность — он ни на минуту не забывает, что он законный претендент на трон Индии. Вместе с тем он умеет считаться с обстоятельствами и, если нужно, подчиняться необходимости. Когда царь пригласил его к себе и откровенно рассказал, что для сохранения царского рода нужно выдать замуж царевну за «жениха», иначе говоря — уступить ему трон, Тариель подчинился этому, сумев свои личные интересы принести в жертву государственной необходимости.

Казалось, он должен быть чужд впечатлительности и необдуманных решений. Однако это не так. Он сдержан, пока находится под влиянием слов царя и

верит в необходимость и неизбежность «брака» царицы. Но стоило царице потребовать от него смерти «жениха», и он забывает убеждения царя, государственную необходимость и под влиянием аффекта быстро решается на отчаянный шаг.

Эта импульсивность его природы едва ли не была причиной того, что не успел он осуществить убийство, как уже всем стало известно, кто убийца. Он не принял мер, чтобы совершить все это скрытно и тайно, а помчался с отрядом прямо в лагерь «жениха» и почти открыто убил его. Он действует один, у него нет руководителей и советчиков и он совершает одну глупость за другой. Увидев, что всем стало известно об убийстве и его виновнике, он бросился в крепость и заперся в ней.

В момент, когда его могут просто схватить, как убийцу, Тариель не находит ничего лучшего, как заявить свои права на трон и сказать посланцам царя, что он ищет не дочери царя, а добывается трона. Между тем трон занят и говорить о нем пока, по меньшей мере, преждевременно.

Тариель плохо ориентируется в обстановке и подвержен всяким влияниям. Эту черту его хорошо понял Шота. И когда впоследствии против автора «Вепхис ткаосани» началась травля, он и не пытался обратиться к своему другу Сослану. Если в заключительных строфах он говорил, что воспел Сослана-Тариеля, то во вступительных строфах, написанных позднее, он обращается только к Тамаре. Он знает о беспомощности Сослана.

Говоря о Придоне, Шота очень скуп. Возможно, что после того, как князь Юрий изменил друзьям и перешел на сторону «каджей», много строф, посвященных ему, Шота сам исключил из поэмы. Он оста-

вил только самое важное, без чего разрушалась самая ткань поэмы.

Придон, когда его встретил Тариель, был еще полон воспоминаний об обидах, нанесенных ему его дядей и племянниками. Он еще не потерял надежды отомстить им, хотя его и отделяло от родины почтительное расстояние. Но с течением времени он должен был убедиться, что возврат на родину для него трудно осуществим. Он втянулся в военные походы, которые вела Грузия, и, находясь вдали от центра и политических событий, не мог принять какое-либо участие в политической жизни страны.

Его знакомство с Тариелем, состоявшееся в начале его появления в Грузии, имело некоторые реальные последствия. Придон выразил сочувствие Тариелю и всецело признал его право на трон.

Признание прав Тариеля — не что иное, как вмешательство Юрия в политическую борьбу, происходившую в Грузии. Едва ли у него были какие-либо виды, кроме того, что он искренно сочувствовал Сослану и хотел помочь ему. Но большой помощи своему другу оказать он не мог. Все сводилось к моральной поддержке. Правда, в поэме Придон предпринимал поиски Нестан-Дареджан, но они не приводили ни к чему. Под этими поисками надо понимать стремление установить связь с Тамарой и быть посредником между нею и Сосланом.

Юрий, без сомнения, учитывал, что появление Сослана на троне Грузии позволит ему осуществить свои стремления. Недаром Шота изображает в поэме, что Тариель оказал помощь Придону и помог ему разбить дядю с племянниками.

Во всяком случае, каковы бы ни были мотивы, которыми руководствовался Юрий, оказывая помощь

Сослану, и какова бы ни была эта помощь, самый факт участия Юрия на стороне Сослана указывает на то, что Юрий втянулся в происходившую в Грузии политическую борьбу, исход которой не был ясен для ее участников.

Когда Шота писал свою поэму и изображал Придона в числе друзей Тариеля, он не мог и подумать, что Юрий способен изменить общему делу и занять по проискам «каджей» тот трон, который друзья собирались добыть для Сослана.

Георгий III изображен в лице Ростевана и Парсадана.

Георгий III не был активной фигурой в той политической борьбе, которая нашла отражение в поэме Руставели. В начале своего царствования он совершил в некотором роде государственный переворот. Будучи назначен умиравшим царем, своим старшим братом Давидом, регентом над малолетним наследником Демной, он пробыл в этой роли один год, а затем провозгласил себя царем.

Когда Демна подрос и пред'явил свои права на трон, Георгий III обнаружил готовность мирно кончить свою тяжбу с племянником. Все перипетии этой борьбы с ее трагической развязкой мы узнаем из описания Шотой появления «жениха» и тех решений, которые «царь» принял для благополучного окончания «сватовства».

Если ему не удалось достичь желательных результатов, то вина в этом не его, а женской половины дворца, которая оказывала сильное влияние на политику государства и не встречала достаточного противодействия со стороны Георгия III. Это, конечно, характеризует его как неустойчивого и в некотором роде слабохарактерного правителя.

Но в трудных условиях, создавшихся в связи с убийством Демны, он все же не теряется и быстро находит выход. Он позволяет Сослану скрыться, а сам ищет компромисса с теми группами, которые сделали убийство Демны орудием политической борьбы против него самого. При создавшейся обстановке коронование Тамары было наиболее приемлемым выходом из положения, и Георгий III сумел принять это решение и осуществить его.

Сестра царя Георгия III Русудан изображена Шотой под именем Давар. При выборе ее имени Шота руководствовался желанием дать образ коварной, лживой, жестокой и неразборчивой в средствах женщины востока, который с таким совершенством дан в «1001 ночи» в лице Зат-ат-Давахи, владычицы бедствий.

Давар действительно является источником всех бед, которые обрушились на героев Шоты. Многие строфы, посвященные ей, были, вероятно, удалены из списков, которые хранились в среде реакционных феодально-церковных кругов, видевших в лице Русудан защитника своих интересов при дворе.

Георгий III поручил воспитание единственной дочери своей сестре, очевидно, не потому, что ему нужна была хорошая няня — это с успехом могли выполнить другие женщины. Русудан была не просто няней при Тамаре, а ее воспитательницей, что требовало высокой культуры и образованности.

Тамара была по природе выдающейся женщиной, но все, что ею было приобретено — и положительное и отрицательное, — все это она получила от Русудан, которая неизменно находится около Тамары при всех событиях ее жизни. Русудан прекрасно понимает, что «каджи» — «Верховное собрание» (организация ро-

довой знати) ограничивало власть Тамары, ее любимицы, но она не только ничего не предпринимает для борьбы с ними, а, наоборот, считается проводником влияния «каджей», которые видят в ней свою опору против Тамары.

Когда у «каджей» возник проект расколоть группу трех друзей, боровшихся за освобождение Тамары, и привлечь князя Юрия на свою сторону, не кто иной, как Русудан, становится рьяной сторонницей замужества Тамары с Юрием. Тамара уступила и в этом. Но даже когда «каджи» были, наконец, обезврежены Тамарой и исчезли из политической жизни Грузии, Русудан неизменно продолжала находиться около Тамары. Такова была сила ее ума и коварства.

В лице Фатман мы имеем представительницу женщин иного круга. Она из купеческого слоя, ведет себя свободно, отражая черты, свойственные женщинам ее эпохи, бывает при дворе, участвует в политической жизни страны.

Она деятельно помогает Автандилу в его заговоре, и хотя он относится к ее женским чарам иронически, но питает к ней и уважение и доверие, как к человеку. Через нее он действует в своем опасном предприятии и устанавливает связи с каджетской пленницей.

Это — новый тип женщины, и ее свободные отношения с Автандилом указывают, что в ту эпоху в среде торгового класса, к которому она принадлежит, нарождаются новые отношения и новые моральные понятия, отличные от тех нравов, которые были господствующими в феодальном обществе.

Заканчивая характеристику главных героев поэмы, нельзя пройти мимо такого женского образа, как Аснат, хотя она не принадлежит к числу историче-

ских персонажей. Но роль Асмат в происходящих событиях настолько значительна, что из служанки и рабыни она перерастает в лицо, незаметно творящее большое дело и оказывающее сильное влияние на течение исторических событий.

Она умеет хранить в полной тайне все, что она видит и что ей доверяют. От нее нет секретов. Она — ближайшее и довереннейшее лицо своей госпожи. Она посвящена в ее интимные дела, но она же выполняет и ряд поручений не только личного характера. Она знает все подробности «сватовства» своей госпожи и через нее ведутся тайные сношения с Тариелем.

Асмат знает, что Тариель играет большую роль в жизни ее госпожи, и этого достаточно, чтобы она не оставляла его ни при каких условиях. Эта незаметная и всегда молчаливая фигура все высмотрит, узнает через подруг-служанок интимные подробности жизни тех, кто привлекает внимание ее госпожи, и будет держать ее в курсе всех тайн.

Асмат — национальный тип, и даже больше, она социальный тип феодального общества, где верность, личная дружба, преданность являются основой той восходящей иерархии, на которой покоится феодализм.

В ЦЕНТРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Т

ри друга — Руставели. Сослан и князь Юрий были слишком одиноки, чтобы они могли принять более или менее активное участие в происходившей политической борьбе. Сослан был в изгнании, Юрий находился далеко на границе с Турцией и посвящал себя всецело военной деятельности. Оставался один Шота и те немногочисленные второстепенные деятели, которые могли бороться во имя Сослана.

Но с тех пор, как старая родовая знать и высшие представители духовенства ловко использовали убийство Демны и добились ценой компромисса влияния на государственные дела уже при Георгии III, дело Сослана можно было считать проигранным. К этим слоям примкнула и новая знать, а также торговый класс, и у Сослана не осталось социальных сил, на которые он мог бы опираться в своей борьбе за трон.

Единственный выход для него состоял в том, чтобы искать союза с Тамарой и совместно с нею выступить против тех сил, без преодоления которых Сослан не мог рассчитывать на успех. Но для этого надо было заручиться согласием Тамары, которая, при всей своей ненависти к «Верховному собранию», была все же настолько дальновидна и трезва, что видела безнадежность всяких попыток действовать активно в пользу Сослана при создавшихся условиях.

Реакционные феодальные группы твердо держали

власть в своих руках, и орудием их все еще была травля Сослана. Они раздували убийство Демны, вооружали общественное мнение против Сослана и держали Тамару под постоянной угрозой: если она сделает попытку освободиться от их опеки, они раскроют подробности убийства Демны, которые были скрыты от народных масс.

Шота решился смело и художественно ярко изобразить в своей поэме подготовку убийства Демны, чтобы раз и навсегда выбить это оружие из рук врагов. Тамаре было выгодно освободиться от кошмара постоянных угроз всяких «разоблачений», и возможно, что эта сцена была написана Шотой не без ее ведома и согласия.

Из поэмы видно, что главным действующим лицом является Автандил. Он установил связь с Нестандареджан, получил ее согласие и созвал совет друзей для выработки плана действий, которые поведут к ее освобождению.

С чем же думают они выступать? Сослан — последний представитель династии Багратидов, но это имя сильно скомпрометировано убийством Демны.

Юрий располагает военной силой, но она находится далеко и использовать ее нельзя. Начать вооруженное выступление под флагом Сослана, значит, заранее обречь его на неудачу, ибо оно прежде всего должно быть направлено против Тамары, а это не в интересах Сослана.

Третий участник этой группы заговорщиков не мог предоставить другого орудия борьбы, кроме своего поэтического дарования. Казалось, для той эпохи, когда вопросы политики меньше всего решались литературой, это оружие не могло играть большой роли, и все же с тех пор, как Шота опубликовал (или, вер-

нее, распространил в списках) «Вепхис ткаосани», события приняли совершенно неожиданный оборот.

Современники поэмы сразу, конечно, поняли, о ком и о чем идет речь, да и сам Шота не был, наверное, скуп на комментарии и раз'яснения. Действие поэмы было двойное: она возбуждала ненависть против одних, она привлекала все симпатии общества к другим.

Хотя при создании своей поэмы Шота руководствовался чисто политическими целями, «Вепхис ткаосани» — не памфлет и не политическая сатира, а чисто художественное произведение высокого мастерства.

В поэме нет ничего специфически политического. Шота описывает перипетии той политической борьбы, которая кипела вокруг него, но все ее эпизоды и действующих лиц он преломляет художественно и отражает в вымышленной обстановке и искусно завуалированной форме.

Основная задача его состоит в том, чтобы добиться, наконец, перелома общественного мнения в пользу своих героев и возбудить ненависть против виновников всех бед, обрушившихся на них.

Главное внимание Шота уделяет Тариелю и Нестан-Дареджан. Перипетии их жизни служат основной линией развития сюжета поэмы. Самый факт убийства Демны Шота передает с поразительной яркостью и показывает его подробности и его участников со всей возможной для художественного произведения полнотой. Незаметно для читателя он вводит его в курс всех обстоятельств, сделавших это убийство неизбежным. Всю остальную часть поэмы Шота посвящает описанию страданий и лишений Тариеля и Нестан-Дареджан после этого убийства.

После опубликования поэмы Руставели обстоятельства убийства, известные только узкому кругу лиц, делались ясными для всех. Перед поэтом стояла более важная и ответственная задача — после раскрытия всех обстоятельств убийства создать вокруг своих героев атмосферу такого сочувствия и горячих симпатий, чтобы читатель им все простил и даже забыл о самом убийстве.

И Шота достигает своей цели с изумительным мастерством. Все симпатии читателя на стороне Тариеля и Нестан-Дареджан; он с нетерпением ждет, когда же, наконец, эти два любимых его героя, перенесших столько страданий, соединятся и достигнут трона «Индии».

Шота воплотил в художественные образы участников политической борьбы в Грузии конца XII века и силой своего гения predetermined исход этой борьбы.

Удар Шоты был направлен против «каджей», т. е. против интригующего родового дворянства и в особенности против тетки царицы — Русудан. Он очень тонко раскрыл, что в сущности вдохновительницей убийства была она. Этим Шота отводил возмущение общества от своих героев и направлял его против той, которая занимала одно из первых мест в ряду «каджей», державших в плену Нестан-Дареджан.

Но этого мало. Русудан имела большое влияние на Тамару. Когда же действительный облик этой женщины ярко выступил в таком гениальном произведении, как «Вепхис ткаосани», у самой Тамары невольно должно было возникнуть недоверие к своей тетке. Тем самым Шота очень тонко отдалял Тамару от Русудан и вбивал клин в их отношения.

Но особенно сильный удар он наносил «каджам» —

тем группировкам, которые руководили Верховным собранием, захватившим власть в свои руки. Они увидели, что после раскрытия обстоятельств убийства, это событие — уже история. Интриги на этом больше строить нельзя.

Наряду с этим Шота направлял против них ненависть общества, и они увидели, что дни их сочтены. Чтобы спастись, надо перестраиваться в корне.

Рассчитывать на поддержку Тамары они не могли. Шота действовал с ее ведома и одобрения. Сохранилось даже предание, что по случаю окончания поэмы Тамара устроила всенародное торжество, на котором чествовали Руставели. Нет сомнения, она прекрасно учла, какое сильное орудие дал ей Шота для борьбы против ограничившего ее власть Верховного собрания. Чествованием по случаю появления «Вепхисткаосани» Тамара открыто бросила вызов «каджам». Они почувствовали, что начинается новый период борьбы, когда они не смогут больше противопоставить Тамаре оружие, так успешно служившее им столько лет.

В своей поэме Шота ясно указывает, что три друга, перед утверждением окончательного плана нападения на каджетскую крепость, снесли с Нестан-Дареджан и получили ее согласие. Это дало понять «каджам», что Тамара решила выйти из покорности Верховному собранию.

«Каджи» учитывали реальные силы. Власть была в их руках и они располагали своими людьми во всех областях государственного управления и в особенности в армии. Кроме того, крупные феодалы содержали свои военные силы, имевшие большой удельный вес в государстве.

Но была сила, вызывавшая у них очень большое

беспокойство. Это были войска князя Юрия, который на особых правах некоторой независимости располагал своей военной силой и был популярен в армии. Он мог в любое время выступить на стороне Тамары против «каджей», и тогда их дело было бы окончательно проиграно.

Поэтому «каджи» уделили особое внимание князю Юрию и задумали тонкий план дезорганизации союза Тамары и трех друзей, выступавших в ее защиту. Они решили отколоть от них Юрия, этим перепутать все их расчеты и раз и навсегда закрыть Сослану доступ к трону, которого он добивался в качестве последнего Багратида.

В лице Сослана родовые феодальные группы — Орбелиани и другие видели Багратида осетинской ветви, по их опасениям еще менее склонного, чем Багратида грузинские, идти с ними на какие-либо компромиссы.

В исторических условиях Грузии той эпохи Руставели руководствовался не только чувством дружбы к Сослану. Основную роль играли социальные побуждения, они толкали Шоту на сторону прогрессивных сил в грузинском феодальном обществе торгового класса и новой служилой знати.

Соединение Тамары и Сослана означало торжество этих новых сил, и поэтому скитания Тариеля и пленение Нестан-Дареджан — не только сюжет поэмы, но и страницы социальной борьбы, наполнявшей политическую жизнь страны.

В борьбе этих сил князь Юрий не принимал участия. Он был нейтрален. Он не принадлежал к старой знати, имевшей свои родовые поместья и стремившейся замкнуться в кругу своих феодальных владений. Но он так же мало был связан с предста-

вителями новой, служилой знати, стремления которой — обеспечить за собой влияние в государственной политике для получения земель и привилегий — были чужды ему. Юрий был в Грузии одинокой фигурой и имел значение, лишь поскольку он располагал военной силой. Он примкнул к Сослану и поддерживал его, пока считал, что тот имеет все права на трон. Меньше всего думал Юрий играть в Грузии активную политическую роль, но против своей воли был втянут в эту борьбу.

Феодално-реакционные силы, перед которыми встала реальная угроза потери власти, быстро приступили к делу. Абуласан, владеец Руствисси (области, где располагались военные силы Юрия), по сообщению летописей, явился инициатором брака Тамары с Юрием. Этот план был задуман хитро, и его вынашивал не один только Абуласан. Летописи говорят, что горячим сторонником брака была тетка Тамары — Русудан. И Абуласан, близко стоявший к Юрию, очевидно, послужил орудием в руках «каджей» для переговоров с Юрием и привлечения его на сторону Верховного собрания.

Конечно, ни Тамара, ни в особенности Шота и Сослан, не ожидали удара с этой стороны и были бессильны предпринять что-либо против измены Юрия.

Весь исход этой затеи «каджей» зависел теперь от Юрия. Найдёт ли он в себе силы не поддаться такому соблазнительному предложению — стать царем Грузии, отклонить все посулы и остаться до конца верным Сослану и Тамаре.

Получив столь лестное предложение — сделаться царем Грузии, пределы которой простирались от Черного до Каспийского моря и от Кавказского хребта

до Хоросана и Трапезунда, и мужем царицы Тамары, Юрий, видимо, потерял ориентацию и не учел всех обстоятельств.

Если «каджи» шли на такой шаг, то не для того, чтобы посадить себе властного хозяина и лишиться силы, которой они обладали. Им нужно было только найти безвольного мужа для Тамары и занять место, на которое покушался Сослан.

Юрий дал свое согласие на предложение каджей, и в 1188 году брак состоялся. Руставели и Сослан оказались теперь одни, и на этот раз должны были считать, что игра ими проиграна безнадежно.

Однако поэма сделала имя Тариеля-Сослана популярным среди самых широких слоев населения. Его страдания в изгнании и одиночестве быстро создавали ему сторонников, и Сослан делался для всех не только желательным претендентом на трон Багратидов, но и любимым поэтическим героем поэмы, завоевавшей себе всеобщее признание.

Наряду с этим действовала и другая причина. Каджи просчитались в своих расчетах. Князь Юрий, теперь уже царь Георгий, оказался истым варягом и не пожелал быть пешкой в руках Верховного собрания. Он смотрел на свое положение царя серьезно и не думал поступаться своими правами. Военная слава, приобретенная в войнах с неприятелем, еще больше укрепляла его в мысли, что он является тем лицом, которому Грузия вверила свою судьбу.

В столкновениях с «каджами» Тамара была на его стороне. Выдвигая Юрия вперед в борьбе с «каджами», ограничивавшими царскую власть, она ловко использовала это положение. Через два с половиной года после ее замужества конфликт принял такие размеры, что Тамара решила: настало время положить

Руставели в монастыре Св. Креста
Портрет работы художника Н. Тархнишвили

Бюст Шоты Руставели (гипс)
Работа орденоносца-профессора Я. И. Николадзе

конец навязанному браку, потребовать развода. Она нашла полную поддержку в Верховном собрании, давшем согласие на расторжение ее брака с Георгием.

Для Георгия это был не просто развод. Это было удаление с трона и лишение царской власти. «Каджи» дали ему наглядный урок — они приглашали его на трон вовсе не для того, чтобы уступать ему власть, которой они хотели обладать сами. Остроумный ход «каджей» оказался битым, и их ставленник, изменивший своим друзьям, но не захотевший быть послушным орудием Верховного собрания, исчез с политического горизонта Грузии. Юрий, однако, не успокоился на этом и организовал поход для возвращения себе трона, но это его выступление пошло только на пользу Тамаре.

Служилые элементы из военных, среднего и низшего чиновничества, а также духовенства, которые вынуждены были молчать в период господства Верховного собрания, теперь об'единились вокруг Тамары, и реакция оказалась изолированной. Тамара вернулась из предпринятого против Юрия похода победительницей не только над ним, но и над «каджами».

Время сделало свое. Пока одни политические события сменялись другими, общественное мнение страны под влиянием поэмы Руставели складывалось в пользу Сослана и в особенности Тамары. Ее пленение — пребывание у «каджей» — создало ей такую популярность, что ей уже ничего не стоило положить конец господству Верховного собрания. Оно тихо, без потрясений исчезло из жизни Грузии.

Теперь, когда Тамара оказалась одна, она должна была совершить последний шаг, предначертанный ей поэмой — соединиться с живым Тариелем-Сосланом.

Летописи отразили ту радость, которой была охвачена Грузия при браке Тамары и Давида Сослана. Это — показатель того, насколько популярно стало творение Руставели, насколько велика была сила его литературного воздействия среди современников.

Но было бы ошибочно думать, что «каджи» сложили свое оружие даже после того, как вынуждены были признать себя побежденными. Те группы, которые были представлены в Верховном собрании, и не думали отказываться от своих стремлений. У них сидел свой агент при Тамаре — Русудан, и они считали, что в новых формах, но свои интересы они будут защищать и дальше.

Они притворились лояльными. От старых приемов борьбы надо было отказаться. Они начали применять новую политику. Превознося царскую чету, ни в чем ей не противодействуя и всячески возвеличивая царствование Тамары и Сослана, они снова ловко вклинились в государственную власть и сделали ее частицей, притом весьма влиятельной.

Они сделали теперь самыми рьяными защитниками Тамары и Давида Сослана, и весь огонь своей ненависти направили против Шоты Руставели — главного виновника их поражения.

Шота сделался не только общим любимцем, но и самым близким лицом к Тамаре и Давиду. Они назначили его казначеем, а в те времена богатство государства состояло, главным образом, из земель.

На долю Шоты выпала, в сущности, роль распорядителя земельными ресурсами государства. Через него шла не только раздача земель, но и конфискация их у представителей старой знати и церкви. Естественно, что Шота стал ненавистен последним вдвойне. Против него они и направили свои удары. Они мсти-

ли ему, как только могут мстить люди, потерявшие все, что имели.

В поэме содержались сцены, которые были хороши и необходимы в тот период, когда велась напряженная борьба, но теперь, когда она увенчалась победой, многое из написанного сделалось неудобным. Например, сцена, как Тамара уговаривает Давида убить Демну, уже не могла быть приятной прежде всего самим Тамаре и Давиду. За эти-то сцены и ухватились в первую очередь «каджи».

Больше того, каждая сцена из поэмы теперь сделалась средством политической борьбы, и нет сомнения, что сам автор охотно расстался бы со многим из того, что он написал. Но... враги его бережно хранили каждую строчку, которую можно было направить против автора и косвенно против его высоких покровителей.

Конечно, Руставели, создавший свою гениальную поэму, в которой он с огромным искусством соединил мастерство первоклассного художника с остротой политического памфлета, многое мог противопоставить своим противникам. Нет сомнения, что он отвечал им то остроумным застольным спичем (на которые он, повидимому, был великий мастер), то меткими эпиграммами, к сожалению, не дошедшими до нас.

Но горе Руставели, как это ни странно, заключалось в его гениальном произведении. Его поэма завоевывала такое признание среди всех кругов населения, что многие ее места стали мешать благополучию Тамары и Давида, тем более, что враги Руставели искусно ими пользовались.

И Руставели пишет эпилог к своей поэме, где он говорит, что содержанием поэмы послужило чужеземное сказание, которое он только переложил на стихи для прославления Давида. Эпилог этот в том

виде, в каком он был написан, должен был отвести всякие нападки от Руставели.

При всех других условиях эпилог должен был положить конец борьбе вокруг поэмы. Но враги не складывали оружия, и эпилогу, убеждавшему в иранском происхождении поэмы, они противопоставили слишком яркое описание той сцены, где Нестан-Дареджан уговаривает Тариеля убить ее жениха. Это было наиболее уязвимое место, при помощи которого противники Шоты наносили удар Тамаре. Его они бережно хранили и усиленно раздували. Тариель-Давид, как мы помним, был не так повинен, хотя и являлся физическим убийцей. Он только выполнял волю той, которую любил и которая его послала на это убийство. Убедившись, что его версия: поэма — иранское сказание, — не смогла закрыть уста врагам, Шота вновь прибегает к помощи своей лиры и пишет вступление к поэме, показательное во многих отношениях.

Оно является само по себе самостоятельным произведением, правда, небольшим, всего из тридцати с лишним строф, — своего рода одой, воспевающей Тамару. Но надо думать, что и вступительные строфы подверглись той же участи искажений и вышли из под пера Шоты не в том виде, вернее, не в том объеме, в каком дошли до нас. Эти немногие строфы имеют огромную ценность: устами самого автора они подводят итог всей борьбе, которую вел Шота и которая теперь для него приходила к концу. И он ясно видел этот конец, столь неожиданный и, главное, столь незаслуженный им.

Во Вступлении Шота призывает всех послушать, как он будет воспевать кровавыми слезами Тамару, свою повелительницу. Дальше он снова говорит, что сюжет

поэмы заимствовал из иранского сказания, переведенного на грузинский язык, и он лишь переложил его на стихи.

Но вот в двадцатой строфе Шота бросает вызов «квеламан» — всем: «Знайте, — обращается он ко всем, — я хвалю ту, которую я хвалил и раньше. Это я считаю для себя великой славой, и я не опозорил себя этой хвалой». Ясно чувствуется, кому отвечает поэт и о каком позоре говорит. Он обращается к тем, кто так яростно вел против него борьбу, целясь в первую очередь в Тамару.

В следующих стихах видно, что Шота не стал бы отвечать им, если бы их нападки не имели уже тяжелых для него результатов. От него стала отступать сама Тамара, что действует на него наиболее удручающе. Здесь Шота и говорит: «Она моя жизнь, безжалостная как зверь».

Ясно, что Тамара решила отдалиться от Руставели, чтобы хоть этим путем положить конец непрекращавшейся вокруг поэмы борьбе. Ей нужен был этот ход, чтобы очиститься от всяких нападков. Трудно думать, что Тамара, при ее уме и дальновидности, могла не понимать, что отдаление Шоты означает принесение его в жертву врагам. Никто, конечно, не решался прямо нападать на нее; наоборот, с ханжеским видом оскорбленных верноподданных они поносили Руставели: как мог он написать про царицу то, что содержалось в поэме. Отказываясь от Шоты, Тамара могла надеяться, что ее враги оставят его в покое.

Может быть, и сам Руставели надеялся на это. В конце своих вступительных строф он говорит о поэзии, о любви. Теперь ему представлялось большим счастьем отойти от политических страстей подальше,

тем более, что и Давид и Тамара, завершив браком свою личную жизнь, полную превратностей судьбы, тоже искали покоя.

Но Руставели никуда не мог уйти от своей славы. Чем больше выявлялась величественность его поэмы, тем крупнее делалась фигура самого автора и тем злее становились нападки его врагов. Они обрадовались, что Тамара и Давид отступились от своего любимца, и еще больше усилили огонь нападков на него. Они искали случая отличиться перед Тамарой и видели свою заслугу в том, что поносили Руставели. И поэту не оставалось иного выхода, как покинуть свою родину, которую он прославил своим великим произведением.

Почему же Шота не нашел способа расправиться со своими противниками с такой же силой, как он сделал это с противниками Тамары и Сослана? В том-то и дело, что он имел перед собой все тех же старых противников, хотя и разгромленных, но перестроившихся и прикрывшихся именами Тамары и Сослана.

Шота оказался в безвыходном положении не потому, что на него нападали реакционные силы, а потому, что от него отступились те, кому он был так сильно предан и для кого так много сделал.

Он мог использовать свой высокий дар, чтобы раскрыть все убожество своих противников и показать их лицемерие — сомневаться в этом не приходится. Он этого не сделал; надо думать, что причин было много.

Помимо субъективных причин, свойственных его философско-созерцательной натуре, были, очевидно, еще и другие обстоятельства, более сложные, чем нежелание Тамары и Сослана обострять страсти. Его личная трагедия имела более глубокие корни, чем это может

показаться с первого взгляда. Его не могла не угнетать мысль, что победа, которую он доставил Тамаре и Сослану, привела в конце концов к примирению его друзей с его врагами. Между тем с этой борьбой он несомненно связывал более широкие цели.

Все эти обстоятельства заставили Шота покинуть свою родину. Этот гениальный сын своего народа исчез бы бесследно, если бы на родине у него не оставался брат Чахрухадзе, который сохранял связь с Шотой и был в курсе всех подробностей его путешествия. Из элегии Чахрухадзе, посвященной гибели поэта, мы узнаем о последних годах жизни автора «Вепхис ткаосани».

Шота едет через Аравию в Индию, Китай, затем плывет по Волге и поднимается в Россию; отсюда Черным морем он едет в Константинополь, Египет, вновь в Аравию и направляется в Иран, где задерживается на некоторое время, а затем, как сообщает Чахрухадзе, гибнет на пути в Грузию. Сведения эти характерны во многих отношениях.

Нет никакого сомнения, что слава Руставели сделала его имя популярным не только в Грузии, но и на Востоке. Она сопутствовала ему в скитаниях по чужим краям. Вполне естественно, что Шота, избравший местом действия своей поэмы Аравию и Индию, захотел прежде всего посетить эти страны. Надо думать, что в том душевном состоянии, в котором он находился, он останавливался в каждой стране ненадолго и направлялся дальше.

Он захотел также посетить Россию — родину одного из героев его поэмы, Придона. Может быть, отсюда, через земли половцев, он думал вернуться домой, но, видимо, получил известия, что приезд его несвоевременен. Он вновь направляется в путь, но

куда? Он едет в Константинополь, в Египет и отсюда опять в Аравию — в Йемен, Багдад.

Маршрут, который совершил Шота, требовал немало времени, особенно в ту далекую эпоху. Его путешествие продолжалось не менее трех-четырёх лет. Надо было иметь много средств, чтобы окупить все расходы, связанные с этим путешествием. Очевидно, средства эти присылал его брат Чахрухадзе. Вместе с деньгами он получал, конечно, известия о том, что происходило на родине, о настроениях, господствовавших в стране по отношению к нему — поэту-изгнаннику.

Возвращение его на родину оказалось, очевидно, невозможным, и Шота, пробыв около четырех лет в скитаниях, решил где-нибудь обосноваться. Он выбрал Иран. Здесь, видимо, его хорошо знали, и он встретил радушный прием. Неизвестно, сколько времени пробыл здесь Шота, но решил уехать и отсюда. Чахрухадзе думает, что по дороге из Ирана на родину он погиб от разбойников. Возможно, что Чахрухадзе сам не знал правды об участи своего брата после того, как тот покинул Иран, и, не получая больше от него никаких известий, решил, что Шота погиб.

В XVIII веке стало известно, что в монастыре св. Креста в Иерусалиме имеются памятники о том, что здесь кончил свою жизнь Шота Руставели. Этот факт остался непроверенным, и трудно сказать, насколько он соответствует действительности. Во всяком случае человек, который вел такую упорную борьбу против «каджей», возглавляемых патриархом Микелем, человек, который в своей жизнерадостности был так далек от византийского аскетизма, должен был пережить большую трагедию, чтобы кончить свою бурную жизнь в монастырском уединении.

РУСТАВЕЛИ
ФИРДОУСИ
ДАНТЕ

В

своей трагической судьбе Шота не одинок. За двести почти лет до него кончил жизнь в изгнании Фирдоуси. Спустя сто лет после Руставели та же участь постигла Данте. Три великих поэта таких трех разных стран, как Иран, Грузия и Италия, кончили жизнь в изгнании.

Но их роднит между собою не только общность судьбы. Они глубоко национальны в своем творчестве и в то же время переросли национальные пределы, создав произведения, вошедшие в мировую литературу как лучшие образцы поэтического творчества.

Они национальны, потому что источником их творчества был народ, к которому они принадлежали и судьбу которого делили. Они общечеловечны, потому что их гений облек жизнь их народа в совершенную поэтическую форму и сделал ее культурным достоянием всего человечества.

Фирдоуси сюжетом своей поэмы «Шах-Наме» взял существовавшие в письменном виде сказания о той борьбе, которую приходилось веками вести иранским народам, обосновавшимся в Передней Азии, с кочевыми племенами, двигавшимися с Востока.

Борьба Ирана с кочевниками, в частности с тюркскими племенами, появлявшимися из Средней Азии, послужила сюжетом для сказаний, которое составили содержание «Шах-Наме». Сказания об этой борьбе

слагались постепенно, получали письменную форму, и, когда Фирдоуси взялся за их переложение в стихи, это была уже огромная эпопея, охватывавшая период правления до пятидесяти царей.

«Шах-Наме» — совершенно самобытное народное творчество. Это — эпопея борьбы Ирана с кочевыми племенами, воплощенная в величественную поэму гением Фирдоуси.

Вся эта эпопея проникнута борьбой Ирана и Турана, но Фирдоуси не просто объективно излагал уже созданный в народе эпос — он воспевал героизм Ирана и его богатырей в борьбе с Тураном, тюркскими и иными племенами, разорявшими его родину. И в его художественном преломлении Иран вырастает в могущественную страну, сокрушающую своих врагов силами доблестных сынов своих.

Конечно, все творчество Фирдоуси было чуждо и враждебно тюркским завоевателям Ирана. И когда тюрк Махмуд Ганзневийский упрочился на родине Фирдоуси, стало ясно, что рано или поздно настанет день, когда эти две силы — физическая и духовная — должны будут столкнуться. Было ясно также, на чьей стороне будет внешняя победа. Фирдоуси должен был покинуть свой родной Тус и превратиться в изгнанника.

В иных социальных условиях находилась Грузия при Руставели. Грузия так же, как Иран, подвергалась нашествию кочевых племен, но эти нашествия носили особый характер. Территория, занятая Грузией, сама по себе была непригодна для кочевых хозяйств. Но степи, граничившие с нею с юга и востока, были излюбленным местом кочевников, заходивших сюда зимой, чтобы летом, когда в степях выгорает трава, уйти в горы.

Кочевники сами по себе не были опасны для Грузии. Она легко подчинила их при Давиде Восстановителе и Тамаре. Но земледельческие государства Передней Азии — Иран, Аравия, Турция — были кровно заинтересованы в том, чтобы отвести кочевые народы от своих земледельческих центров и направить их к окраинам государства, к пограничным с Грузией степям. В случае надобности, они поддерживали кочевников вооруженной силой, помогая им продвигаться к северу. Степи Ширака, Караяз, Мугани, Нигала оказались районами, куда охотно отвлекались нежелательные для стран Передней Азии элементы. На этой почве постоянно возникали военные столкновения с Грузией.

В эпоху Руставели Грузия владела всеми степями, граничившими с нею, и границы ее простирались на востоке до Дербента, а на юге—до Хоросана и Трапезунда. Она не закрыла кочевникам доступа к степям, а, наоборот, была сильно заинтересована в них, получая с них дань и ведя с ними торговлю. Хатаетия, куда Тариель по предложению Нестан-Дареджан предпринял поход для приведения данников к покорности, и была населена степными кочевыми народами.

Грузия была могущественным государством и держала кочевников в подчинении. Всякая борьба внутри государства могла привести к его ослаблению и неизбежно должна была повлечь за собою поражение и новые опустошительные нашествия кочевников. Устойчивость государственной власти при таких условиях делалась вопросом существования всего народа, поэтому особенно опасными оказывались те элементы, которые свои узкие групповые интересы ставили выше интересов государства.

Штоту мы видим в числе тех, кто выступает против

этих своекорыстных групп. Он не принадлежал к высшей феодальной знати, давно обосновавшейся в Грузии, но не был также и из тех, кто выдвигался из служилых элементов в ряды привилегированной новой знати, шедшей на смену старым феодалам.

Шота принадлежал к мехскому племени, пришедшему в Грузию позднее. Отсюда не следует, что социальное положение Шоты было отличным от остальной феодальной знати. Он принадлежал к высшим группам мехского феодального общества, но общества, имевшего свои особые интересы в существовании сильной государственной власти.

Италия времен Данте также состояла из отдельных раздробленных республик, внутри которых шла борьба между феодальными группами и возросшим торговым капиталом, заинтересованным в первую очередь в объединении Италии и прекращении феодальной раздробленности, тормозившей развитие торговли.

Были два центра, стремившиеся объединить Италию, — папы и германские императоры. Вокруг них и группировались основные силы Италии. Гвельфы, представлявшие интересы торгового капитала, группировались вокруг пап, феодальное же дворянство — гибеллины — искало опоры в императорах и стремились, главным образом, к защите своих групповых и областных интересов под крылом императорской власти.

Данте, начав свою общественную жизнь в родной Флоренции, примкнул к гвельфам, хотя сам он был по происхождению дворянин. Начало его деятельности отмечено стремлением пап и императоров притти к соглашению. В связи с этим старые партии, в особенности гвельфы, стали испытывать кризис в то время, как надежды гибеллинов оживлялись.

Гвельфы раскололись на две группы — сторонников пап и сторонников императоров. Но нашлись и более радикальные элементы, которые не хотели ни тех, ни других и стремились к самостоятельной роли в национальном объединении Италии. К этой группе, повидимому, примкнул и Данте, которому после победы гибеллинов пришлось покинуть родной город.

И Фирдоуси, и Руставели, и Данте не были оторваны от реальной действительности. Каждый из них был связан тончайшими нитями, всей своей повседневной жизнью с судьбами своей страны, и это обстоятельство сказывалось прежде всего на характере их творчества.

Что является основным признаком духовной жизни народа? Его язык. Письменность всех народов имеет одну характерную особенность. Возникая в определенный период культурного развития народа, она затем застывает на этом уровне, и в то время, как живой, разговорный язык развивается и испытывает все те влияния, при которых протекает жизнь народа, письменность продолжает веками сохранять установившиеся формы, делаясь предметом монополии ограниченного круга привилегированных лиц, владеющих в совершенстве «грамотой».

В период феодализма письменность такого вида оказалась недоступной народу. Жизнь его находит свое изустное отражение в песне, сказках, преданиях. Возникают две линии развития культуры — живая народная форма, в большинстве изустная, и оторванная от народа, застывшая в древних формах, книжная письменность.

Большое значение Фирдоуси, Руставели и Данте заключается в том, что эту письменность они сделали народной, создали литературный «письменный» язык.

положив в его основу живую, разговорную народную речь.

Фирдоуси не просто переложил сохранившиеся народные сказания в стихи. Эти сказания существовали в письменном виде, но на древнем книжном языке — «пахлевийском». Фирдоуси пишет свои стихи живым народным языком, придав ему высшую выразительность художественного слова.

Грузинская письменность велась на древнем языке, давно потерявшем свою жизненность в народе, но сохранившемся как язык церковный. Наряду с ним возникла письменность для обслуживания нужд государства, служилый язык, более близкий к народному. Но народный грузинский язык не имел своей письменности, своего литературного выражения.

Произведения, написанные на живом народном языке, появлялись в Грузии и до Руставели. Но только Шота постиг глубины грузинского языка и придал ему совершенство художественной чеканки. Никто не владел грузинским языком с такой виртуозностью, как Шота. Он в буквальном смысле слова создал литературный язык своего народа, как создал его Фирдоуси для Ирана и для Италии Данте. Здесь также считалось дурным тоном писать на «вульгарном» народном языке. Для «высоких материй» существовал латинский язык. Данте первый отказался от этой традиции и обратился к сокровищнице народной речи. Этому богатству он придал совершенную форму и вернул его своему народу в виде такого шедевра, как «Божественная Комедия».

Мы видим, что три великих поэта средневековья имели не только общую судьбу. То, что было причиной их изгнания и скитаний — близость к народу и его интересам — открыло им доступ к бесценному кла-

ду народного гения, который был сокрыт от взора целых поколений. Они вдохнули жизнь в этот клад и сделали его достоянием не только своего народа, но и предметом восторга всех культурных стран.

Связь с эпохой, с судьбами своего народа с особенной силой проявлялась у Фирдоуси, Руставели и Данте в художественном отражении окружающей действительности.

Фирдоуси имел перед собой эпос целого народа и даже народов, где событиям был придан неправдоподобный преувеличенный характер, а отдельные лица получили изображение в таких сказочных, мифических и даже анекдотических формах, что совершенно выпали из действительности.

В своей бессмертной эпопее Фирдоуси очеловечил богатырей, сделав их реальными, художественно впечатляемыми. Он достиг того, что его герои являются живыми людьми, творящими дела, не только понятные для всех, но и нужные, такие, к совершению которых каждый должен стремиться, защищая свою родную землю. И все же нельзя забывать, что Фирдоуси мог использовать уже созданный рядом поколений эпос, который его гению оставалось оживить и претворить в вечные образы.

Над Данте тяготело иное наследие. Он творил более свободно, но духовная культура древнего Рима, и в особенности средних веков с их схоластикой и мистицизмом, наложила свой глубокий отпечаток на творчество Данте. От латыни он освободился быстро, взяв все лучшее из классического наследия, но влияния средних веков он преодолеть не смог. В основу своей «Комедии» он кладет религиозно-нравственные воззрения, господствовавшие в средние века. Он строит схему из символических чисел, исходя из

троицы, создает аллегории для выражения господствующих этических норм, а своих героев и описываемую обстановку превращает в носителей отвлеченных понятий. Беатриче — это богословие, вера, Вергилий — разум, лев — властолюбие, дремучий лес — жизнь и т. д.

Самое деление «Комедии» на три части — ад, чистилище и рай — заимствованная из средневековых представлений схема, которая до Данте бралась многими писателями в назидание современникам за их греховную жизнь.

Руставели в своем творчестве самобытен. Он не связан, как Фирдоуси, рамками созданной до него народной эпопеи или, как Данте, построенной им самим сложной и, может быть, самой по себе красивой оправой.

Фирдоуси и Данте вкладывают в свои произведения плоды своих наблюдений и мудрость прожитой жизни; Фирдоуси приступил к своему труду уже в старости, а Данте начал свою «Комедию» в зрелые годы. Руставели молод. В своем произведении он не дает синтеза прожитой жизни и вынесенного опыта. Он писал свою поэму в пылу политической борьбы, тогда как Фирдоуси и Данте отдают своим произведениям долгие годы своей жизни, стоя выше ее временных преходящих интересов.

Руставели живет реальной жизнью и из этого богатейшего источника черпает свои образы. Это — не отложившиеся пласты, как у Фирдоуси или Данте. Это — подлинная жизнь, это живые люди и волнующие их события.

Фирдоуси слагает свою поэму исконно-иранским эпическим размером, двестишиями. Данте терцинами — трехстишиями. Руставели избирает самую труд-

Эскиз памятника Шоте Руставели

Работа скульптора К. М. Мерабшвили, удостоенная первой премии на
Всесоюзном конкурсе эскизов памятника великому грузинскому поэту

*Проект статуи Шоте Руставели высотой до 5 метров.
Будет высечена из белого мрамора*

ную форму. Его четверостишие имеет одну и ту же рифму. Но ему и этого мало. В своих стихах он дает еще и внутреннюю рифму.

Он не поучает и не морализирует. Он молод и смел, и он хочет вести за собой, а не следовать за другими. Ему надо превознести одних и низвести других, чтобы доставить торжество своим друзьям. Он делает это с такой силой, что если бы перед ним стояла только эта задача и он отдался бы описанию только психологии своих героев, это одно вознесло бы его поэму на высоту шедевров мировой поэзии.

Но Руставели не ограничивается этим. Его любимые герои — не просто его друзья. Они — носители определенной государственной идеи, он видит в них силу, которая должна возвеличить его народ и его страну, и он отдает своим героям всю свою любовь и весь свой гений. Он не просто творит свою поэму, отдаваясь влечению своего таланта,—он служит своему народу в наиболее ответственный и в то же время наиболее величественный момент его истории. Он берет огромный кусок жизни своей страны и облекает его в художественную форму такого мастерства, такой простоты и выразительности, что созданные им образы пережили века и продолжают блистать как высочайший образец мировой поэзии.

Давая в своей поэме национальный по содержанию сюжет, излагая те события, деятельным участником которых он был, Руставели в приемах своего творчества, в форме осуществления своего замысла вышел за национальные пределы и облек свою поэму в мировую оправу, развертывая действия ее в Аравии, Индии, Византии и других странах.

Здесь не только маскировка острых политических событий, изображенных в поэме, здесь свободный,

творческий полет гения, рвущего национальные рамки и в своем вымысле сливающего судьбы своей родины с судьбами окружающего ее мира. Это делает поэму Руставели мировым произведением в прямом, подлинном смысле этого слова.

Руставели так же, как и Фирдоуси и Данте, реалист в мельчайших деталях своих описаний и характеристик. Его герои не только живые люди, но и понятные во всех своих переживаниях, и эти переживания, такие как будто индивидуальные, в то же время общечеловечны.

Но реализм требует прежде всего художественной меры, нельзя ни чрезмерно углубляться в мелочи, ни слишком уходит в отвлеченность. Этой мерой в совершенстве владел Руставели, как владел ею Фирдоуси, и в особенности Данте, который при всей схематичности архитектоники своей «Комедии» с поразительным мастерством дал живые художественные образы своих героев.

Как ни гениальны были «Шах-Наме» Фирдоуси и «Божественная Комедия» Данте, их истинное значение стало ясным не современникам, а потомкам. Прошло немало времени, пока Флоренция стала претендовать на прах своего великого соотечественника, а Фирдоуси был перенесен в родной Тус.

Иная судьба выпала на долю «Вепхис ткаосани». Ее появление сопровождалось таким ошеломляющим успехом, она сделалась таким острым оружием в происходившей политической борьбе, что Руставели сразу стал мишенью для всех, против которых была направлена его поэма.

Эти силы, как при нем, так и еще много столетий спустя, имели власть и влияние в Грузии, и потому борьба вокруг Руставели и его поэмы не прекраща-

лась. Герои «Вепхис ткаосани» давно сошли с исторической арены, но вокруг них и самой поэмы кипела не менее напряженная борьба, чем при их жизни.

Царица Тамара в решительные моменты уступала реакционным силам, не останавливаясь даже перед большими личными жертвами, как это было при ее замужестве с Юрием, в вопросе о Руставели и др. Поэтому после смерти Тамары для реакционных кругов, где руководящую роль играли высшие представители церкви, оказалось более выгодным канонизировать дела и жизнь Тамары и провозгласить ее святою. Однако разоблачения, нашедшие место в поэме Руставели, мало вяжутся с обликом Тамары-святой. Неудивительно, если «Вепхис ткаосани» осталась в центре той огромной и напряженной политической борьбы, которая не прекращалась даже со смертью автора и действующих лиц.

Борьба эта обострялась еще тем, что Руставели затронул проблему власти — должна ли быть Грузия объединенной в единое государственное целое, или же ее развитие лучше обеспечивается при феодальной раздробленности и самостоятельности отдельных областей? Руставели решил этот вопрос в пользу единой власти. Но центробежные силы в государстве продолжали существовать, и для них поэма была непреодолимым препятствием на пути достижения своих целей. Поэтому понятной делается жестокая ненависть к этой поэме церковно-дворянских кругов феодальной Грузии. Это они подвергали сожжению «Вепхис ткаосани», и надо думать, что жертвой мести стал и подлинник поэмы, написанный рукой Руставели.

Ани. Старая столица Армении. В начале X в. здесь обосновались армянские Багратиды, и город стал быстро застраиваться. В XI в. Ани подвергались нашествиям персов и турок и затем при Тамаре были заняты грузинами. Правителем Ани был назначен Захарий Мхаргрдзеладзе, от которого пошла династия Захаридов, царствовавшая здесь до XIV в. Развалины Ани изучены академиком Н. Марром и дают картину некогда цветущего города с грандиозными зданиями и водопроводом.

Атени. Крепость в Атенском ущелье в 6 км от Гори. Некогда играла большую роль в экономической и политической жизни страны.

Багратиды. Грузинская и армянская династия, ведущая свое происхождение от иудейского царя Давида. В Армении Багратиды потеряли власть в XI в., в Грузии царствовали с VI по XIX в.

Давид Сослан. Происходил от сына Георгия I, царевича Дмитрия, бежавшего после смерти отца на родину матери, в Осетию.

Отец Давида Сослана, осетинский царь Джандерон, вторым браком был женат на Русудан, сестре Георгия III, воспитательнице Тамары. После смерти Джандерона Русудан вместе с пасынком Давидом переселилась к брату Георгию III.

Жинвани. Местность в Арагвском ущелье в 8 км от Ананура. Здесь Тамара имела свой дворец. Отсюда шли дороги в горную область.

Каджетская крепость. В Грузии известны две крепости с таким названием. Одна в верховьях р. Куры, называвшаяся Цуни или Цунда, другая близ Кобулет — Каджта-Цихе или Цихис-Дзири. Описывая в своей поэме Каджетскую крепость, Руставели, конечно, не имел в виду ни ту,

ни другую. То обстоятельство, что они носят одновременно и другое название, указывает, что Каджетской крепостью их стали называть позднее, после появления в свет поэмы Руставели.

Картлис Цховреба (Жизнь Грузии). Под таким наименованием известно собрание грузинских летописей; их характерная особенность — уклон в сторону обобщения событий и вытекающих из них нравственных и политических последствий вместо объективного и последовательного изложения самих событий. Черта эта в особенности сказалась при изложении царствования Тамары.

Лори. Крепость в Сомхетии, бывшая центром восстания Демны. В XVII в. Шах-Аббасом была отдана Манташ-беку, от которого произошли позднейшие владельцы — Лорис-Меликовы.

Монастырь св. Креста в Иерусалиме. Построен в начале XI в. грузинским монахом Прохоре на средства царя Баграта IV. Здесь имеется надпись: «Расписавшему сей (храм) Шоте, да простит бог (грехи). Аминь. Руставели». Это дает основание считать, что после отъезда из Грузии Руставели поселился здесь. Повидимому, здесь он и похоронен.

Мхаргдзеладзе (Долгорукие). При Тамаре сильно выдвинулись, как ее военачальники, братья Захарий и Иване Мхаргдзеладзе, отец которых, Саргис, также проявил себя крупным полководцем. Захарий завоевал Армению и был оставлен Тамарой ее правителем. Один из потомков Мхаргдзеладзе получил от султана Аргута в 1287 году ярлык на дворянство, и от него пошел грузинский род Аргуташвили.

Натжармагеви. Находится в 8 км от Гори, былалетней резиденцией грузинских царей. Венчание Тамары, описанное в поэме Руставели, происходило в Натжармагеви. Теперь село Каралети.

Орбели. Крупнейшие феодалы Грузии. Происходят от китайского выходца Джамбакура, фамилию же Орбели или Орбелиани носили по наименованию их родового владения Орбети (к юго-западу от Тбилиси, на реке Харам, в 6 км от Белого Ключа). Как до Тамары, так и после нее часто восставали против центральной государственной власти и были в постоянной вражде с грузинской царской фамилией.

Осетия. Область, занимающая центральную часть южных склонов Кавказского хребта, населенная осетинами. Играла важную роль в истории Грузии, защищая Карталинию от нашествия горских племен.

Рустави. Под таким названием известны местность в 12 км к востоку от Ахалциха и другая местность в 18 км от Тбилиси, вниз по Куре, где начинался большой оросительный канал. Совпадение наименований этих местностей с фамилией Руставели дало повод искать здесь место рождения Руставели.

Самцхе. Важная в стратегическом отношении область, защищавшая Грузию от врагов, наступавших с юго-запада. С XIV в. область подпала под влияние турок и стала называться «Саатабаго» по имени атабегов, назначавшихся турками.

Сигель архиепископа Василия высечена на камне, вделанном в стену «Синего монастыря», находящегося в Тбилиси, в местности Вера.

Сомхетия. Обширная и богатая область Грузии. В начале XVII в. Шах-Аббас опустошил Сомхетию и вывел в Иран почти все население, поселив здесь кочевое курдское племя Борчалу, откуда и пошло позднее наименование области Борчалинским уездом бывшей Тифлисской губернии.

Тмогви. Крепость к югу от Ахалциха, в верховьях р. Куры. Крепость принадлежала феодальному роду Тмогвели, одним из представителей которых был Саргис Тмогвели, игравший крупную роль в древне-грузинской литературе.

Трапезунд. Трапезундская область была важным пограничным пунктом в отношениях Грузии с Византией, а потом с Турцией. Поэтому Грузия всячески поддерживала стремление Трапезунда к самостоятельности и принимала меры к военной защите Грузии с этой стороны.

ГЛАВНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ

НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ:

«Вепхис ткаосани» в изданиях Вахтанга, Броссе, Ю. Абуладзе, С. Какабадзе, К. Чичинадзе и др. с вступительными статьями.

С. К. Квариани. Шота Руставели и его поэма. Моамбе, 1903 г., №№ 7 и 8.

Д. Чубинов. Грузинская хрестоматия.

П. Иигорква. Руствелиана.

С. Какабадзе. Статьи в журнале «Саистобрио моамбе» за 1924 г.

К. Кекелидзе. История грузинской литературы. Статьи в журнале «Мнатоби» за 1927 г. и 1931 г.

Летописи «Картлис Цховреба».

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

Н. Марр. Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой шкуре» Шоты из Рустава.

Н. Марр. Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Рустава и новая культурно-историческая проблема.

Н. Марр. «Возникновение и расцвет древне-грузинской светской литературы».

Н. Марр. Древне-грузинские описцы.

М. Джанашвили. Царица Тамара.

Д. Хаханов. Очерки по истории грузинской словесности.

Цагарели. Памятники грузинской старины в святой земле и на Синае.

Д. Чубинов. О грузинской поэме «Вепхис ткаосани».

Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа.

Вс. Миллер. Осетинские этюды.

Патканов. О древней грузинской хронике.

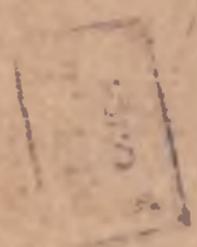
Баратаев. Нумизматические факты грузинского царства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Грузинский феодализм эпохи Руставели	7
Классовая борьба в Грузии эпохи Руставели	34
Происхождение Руставели	55
«Вепхис ткаосани» — национальное эпическое произведение.	72
Рассказ Тариеля о себе	96
В поисках Нестан-Дареджан	120
Руставели, его враги и друзья	143
В центре политической борьбы	169
Руставели — Фирдоуси — Данте	185
Примечания	196
Главнейшие источники	199

Цена 1 р. 50 к.

263

Журнально-газетное
объединение
Москва